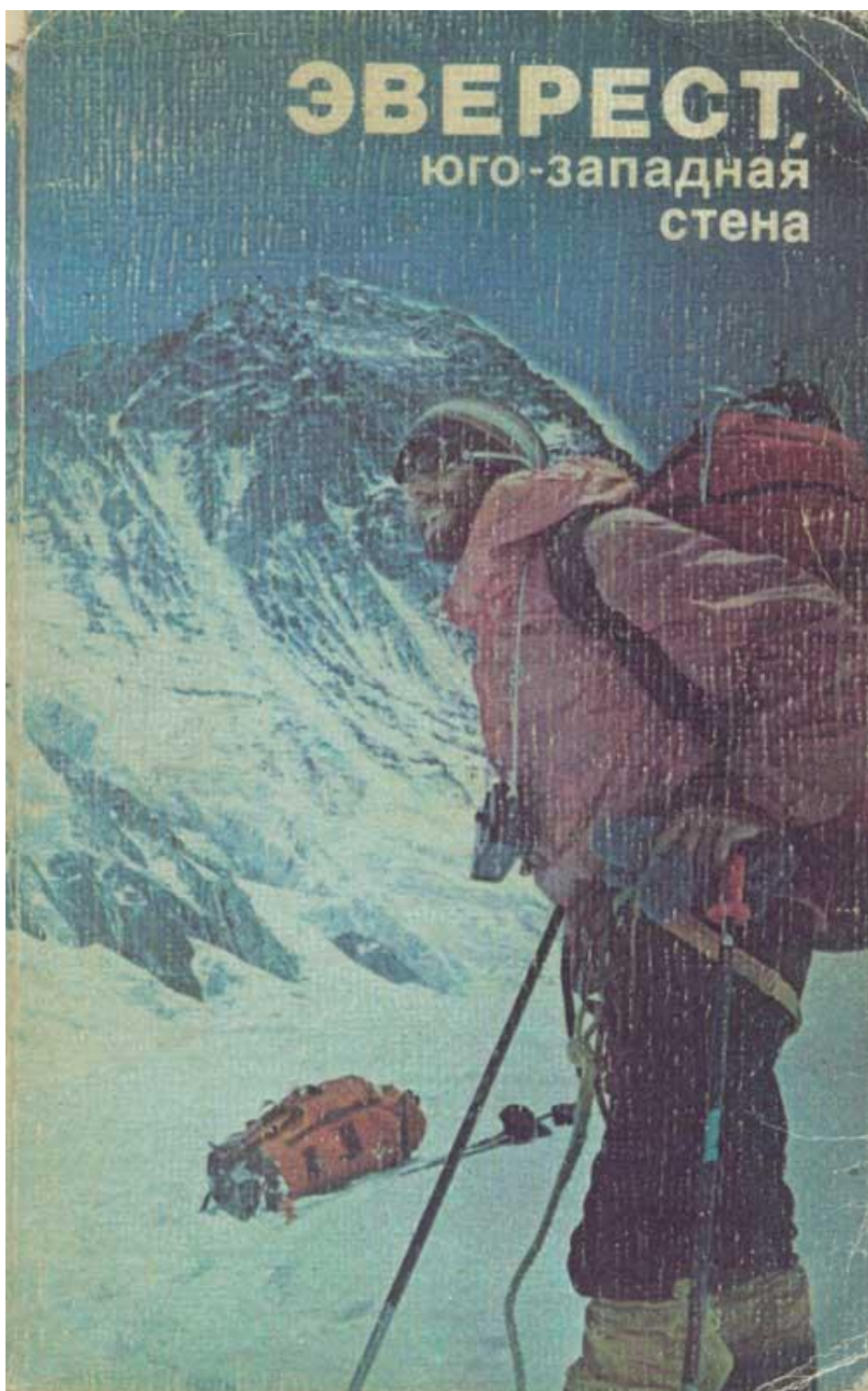

Эверест, юго-западная стена

Составитель - Л. М. Замятин Лениздат – 1984

Юго-западная стена Эвереста.

Сборник рассказывает о первой советской гималайской экспедиции, завершившейся успешным штурмом юго-западной стены Эвереста в мае 1982 года. Документальное

повествование ведется от лиц" ленинградских альпинистов, участвовавших в работе экспедиции, заслуженных мастеров спорта В. Балыбердина и В. Шопина. начальника экспедиции Е. И. Тамма, а также ленинградских кинематографистов В. Венделовского в Д. Коваленко, создавши" фильм "Восхождение на Эверест".

Оглавление

Первая Советская экспедиция на Эверест (И. Калимулин)	5
Ленинградская школа альпинизма (Л. Замятнин)	10
Борьба за Эверест (Л. Замятнин)	16
Западный цирк и юго-западная стена (В. Шопин)	20
На самый-самый верх (В. Балыбердин)	86
Шесть дней в мае (Е. Тамм)	143
Кинокамера на Эвересте (В. Венделовский, Д. Коваленко)	168

Мечта многих поколений советских альпинистов сбылась и алый советский флаг затрепетал на "высотном полюсе" Земли. Подобного успеха не знала ни одна из многочисленных зарубежных гималайских экспедиций. По мнению известного итальянского альпиниста, покорителя восьми восьмитысячников Рейнгольда Месснера, "советские альпинисты сказали самое веское слово в горвосхождениях двадцатого века".

В составе гималайской экспедиции было три ленинградских альпиниста — Владимир Балыбердин, Владимир Шопин и Леонид Трощиненко.

Первым из нашей команды ступил на высочайшую точку планеты Владимир Балыбердин. Его энергичные действия, его мужество и поразительная работоспособность сыграли решающую роль в самый напряженный момент штурма Эвереста. Он единственный из советских альпинистов взшел на вершину без кислорода. По утверждению начальника экспедиции Е. И. Тамма, к завершающему этапу экспедиции "сильнейшим оказался Владимир Балыбердин, который сумел лучше, чем кто бы то ни было другой, подготовиться к необычному спортивному сезону. Мы не ожидали такого от Балыбердина. Это была большая находка для экспедиции". По итогам опроса спортивных журналистов, в числе десяти лучших спортсменов СССР 1982 года впервые в истории советского спорта был назван альпинист Владимир Балыбердин.

Владимир Шопин вместе с Владимиром Балыбердиным работал в авангарде экспедиции — в передовой четверке Эдуарда Мысловского, успевшей до прибытия основного состава команды проложить путь через ледопад Кхумбу и установить первый лагерь. Обстоятельства сложились так, что в процессе работы на стене Эвереста четверка Мысловского была разделена. Владимиру Шопину не пришлось штурмовать вершину, но его самоотверженный труд по обработке маршрута и заброске грузов в высотные лагеря явился неоценимым вкладом в общий успех команды. Долгое время Шопин работал в передовой группе, прокладывая путь остальным. 29 апреля в непогоду ему вместе с шерпом Нимой Пембой удалось пробиться с грузом к третьему лагерю и занести туда кислород и продукты, благодаря чему ударная двойка Балыбердин — Мысловский сумела выйти на обработку верхней части маршрута и успешно штурмовать вершину. "Эверест Шопина ничуть не ниже Эвереста восходителей", — скажут потом.

Леонид Трошиненко был заместителем начальника экспедиции. На его плечи легли заботы по комплектованию экспедиционного груза, доставке его из Москвы в Непал и далее — к базовому лагерю у подножья Эвереста, по поддержанию в безопасном состоянии, в течение всего восхождения, пути через разорванный гигантский ледопад Кхумбу, на который приходится шестьдесят процентов всех жертв Эвереста. “Разве можно представить себе экспедицию без Леонида Трошиненко, бессменного “начальника ледопада”, который, как дома на работу, выходил на Кхумбу, ежедневно проверяя мостки, веревочные перила, лестницы?..” — писала “Комсомольская правда”.

За активное участие в развитии альпинизма и проявленное мужество при покорении Эвереста участники экспедиции отмечены наградами Родины. Владимир Балыбердин награжден орденом Ленина, а Владимир Шопин и Леонид Трошиненко — медалями “За трудовую доблесть”.

Эта книга основана на личных впечатлениях участников покорения Эвереста. Подготовка к экспедиции и штурм юго-западной стены Эвереста показаны с двух точек зрения — восходителя В. Балыбердина и “неудачника” Эвереста В. Шопина. Владимир Шопин работал в передовой четверке. Он стоял в хвосте длинной очереди советских восходителей на Эверест и не участвовал в штурме горы лишь потому, что был получен приказ о прекращении работы экспедиции. Он не успел выйти на восхождение, хотя и внес немалый вклад в победу советской команды.

Естественно, что “Эвересты” Балыбердина и Шопина разные. По-разному воспринимали те или иные события эти восходители, по-разному иногда оценивали они сложные ситуации, возникшие при штурме горы. Тем интереснее их документальные рассказы об этом событии, собранные в одном сборнике. Они не мешают друг другу, а напротив — дополняют общую картину.

И Балыбердин, и Шопин — воспитанники ленинградской школы альпинизма, продолжатели традиций таких известных горовосходителей, как Е. А. Белецкий, В. А. Буданов, А. С. Угаров, П. П. Буданов и другие; поэтому в сборнике кратко изложена история становления ленинградской школы альпинизма.

В главе “Шесть дней в мае” руководитель экспедиции Е. И. Тамм рассказывает о самых волнующих днях покорения Эвереста — от штурма горы первой двойкой Балыбердин — Мысловский до завершающего броска тройки Хомутова. Знакомясь с материалами дневника Тамма, мы ощущаем всю сложность, весь огромный психологический груз, лежащий на плечах руководителя, замыкающего на себя все нити восхождения.

Советская экспедиция на Эверест была пятьдесят шестой по счету за более чем шестидесятилетний период (начиная с 1921 г.) борьбы за покорение высочайшей точки планеты. В сборнике кратко изложена история борьбы за Эверест.

О покорении Эвереста советскими альпинистами был снят цветной фильм “Восхождение на Эверест” (режиссер В. Венделовский, оператор Д. Коваленко). В главе “Кинокамера на Эвересте” рассказано о том, как создавался этот фильм, как помогали кинематографистам восходители.

Первая Советская экспедиция на Эверест

Члены экспедиции (слева направо): Е. И. Тамм — начальник экспедиции, А. Г. Овчинников — старший тренер, Б. Т. Романов — тренер, С. П. Орловский — врач, Л. А. Трощиненко — заместитель начальника экспедиции, Ю. В. Кононов — переводчик и радист, В. А. Воскобойников — консультант по питанию. Спортивный состав: Э. В. Мысловский, Н. Д. Черный, В. С. Балыбердин, В. Г. Шопин, В. А. Иванов.

Спортивный состав (слева направо): С. Б. Ефимов, С. И. Бершов, М. М. Туркевич, Е. Т. Ильинский, С. Г. Чепчев, К. Ш. Валиев, В. Н. Хрищатый, В. П. Онищенко, В. В. Хомутов, В. Н. Пучков, А. В. Москальцов, Ю. Ф. Голодов.

Киногруппа (слева направо): В. В. Венделовский — режиссер, Д. И. Коваленко — оператор, А. В. Хергиани — высотный оператор.

Первая советская экспедиция на “третий полюс” мира Эверест (Джомолунгму) завершилась весной 1982 года.

Подготовка экспедиции заняла около трех лет — начиная с отбора кандидатов и кончая последними тренировочными сборами. За это время было совершено несколько восхождений на высочайшие вершины Советского Союза — пик Коммунизма, пик Ленина и пик Евгении Корженевской. Весной 1980 года в Непал выезжала группа специалистов для выбора маршрута на вершину, ознакомления с местными условиями.

Для штурма был выбран никем не пройденный маршрут — по контрфорсу юго-западной стены — один из сложнейших путей на вершину. Особенность предстоящего восхождения состояла в том, что до этого ни один советский альпинист не поднимался на высоту выше 7600 метров.

На основании критериев, утвержденных Федерацией альпинизма СССР и оргкомитетом экспедиции, был отобран окончательный спортивный состав экспедиции — двенадцать основных и шесть запасных участников. При отборе учитывались уровень специальной альпинистской и морально-волевой подготовки, степень совместимости кандидатов, гарантирующая возможность автономной работы двоек и четверок в экстремальных условиях, а также состояние здоровья с учетом специфики работы на больших высотах. В состав экспедиции вошли:

- Капитан команды Валентин Иванов, 1941 года рождения, москвич, заведующий сектором ОКБ Института высоких температур АН СССР, обладатель знака “Золотой ледоруб” за покорение всех советских семитысячников, двукратный чемпион СССР.
- Владимир Балыбердин, 1949 года рождения, ленинградец, инструктор альпинизма, чемпион СССР.
- Сергей Бершов, 1947 года рождения, харьковчанин, инструктор физкультуры, чемпион СССР.
- Казбек Валиев, 1952 года рождения, алмаатинец, старший инженер Института сейсмологии АН Казахской ССР, двукратный чемпион СССР.
- Юрий Голодов, 1944 года рождения, алмаатинец, старший научный сотрудник НИИ рыбного хозяйства, двукратный чемпион СССР.
- Сергей Ефимов, 1944 года рождения, свердловчанин, начальник службы эксплуатации кафедры экспериментальной физики Уральского политехнического института, трехкратный чемпион СССР.

- Эдуард Мысловский, 1937 года рождения, москвич, кандидат технических наук, доцент Всесоюзного заочного машиностроительного института, обладатель знака “Золотой ледоруб”.

- Владимир Пучков, 1941 года рождения, москвич, кандидат технических наук, младший научный сотрудник Института машиноведения имени А. А. Благонравова, чемпион СССР.

- Михаил Туркевич, 1953 года рождения, живет в Донецке, инструктор альпклуба “Донбасс”.

- Валерий Хомутов, 1942 года рождения, москвич, научный работник.

- Валерий Хрищатый, 1951 года рождения, алмаатинец, старший инженер института “Казгипроводхоз”, двукратный чемпион СССР.

- Ерванд Ильинский, 1940 года рождения, алмаатинец, парторг экспедиции, тренер спортивного клуба армии САВО, заслуженный тренер СССР, двукратный чемпион СССР.

- Алексей Москальцов, 1951 года рождения, харьковчанин, старший инженер Института проблем машиноведения АН СССР, чемпион СССР.

- Вячеслав Онищенко, 1936 года рождения, москвич, врач 1-го Московского врачебно-физкультурного диспансера, чемпион СССР.

- Сергей Чепчев, 1947 года рождения, алмаатинец, геолог Жетысуйской геологоразведочной экспедиции, двукратный чемпион СССР.

- Николай Черный, 1938 года рождения, москвич, заместитель начальника отдела международных альплагерей.

- Владимир Шопин, 1959 года рождения, ленинградец, инструктор альпинизма, чемпион СССР.

- Евгений Тамм, заведующий сектором Физического института АН СССР, профессор, доктор физико-математических наук, мастер спорта, заслуженный тренер СССР, начальник экспедиции.

- Анатолий Овчинников, москвич, профессор МВТУ имени Баумана, доктор технических наук, заслуженный мастер спорта, старший тренер экспедиции.

- Борис Романов, москвич, заведующий кафедрой 1-го Московского медицинского института, кандидат медицинских наук, заслуженный мастер спорта, председатель Федерации альпинизма СССР, тренер экспедиции.

- Свет Орловский, москвич, ассистент кафедры хирургии 2-го Московского медицинского института, врач экспедиции.

- Леонид Трощиненко, ленинградец, старший преподаватель Ленинградского электротехнического института имени Ульянова-Ленина, чемпион СССР, заместитель начальника экспедиции по материально-техническому обеспечению.

- Акакий Хергиани, тбилисец, кинооператор по высотным съемкам.

Первая группа участников экспедиции отправилась в Катманду 26 февраля, затем в течение десяти дней туда отправились остальные участники. Всего в составе экспедиции в базовом лагере было двадцать пять спортсменов, тренеров, обслуживающего персонала, а также три участника киногруппы студии “Леннаучфильм”.

Вот основные этапы экспедиции:

21 марта — открытие базового лагеря (5340 м);

21 марта — установка промежуточного лагеря (6100 м);

22 марта — установка лагеря-1 (6500 м);

31 марта — установка лагеря-2 (7350 м);

12 апреля — установка лагеря-3 (7850 м);
18 апреля — установка лагеря-4 (8250 м);
3 мая — установка лагеря-5— штурмового (8500 м);
4—9 мая — штурм вершины.

Груз экспедиции составил около 14 тонн и был доставлен в базовый лагерь непальскими носильщиками. Высотные шерпы помогли участникам экспедиции в доставке оборудования в основном до первого лагеря, но в дальнейшем из-за трудности маршрута многие из них не смогли работать выше.

Помимо трудности маршрута восходителям пришлось выдержать испытания непогодой: за последние годы это был один из самых ненастных сезонов в Гималаях. Однако, несмотря на сильный мороз, ураганный ветер и снегопады, из пятидесяти дней, которые провели советские альпинисты у Эвереста, в течение сорока пяти шла работа на маршруте.

Наши альпинисты пользовались кислородом с высоты 7800 метров. Однако следует отметить, что Владимир Балыбердин совершил штурм вершины из пятого лагеря без кислорода.

Советская экспедиция, участникам которой удалось подняться на вершину, была двадцать пятой за историю восхождения на Эверест. СССР — семнадцатая страна, представители которой побывали на “третьем полюсе” мира. Маршрут, проложенный к

Катманду. На одной из площадей города.

вершине советскими альпинистами, восьмой и является на сегодняшний день самым сложным.

Помимо большого спортивно-политического значения экспедиция на Эверест представляет интерес для проверки методов подготовки и обеспечения длительной и активной деятельности человека в условиях, предельно неблагоприятных для его организма,— таких, как большие психологические и физические перегрузки, низкие температуры, повышенная солнечная радиация, кислородная недостаточность. Было проверено разработанное специально для экспедиции оборудование, снаряжение и рационы питания, которые найдут применение при работах в других экстремальных условиях. Экспедицией были выполнены научные наблюдения по программам, разработанным АН СССР и Госкомгидрометом СССР.

Для экспедиции были специально разработаны и изготовлены: кислородно-дыхательная аппаратура, которая по надежности и весовым параметрам превосходит все, чем до сих пор пользовались в Гималаях; палатки, страховочные пояса, рюкзаки, утеплители на обувь и т. д. В очень сжатые сроки были сделаны штурмовые лестницы для перехода через ледопад Кхумбу и многое другое.

Экспедиция закончилась небывалым успехом. Рекордное количество участников прошло сложный из возможных маршрутов. С 4 по 9 мая на вершине побывали одиннадцать советских спортсменов.

Свое восхождение участники экспедиции посвятили 60-летию образования СССР.

Заместитель председателя оргкомитета гималайской экспедиции И. А. Калимулин

Ленинградская школа альпинизма

В. Балыбердин и В. Шопин достойно представляли ленинградский альпинизм в сборной команде страны. Ленинградские спортсмены гордятся тем, что воспитанники нашей школы альпинизма, приняв эстафету от прославленных восходителей старших поколений — таких, как Е. А. Белецкий, В. А. Буданов, А. С. Угаров, П. П. Буданов и другие, — вместе со своими товарищами покорили “третий полюс” планеты.

Авторитет ленинградской школы альпинизма очень высок. Альпинисты с берегов Невы ежегодно совершают восхождения во всех горных районах страны. Участвуя в первенстве СССР по альпинизму, они неизменно завоевывают призовые места. Свое мастерство ленинградские альпинисты подтвердили и в самых сложных зарубежных восхождениях — в горах Болгарии, Австрии, Италии, Франции, Югославии, США.

Сейчас в Ленинграде занимается альпинизмом более 3000 спортсменов. Здесь выросло два заслуженных тренера СССР по альпинизму, 8 заслуженных мастеров спорта, 16 мастеров спорта международного класса, 16 “снежных барсов” (покорителей всех четырех семитысячников страны), 156 мастеров спорта.

Отметив в 1983 году 60-летие советского альпинизма, радуясь блестящей победе наших восходителей на Эвересте, нельзя не вспомнить тех энтузиастов, с которых 54 года назад начался ленинградский альпинизм.

В 1930 году в осенний вечер в доме № 9 по улице Пестеля собралась группа будущих восходителей. Кое-кто уже успел побывать в горах Кавказа, а профессор Борис Николаевич Делоне, старший среди собравшихся, совершил не одно восхождение, и не только на Кавказе, но и на Алтае и даже в Альпах. С жаром рассказывал он молодежи о вершинах и ледниках. И казалось, раздвигались стены комнаты, которую будущие альпинисты окрестили “голубятней ОПТЭ”. И загорались глаза у новичков.

Вскоре при Ленинградском отделении ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий) была создана горная секция. “Здесь с особой силой мы почувствовали, что перед нами, советскими людьми, открыты все просторы нашей великой Родины. Здесь впервые мы поняли, что побеждать природу, успешно штурмовать горные вершины может только сплоченный, дружный коллектив. Но характер деятельности ОПТЭ определял главным образом туристский уклон мероприятий. О спортивных восхождениях тогда не говорили. Началась энергичная подготовка к лету. Снаряжения никакого не было. Сами решили сшить спальные мешки. С большим трудом раздобыли пожарную веревку. Достали проолифленные штормовые костюмы. Каждый участвовал в подготовке всем, чем мог. Трикони (Специальная металлическая оковка альпинистского ботинка) изготовили из петель для форточек”, — писал в книге “К вершинам советской земли” заслуженный мастер спорта В. А. Буданов.

Летом 1931 года на Кавказ выехали две группы ленинградских альпинистов: в ущелье Дыхсу — учебная экспедиция Ленинградского ОПТЭ со главе с Б. Н. Делоне (В. Недокладов, К. Нарбут, В. Буданов, И. Байченко и др.), в Гвандру — группа И. Юрьева.

Большая часть времени ушла на горную учебу. Было совершено первое восхождение ленинградских альпинистов на безымянный пик в районе Крумкольского ледника. В сложенном на вершине туре восходители оставили записку: “6 августа 1931 г. по юго-восточному гребню взойшла группа экспедиции Ленинградского областного совета ОПТЭ, в составе: Б. Делоне, В. Недокладов, В. Буданов, И. Байченко, Б. Фрид. Вершина названа нами “Пик Учебный”. Высота 4000м. Трудность выше средней”.

В Ленинграде при райсоветах ОПТЭ были организованы семинары по альпинизму. Они занимались пропагандой советского альпинизма, здесь вырастал альпинистский актив предприятий и учебных заведений.

Зимой 1932 года в горной секции появился худенький паренек с “Красного путиловца”. Врачи не допускали его к горовосхождениям: легкие не в порядке. Но Евгений Белецкий все же уехал в горы. Оказалось, что у этого паренька твердый характер. Современем, в результате упорных тренировок, он стал одним из ведущих высотников страны.

Летом 1932 года группа ленинградских альпинистов под руководством Б. Н. Делоне снова выехала на Кавказ в ущелье Дыхсу. Но на этот раз не повезло с погодой. Ограничились учебными занятиями и разведкой района. После окончания экспедиции Е. Белецкий, К. Нарбут и Н. Иванова уехали в Домбай и там покорили вершины Джаловчат и Эрцог. В. Митников совершил первовосхождение на Чотчу.

В это же время в Архызе работала вторая экспедиция горной секции Ленинградского ОПТЭ во главе с А. Грозовым. Ленинградские альпинисты В. Недокладов и Б. Фрид участвовали в Таджико-Памирской экспедиции 1932 года. Горную секцию Ленинградского ОПТЭ возглавлял уже В. Недокладов. В бюро секции активно работали Е. Белецкий, В. Буданов, О. Лейпунский и В. Митников. Решено было заняться подготовкой своих инструкторов альпинизма. Для этой цели В. Буданов и А. Крестовников организовали учебные группы. Кое-кто из ленинградцев окончил Всесоюзную школу инструкторов В. Семеновского. Все это позволило шире развернуть работу горной секции.

В 1933 году увеличивается число районных горных секций. Кроме ОПТЭ группы, отправляющиеся на Кавказ, организует уже и Володарский райсовет. В ряды альпинистов ОПТЭ вливается молодежь с “Красного путиловца”, “Электросилы”, завода имени Сталина и других предприятий города. Ленинградские группы выезжают в различные районы Кавказа. Одна из них исследует горные хребты и ледники в районе Безенги.

Е. Белецкий и В. Митников совершают первовосхождение на вершину Тютюнбаши. Но на спуске Митников срывается и погибает. У ленинградских альпинистов это был

первый несчастный случай. А вскоре случилась беда в Домбае. В группе А. Крестовникова на спуске с Софруджинского перевала сорвалась и разбилась Таня Беренденникова.

Из воспоминаний В. А. Буданова:

“Уроки 1933 года не прошли бесследно. Еще шире и серьезнее развернулась учеба в семинарах. В работу включились горные секции, организованные на “Краевом путиловце”, на заводе имени Ленина, на “Ижорском заводе”.

В феврале 1934 года горная секция ЛОС ОПТЭ приняла решение: “Поднять массовое движение за альпинизм среди молодежи крупнейших предприятий (города Ленина”. Возникла идея организации альпинистского лагеря. Решение этой задачи взяли на себя путиловцы. За создание высокогорного лагеря выступила газета Ленинградской комсомольской организации “Смена”. Материальные затраты по созданию лагеря приняли на себя профсоюз работников машиностроения и Ленинградский совет ОПТЭ. Местом лагеря была выбрана поляна Штулу в верховьях реки Черек на Центральном Кавказе.

Активнейшее участие в подготовке и организации первого ленинградского высокогорного лагеря принял путиловец Евгений Белецкий. За три смены в лагере Штулу было подготовлено 200 альпинистов. В конце летнего сезона была выпущена стенгазета “Высокогорный туристский лагерь ЛенОПТЭ и союза основного машиностроения”. Выдержки из этой стенгазеты гласят: “Помните, что каждый турист должен быть действительным ударником на производстве, передовиком в овладении техникой, отличником в учебе, образцом в военной подготовке... Пролетарские туристы, не растерявшиеся в снежных горах, не боятся в бою с врагами Страны Советов”. Из раздела “Наши альпинистские достижения”: “Участниками лагеря Кяо, Шейд, Степановым и Анфимовым под руководством инструкторов Белецкого, Лейпунского и Мартынова совершено восхождение на в. Фытнаргин (4200)”.

Опыт лагеря Штулу подтвердил на практике жизнеспособность новой формы альпинистского мероприятия, ставшей впоследствии одной из основных для советского альпинизма.

В 1935 году на поляне Штулу снова работал ленинградский высокогорный лагерь. Учебную часть его возглавлял В. П. Сасоров. Участники лагеря покорили вершины Санзыркай, Гюльчи и др. В этом году Е. Белецкий совершил зимнее восхождение на Эльбрус, а летом поднялся на Северную Ушбу. Ленинградцы В. Сасоров и И. Федоров покорили Айламу, совершили траверс вершины Коштантау. В этом же году Борису Николаевичу Делоне было присвоено звание мастера советского альпинизма.

В апреле 1936 года было ликвидировано ОПТЭ. Альпинизм, как самостоятельный вид спорта, передали под контроль Всесоюзного совета физической культуры и спорта. В этом году на Кавказе работали два ленинградских альпинистских лагеря: один — в районе Гвандры, другой — в Домбае. Ленинградцы Чертков, Недокладов, Трапезников и Салтыков покорили вершину Айлама, Калинин и Великсон — Дыхтау, группа, руководимая В. Будановым, взойшла на южный Домбай-Ульген.

Альпинистки М. Потапова, К. Нарбут и Н. Сидорова поднялись на Домбай-Ульген. Но наибольшего успеха летом 1936 года добились наши земляки Е. Белецкий и И. Федоров, совершившие первовосхождение на памирский шеститысячник пик Дзержинского.

Николай Семенович Тихонов в своей книге “Люди больших высот” рассказывает о том, что в феврале 1937 года один из энтузиастов и организаторов ленинградского альпинизма Марк Исидорович Арансон заговорил о своем плане организации восхождения советских альпинистов на Эверест.

Летом 1937 года на Кавказе работало две ленинградские школы инструкторов альпинизма. В. Гвандре — школа младших инструкторов, в Безенги — старших. Группа В.

Буданова покорила в Гвандре вершины Далар и Двойняшки. Группа С. Сасорова взойшла в Безенги на Шхару.

Снова отличилась ленинградская женская группа, победившая грозный кавказский пятитысячник Дыхтау (М. Потапова, А. Изергина, Н. Сидорова). А. Александров и К. Пискарев преодолели западную стену массива Бу-ульген. Евгений Белецкий первым в мире взойшел на оба памирских семитысячника — пик Ленина и пик Сталина. Вместе с ним на пик Сталина взойшел ленинградец В. Мартынов.

В 1938 году особо активно работают низовые секции альпинизма нашего города. На Кавказе действуют сразу три лагеря — спортивных обществ “Наука”, “Авангард” и “Электрик”. Альпинисты “Науки” совершают ряд выдающихся по тем временам восхождений, к которым можно отнести траверс Безенгийской стены, Шхары и Мижирги, восхождение женской группы на Тихтинген, штурм северной стены Домбай-Уульгена.

В 1939 году, в связи с централизацией альпинистских лагерей, самостоятельные ленинградские лагеря прекратили свою работу. В конце 1939 года во время конфликта на финской границе для боевых действий в суровых зимних условиях потребовались люди опытные, закаленные. И многие ленинградские альпинисты вступили добровольцами в формирующиеся лыжные отряды. На фронт уходят Е. Белецкий, В. Буданов, С. Калинин и др. В боях погиб командир одного из лыжных отрядов ленинградский альпинист П. Власов. К. Белецкий руководит школой инструкторов альпинизма ВЦСПС. С курсантами школы совершает он траверс Западной Чотчи.

Летом 1940 года пятнадцать ленинградских альпинистов совершили рекордное по трудности восхождение — траверс Ушбы, пройденный двумя группами (руководители Е. Белецкий и В. Буданов) в разных направлениях.

1941 год. Началась Великая Отечественная война. Ленинградские альпинисты защищают Ленинград, сражаются на Крайнем Севере, в горах Кавказа, на Карпатах. В феврале 1943 года отряд военных альпинистов Закавказского фронта по приказу командования совершает восхождение на обе вершины Эльбруса и, сбросив с них фашистские флаги, водружает на высочайшей точке Европы советский алый флаг, знаменующий разгром немецко-фашистских войск на Кавказе. Политруком этого отряда был ленинградский альпинист Е. Белецкий.

В первые месяцы блокады Ленинграда, когда, вследствие систематических артобстрелов и бомбежек, над историческими и архитектурными памятниками города нависла угроза уничтожения, альпинисты А. Земба, М. Бобров, О. Фирсова, А. Пригожева и М. Шестаков закрасили купол Исаакиевского собора и шпиль Петропавловской крепости, зачехлили шпиль Адмиралтейства.

В апреле 1945 года О. Фирсова и М. Шестаков вновь поднялись на Адмиралтейскую иглу и сняли маскировочную мешковину. Игла засияла вновь.

Не все вернулись с войны. В боях за Родину смертью храбрых пали известные ленинградские альпинисты И. Федоров, Л. Гутман, К. Соболев, С. Аскинази и более молодые — Е. Зеликин, Н. Рыжиков и др. К лету 1945 года Ленинградская секция альпинизма сильно поредела. Снова — тренировки в Саблино и Кавголово. Отсюда начинается путь в большие горы.

В 1946 году на Памире группа из 12 альпинистов под руководством Е. Белецкого совершила первовосхождение на высочайшую точку Рушанского хребта — пик Патхор. В этой группе были ленинградцы А. Кельзон, В. Старицкий, П. Семенов, А. Угаров и М. Потапова — первая в мире женщина, поднявшаяся на высоту выше 6000 метров. Затем группа Е. Белецкого (из ленинградцев здесь были А. Угаров и П. Семенов) первой покорила высочайшую точку Шахдаринского хребта — пик Маркса (6700).

Признан рекордным совершенный ленинградцами летом 1946 года полный траверс пяти вершин Аманауза на Кавказе (В. Буданов, А. Громов, И. Юрьев).

Летом 1947 года группа альпинистов, возглавляемая В. Будановым (из ленинградцев в нее вошли А. Громов, В. Иванов и М. Звездкин), совершила первовосхождение на памирский шеститысячник пик Маяковского.

Среди лучших восхождений ленинградцев последующих лет можно отметить траверсы массивов Аксаут (группа В. Буданова) и Домбай-ульген (группа С. Калинкина).

Начиная с 1950 года ленинградцы ежегодно завоевывают медали чемпионата СССР по альпинизму.

Выдающимся высотником стал Алексей Сергеевич Угаров. В 1953 году он руководит победным штурмом еще не покоренного памирского семитысячника — пика Евгении Корженевской, а в 1954 году — штурмом пика Революции. За эти восхождения А. Угаров был награжден золотыми медалями чемпиона СССР в высотном классе. В 1955 году А. Угаров преодолевает на Памире траверс пик Октябрьский — пик Ленина в составе команды высотников ВЦСПС.

В 50-е годы целым рядом выдающихся высотных восхождений руководит Евгений Андрианович Белецкий (советско-китайские восхождения на пик Октябрьский — 1955 г., Музтаг-Ата — 1956 г. и др.).

В мае 1958 года Комитет по физической культуре и спорту Китайской Народной Республики пригласил советских альпинистов принять участие в совместной экспедиции для покорения высочайшей вершины мира Эвереста с севера, со стороны Тибета. В августе — сентябре 1958 года на Памире проходили совместные тренировки и восхождения китайских и советских альпинистов — участников будущей экспедиции. В составе советской части экспедиции на Памире готовились и ленинградцы Г. Аграновский, П. Буданов, Г. Ильинский, К. Клецко, В. Потапов. Начальником штаба будущей экспедиции был Е. А. Белецкий.

В ноябре отряд китайских и советских альпинистов отправился в Южный Тибет для разведки подхода к Эвересту с севера. Предстояло выяснить состояние Ронгбукского ледника и перевала Чангла. Советский Союз был представлен альпинистами Е. Белецким, А. Ковыrkовым и Л. Филимоновым. Разведка прошла успешно. Но это восхождение не состоялось.

В ленинградском “Спартаке” выросла великолепная команда высотников во главе с П. Будановым. Еще в 1956 году П. Буданов и К. Клецко в составе спартаковской команды В. М. Абалакова покоряют самый северный семитысячник мира — пик Победы (Тянь-Шань). В последующие годы команда, воспитанная Петром Петровичем Будановым (Г. Аграновский, Я. Дьяченко, Г. Ильинский, Б. Клецко, К. Клецко, Ал. Колчин, К. Коноплев, Ю. Устинов), совершает целый ряд выдающихся рекордных восхождений (пик Ахмада Дониша, траверсы пиков Бородино — Ленинград, Энгельса — Маркса, Четырех — Е. Корженевской—все Памир; восхождение на пик Маашей— Алтай; пик Коммунизма по восточному ребру — Памир). Почти все члены будановской команды станут “снежными барсами” — покорителями всех семитысячников страны.

Сильные альпинистские команды появляются в “Буревестнике” (секции ЛПИ, ЛГИ, ЛГУ, ЛЭТИ), “Труде” и “Локомотиве”. С 30-х годов не ослабевает интерес ленинградцев к району Безенги на Центральном Кавказе. Суровые безенгийские вершины англичане, участники первой успешной экспедиции на Эверест, не случайно называли “Маленькими Гималаями”. Именно здесь начинали свой путь такие известные ленинградские альпинисты, как Г. Чуновкин, Ю. Шевченко, В. Солонников и другие, вокруг которых группировались способные молодые альпинисты. Была будановская команда, были

отдельные яркие личности, альпинистские “звезды”—такие, как В. Степанов, Б. Кораблин. До их уровня хотелось дотянуться молодежи. И молодежь дерзала.

В секции Ленинградского университета А. Громов воспитал сильную команду высотников. В 1960 году эта команда во главе с С. Саввоном становится чемпионом СССР, взойдя на пик Революции по юго-восточному гребню. В 1961 году альпинисты ЛГУ покоряют пик Маркса, в 1962 году — пик Таджикистан.

Классная команда спланируется в “Труде” вокруг Г. Чуновкина. Лучшие ее восхождения — Крумкол по северо-западной стене, пик Таджикистан по северо-восточной стене, пик Энгельса, по северо-восточной стене.

Успешно выступает на первенстве СССР команда ленинградского “Локомотива” (траверс пиков Энгельса — Маркса — Таджикистан под руководством Р. Иванова, траверс пиков Гармо — Коммунизма — руководитель Ю. Кузьмин, восхождение на пик Хан-Тенгри под руководством О. Худякова).

К началу 70-х годов молодая команда вырастает в альпинистской секции ЛЭТИ (“Буревестник”). В 1970 и 1971 годах она завоевывает золотые медали за стенные восхождения на пик Маркса и на вершину Бодхо-на (руководитель Ф. Житенев). В 1972 году команда Ф. Житенева становится бронзовым призером чемпионата за восхождение на пик Российского географического общества (Тянь-Шань).

В середине 70-х и в начале 80-х годов успешно выступает команда спортивного клуба армии (стенные восхождения на пик Энгельса, 1974 г.— руководитель А. Гаас, пик Маркса, 1976 г. — руководитель Ю. Шевченко, Южная Ушба и пик Скалистый, 1981 и 1982 гг.— руководитель П. Голубев).

Но наибольших успехов за всю историю ленинградского альпинизма добивается команда “Труда”, сплотившаяся вокруг талантливого спортсмена и организатора Виктора Солонникова. Более десяти лет выступает она в чемпионатах страны и почти ежегодно завоевывает призовые места, чаще всего в высотно-техническом классе. Трудно в кратком обзоре перечислить все рекордные восхождения этой команды. Не может не вызывать восхищения ее капитан. Не случайно к В. Солонникову тянутся наиболее активные и талантливые молодые спортсмены.

Еще дважды (в 1973 и 1975 гг.) собирались наши сильнейшие высотники для подготовки к восхождениям в Гималаях.

В июле — августе 1973 года на Памире на сбор на леднике Бивачном съехались кандидаты в советскую гималайскую команду для предстоящего покорения Эвереста. На место в команде претендовало 36 спортсменов. После сдачи нормативов по физической и технической подготовке восходители покорили пик Россия (6852). В числе кандидатов были и ленинградцы О. Борисенок, К. Клецко, Г. Корепанов и Ю. Устинов. Но и это восхождение на высочайшую вершину мира не состоялось.

Гималайские восьмитысячники неудержимо влекли советских альпинистов. Возникли планы восхождения на вершину Макалу (8481). И снова на Памире на леднике Гармо в июле — августе 1975 года собираются 25 сильнейших действующих высотников страны. Готовясь к будущему восхождению, альпинисты покорили самую высокую точку СССР — пик Коммунизма по пути Н. Белавина. На этом сборе Ленинград представляли О. Борисенок, К. Клецко и Г. Корепанов. К сожалению, и восхождение на Макалу не состоялось. Гималайская экспедиция (уже на Эверест) переносится на 1980 год, а затем — на 1982-й. И уже новое поколение ленинградских альпинистов стремится попасть в Гималаи. Успешнее других многочисленные ступени отбора преодолевают спартаковец Владимир Балыбердин и зенитовец Владимир Шопин.

Предгималайский 1981 год стал победным для ленинградского альпинизма. В трех классах — техническом, высотно-техническом и высотном — ленинградцы завоевали золотые медали чемпионов страны. Лишь в скальном классе они были вторыми.

За восхождение на пик Коммунизма по юго-западной стене в составе команды Ленинграда (руководитель В. Солонников) В. Балыбердин и В. Шопин получили золотые медали чемпионов СССР.

Борьба за Эверест

Человека всегда привлекало самое трудное, самое недоступное. Поэтому так упорно велась борьба за покорение Северного и Южного полюсов земли. Поэтому так влечет к себе вот уже более шестидесяти лет величайшая вершина мира Эверест (8848 метров над уровнем моря), который называют высотным полюсом земли.

Английские топографы, работавшие в Гималаях в 1845—1850 годах, обнаружили высочайший в мире пик и в 1856 году назвали его в честь начальника топографической службы Индии полковника Джорджа Эвереста.

Несколько десятилетий люди пытались покорить Эверест. Лишь 29 мая 1953 года участникам британской гималайской экспедиции новозеландцу Эдмунду Хиллари и шерпу Норгею Тенсингу удалось подняться на высочайшую точку земли. С тех пор Эверест побеждали неоднократно. Но далеко не каждая экспедиция добивалась успеха. Были жертвы, были отступления.

Как часто, знакомясь с отчетами гималайских экспедиций, мы узнавали о том, что восходители не сумели преодолеть последние сотни метров, отделяющие их от вершины. Тот, кто не знаком с горами, вряд ли может представить себе состояние спортсмена, борющегося на восьмидесяти тысячной высоте с ураганным ледяным ветром и свинцовой усталостью, перед которым стоит выбор — идти к вершине (с ничтожным шансом на благополучное возвращение) или отступить, пока еще не поздно. Но ведь всей командой затрачено столько усилий и ты — последняя надежда друзей, страны. По-разному решали в критическую минуту спортсмены. Эверест знает много трагедий. Крепко хранит он свои тайны.

До 1952 года лишь Великобритания организовывала экспедиции в район этой вершины. Участники первых восьми экспедиций (до 1949 г.) пытались взойти на высочайшую точку планеты с севера, со стороны Тибета, потому что территория Непала до 1948 года была закрыта для европейцев.

Уже в третьей по счету экспедиции (весна 1924 г.) английские альпинисты были очень близки к успеху. Д. Мэллори и Э. Ирвин вышли на штурм с кислородными приборами. В последний раз их видели на подъеме на высоте порядка 8500 метров. Как погибла эта двойка — на пути к вершине или уже на спуске, после покорения горы, — до сих пор остается загадкой. Во всяком случае, первовосходители на Эверест в 1953 году никаких следов пребывания человека на вершине не обнаружили.

Во всех экспедициях в качестве высотных носильщиков участвовали шерпы. В первых трех безуспешных экспедициях погибло 12 человек (из них 7 шерпов). Были предприняты попытки восхождения как с кислородом, так и без кислорода. В 1922 году Т. Сомервеллу и Э. Нортону удалось без кислорода достичь высоты 8326 метров.

Первая разведка на Эверест с юга, со стороны Непала, была предпринята англичанами в 1949 году. На следующий год английские восходители попытались преодолеть ледопад Кхумбу, но проникнуть в Западный цирк не сумели. С этой задачей

осенью 1951 года удалось справиться следующей английской экспедиции во главе с Э. Шиптоном.

В 1952 году впервые бросают вызов Эвересту швейцарцы. В течение года они проводят подряд две экспедиции — в домуссонный и послемуссонный периоды. Весной они были очень близки к победе. Р. Ламбер и шерп Н. Тенцинг с кислородными аппаратами достигли той же высоты (8500), что и Д. Мэллори и Э. Ирвин двадцать восемь лет назад, поднимаясь через Южное седло. Восходителям было ясно, что на пути к вершине их уже не ожидают какие-либо непреодолимые технические трудности, но упущено было слишком много времени — начался муссон, и отважной двойке пришлось спуститься вниз, не достигнув цели.

Весной 1953 года англичане во главе с Д. Хантом “добили” Эверест. Через Южное седло, по пути, разведанному швейцарцами, на “третий полюс” земли ступили новозеландец Э. Хиллари и шерп Н. Тенцинг. Восходители пользовались кислородными приборами. В работе экспедиции принимали участие более тридцати шерпов.

Весной 1956 года тем же путем на Эверест удалось подняться с кислородом четверым швейцарцам.

В 1960 году в борьбу за покорение Эвереста включились китайские альпинисты. 28 спортсменов во главе с Ши Чжаньчунем в домуссонный период штурмовали вершину со стороны Тибета — по северному гребню. На Эверест поднялись трое восходителей. В западной прессе успех этой экспедиции до сих пор ставится под сомнение в связи с тем, что- китайцы не представили достаточно убедительных доказательств своей победы.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки покорения Эвереста как по традиционному пути первовосходителей, так и по новым маршрутам.

Весной 1963 года на Эвересте работала экспедиция США из двенадцати спортсменов и тридцати пяти шерпов, возглавляемая Н. Диренфуртом. Т. Хорнбейн и В. Ансолд успешно штурмовали вершину по западному гребню и спустились с нее через Южное седло, совершив тем самым полный траверс Эвереста. Одновременно три американских альпиниста и шерп Н. Гомбу поднялись на вершину через Южное седло. Успех экспедиции был омрачен гибелью Д. Брайтенбаха на ледопаде Кхумбу.

В 1965 году в домуссонный период победу над Эверестом одержали восходители Индии, взошедшие на вершину через Южное седло. Самой высокой точки планеты достигли шесть индийцев и три шерпа. В этой экспедиции работали более сорока шерпов, причем 19 высотных носильщиков поднялись до штурмового лагеря (8510).

С 1969 года предпринимали попытки проложить свой маршрут к вершине Эвереста из Западного цирка японцы. Весной 1970 года трое японцев и один шерп достигли вершины по пути первовосходителей. Одновременно другая японская группа пыталась штурмовать Эверест по юго-западной стене, но отступила, достигнув высоты 8000 метров. В этой же экспедиции группа горнолыжников поднялась до Южного седла (7986), и Ю. Миура спустился с него на лыжах до Западного цирка. Погиб один японский альпинист и шесть шерпов.

Вслед за японцами преодолеть юго-западную стену Эвереста безуспешно пытались восходители международных экспедиций под руководством Н. Диренфурта (весна 1971 г.) и К. Херлигкоффера (весна 1972 г.), а также альпинисты Англии (осень 1972 р.). Наивысшей отметки (8380) удалось достичь весной 1971 года двойке Д. Уилланс — Д. Хэстон.

Весной 1973 года через Южное седло поднялись на вершину Эвереста пять итальянских альпинистов вместе с тремя шерпами.

Но по-прежнему внимание альпинистского мира приковано к не побежденной до сих пор юго-западной стене. Осенью 1973 года японцам удалось подняться по ней лишь

до 8300 метров. Одновременно двое спортсменов Страны восходящего солнца достигают вершины через Южное седло.

Весной 1975 года Эверест впервые штурмует женская экспедиция. Вызов гималайскому гиганту бросили альпинистки Японии. Юнко Табей вместе с шерпом Анг Церингом поднимаются на вершину. Экспедицией, в состав которой вошло 15 альпинисток, руководила Э. Хисано.

Альпинисты КНР снова штурмуют Эверест весной 1975 года и снова — по северному гребню. Девять спортсменов, в том числе вторая в мире женщина (тибетка Пхантог), достигают вершины. На этот раз, чтобы ни у кого не возникло сомнений в подлинности их восхождения, китайцы закрепляют на вершинных скалах Эвереста дюралевую треногу высотой 2,5 метра — триангуляционный знак.

Осенью 1975 года победно заканчивается наконец штурм юго-западной стены Эвереста, предпринятый англичанами во главе с К. Боннингтоном. Трое спортсменов — Д. Хэстон, Д. Скотт, П. Бордмэн — и шерп Пертемба поднимаются по снежно-ледовому кулуару в правой части стены на южную вершину и затем, по гребню, на главную. Тем не менее проблема скальной части юго-западной стены остается все еще не разрешенной.

В последующие годы, снова по классическому пути первовосходителей, на Эверест поднимаются альпинисты Англии, Непала, США, Южной Кореи, Австрии и ФРГ, причем Р. Месснер и П. Хабелер достигают вершины, не пользуясь кислородом на протяжении всего штурма. В составе этих экспедиций еще двум женщинам — польке Ванде Руткевич и немке Ханнелоре Шмац (погибла при спуске) — удалось покорить Эверест. Французы Ж. Афанасьев и Н. Жэжэ с 8000 до 6500 спустились на лыжах.

Весной 1979 года новый маршрут на вершину по западному гребню прокладывают югославские альпинисты. Вершины достигают четыре югослава и шерп Анг Пху, погибший на спуске.

Новое слово в покорении Гималаев удалось сказать полякам под руководством А. Завады. Первыми в мире они поднялись на вершину Эвереста зимой. Это восхождение было совершено Л. Чихи и К. Велички через Южное седло. А через несколько месяцев (весной 1980 г.) поляки, руководимые тем же неутомимым А. Завадой, проложили новый маршрут на Эверест. По южному гребню на вершину взойшли А. Чок и Е. Кукучка.

Этой же весной японцы штурмовали Эверест с севера. По северной стене на вершину поднялся Я. Като, а по северной стене с дальнейшим выходом на западный гребень — Т. Озаки и Т. Шигехиро.

Той же весной 1980 года победы добились и альпинисты Испании во главе с И. И. Л. Зугазой, взойшедшие на Эверест по пути первовосходителей. На Эверест поднялись испанец М. Забалета и шерп Пасанг Темба.

Сенсацию вызвало восхождение на Эверест итальянского альпиниста Р. Месснера. Он поднялся на вершину по новому маршруту (северная стена). Рейнгольду Месснеру первому удалось покорить грозную вершину в одиночку в альпийском стиле и без кислорода, не прибегая к помощи высотных носильщиков. К тому же он первым решил бросить вызов Эвересту в период муссонов и достиг цели.

По примеру поляков, в начале 1981 года попытались совершить зимнее восхождение на Эверест и альпинисты Японии. Но им пришлось отступить. На спуске погиб Н. Такенака.

В этом же году по различным маршрутам штурмовали Эверест альпинисты Англии, Японии, Франции и США. Лишь трем американцам вместе с двумя шерпами (экспедиция под руководством Д. Уэста, осень 1981 г.) удалось взойти на вершину через Южное седло.

До штурма юго-западной стены Эвереста советской экспедицией (весна 1982 г.) на высочайшей точке планеты побывало 111 восходителей, из них шестеро — дважды:

шерпы Наванг Гомбу (1963, 1965 гг.), Пертемба (1975, 1979 гг.), Анг Пху (1978, 1979 гг.) и Сондаре (1979, 1981 гг.), японец Я. Като (1973, 1980 гг.), итальянец австрийского происхождения Р. Месснер (1978, 1980 гг.). Четырежды вершины Эвереста достигли женщины — японка Юнко Табей (1975 г.), тибетка Пхантог (1975 г.), полька Вагда Руткевич (1978 г.) и западногерманская альпинистка Ханнелора Шмац (1979 г.).

Наши альпинисты с первой попытки успешно решили главную проблему Эвереста — подъем по юго-западной стене. К числу восходителей прибавилось 11 советских спортсменов. В состав советской гималайской экспедиции, руководимой Е. И. Таммом, вошло 27 человек (из них 17 спортсменов). Вместе с нашими восходителями на маршруте работало 11 высотных носильщиков, но вследствие технической сложности лишь двое шерпов сумели достичь высоты 7800, остальные участвовали в заброске грузов лишь до 7350. Нашими спортсменами были дважды совершены ночные восхождения (двойки С. Бершов — М. Туркевич и К. Валиев — В. Хрищатый). Штурм Эвереста был совершен в небывало трудных погодных условиях.

Весной 1982 года, одновременно с советской экспедицией, Эверест штурмовали с севера альпинисты США и Англии, но обе попытки успеха не имели и закончились трагически. У американцев, сорвавшись, погибла единственная участвовавшая в экспедиции женщина — М. Хэй, а у англичан с вершинного купола Эвереста сорвалась штурмовая двойка П. Бордмэн — Д. Таскер. Оба альпиниста погибли.

Осенью и зимой 1982 года Эверест атаковали альпинисты Канады, Испании, Голландии, Японии и Франции. Успеха добились лишь японцы и канадцы, поднимавшиеся через Южное седло. Но если участники канадской экспедиции (Л. Скрелет, П. Мороу и четыре шерпа) взойшли на вершину осенью, то японец Я. Като — зимой (27 декабря). На спуске Ясуо Като вместе с Тосиаки Кабаяси (не дошедшим до вершины всего 85 метров) пропали без вести. Поиски их ни к чему не привели.

Весной 1983 года Эверест штурмовало две экспедиции. Безуспешно окончилась попытка американцев, возглавляемых Б. Крейгом, подняться на вершину по западному гребню. Экспедиция ФРГ — США, которой руководили Г. Лензер и Ф. Иршлер, одержала победу. По классическому пути, через Южное седло, вершины достигли шесть американских восходителей и два шерпа.

Таким образом, к осени 1983 года на вершину Эвереста поднялись уже 133 альпиниста из восемнадцати стран. Из них четверым удалось это сделать дважды, а двоим (японцу Я. Като и шерпу Сондаре) — трижды. Число жертв Эвереста достигло шестидесяти пяти человек.

Казалось бы, интерес к покорению Эвереста должен со временем ослабеть, но он, напротив, растет. Так, в послемуссонный период 1983 года по разным маршрутам его штурмуют сразу несколько команд, причем ставят они себе все более трудные задачи.

Так, японская экспедиция во главе с Х. Иошино, в состав которой входят всего четыре альпиниста, собирается взойти на Эверест по классическому маршруту, через Южное седло, без использования кислородных аппаратов. Другая японская группа из пяти спортсменов, руководимая Х. Кавамура, попытается подняться на вершину по юго-западной стене, и тоже без кислорода.

Три экспедиции предполагают штурмовать Эверест с севера, со стороны Тибета. Испанцы во главе с К. Бланхом планируют восхождение по северо-восточному гребню. Швейцарская экспедиция (руководитель Р. Нотарис) намерена взойти на Эверест по трехкилометровой северной стене. Французская экспедиция, возглавляемая известным альпинистом Я. Сеньором, поставила себе чрезвычайно трудную задачу — траверсировать Эверест, поднявшись на него по западному гребню (по югославскому

маршруту) и спуститься по северо-восточному гребню. Спортсмены намерены пройти весь траверс, не пользуясь кислородом.

Японские альпинисты, руководимые К. Такахаши, хотят покорить Эверест по классическому маршруту в декабре месяце, в суровых зимних условиях. Одновременно предполагается восхождение с китайской стороны другой японской группы во главе с женой К. Такахаши — М. Имаише. Супруги намереваются встретиться на высочайшей вершине мира в середине зимы.

А в 1984 году ради покорения еще не пройденной восточной стены Эвереста выедут в Гималаи восходители ФРГ во главе с К. Херлигкоффером.

Кому и какой ценой удастся осуществить свои дерзкие замыслы, покажет ближайшее будущее.

Западный цирк и юго-западная стена

(Из дневника В. Шопина)

Самолет Москва — Дели взлетает. Смотрим с Володией Балыбердиным друг на друга. И в глазах один и тот же вопрос: "Неужели действительно летим в Непал? Неужели позади все перипетии отборов и мы, в составе сборной команды СССР, летим, чтобы взойти на Эверест?"

Храм любви.

Если бы два года назад мне сказали, что меня зачислят в команду советских высотников, я бы, конечно, не поверил. Настолько далекой казалась эта вершина, которую мы должны теперь покорить во что бы то ни стало. Отныне наш путь домой лежит через нее. Это прекрасно понимают пятеро пассажиров самолета — передовая группа советской гималайской экспедиции. Кто же они?

Анатолий Георгиевич Овчинников. Нет в советском альпинизме титулов, которыми не обладал бы этот человек. О его упорстве ходят легенды. А в его превосходной физической подготовке каждый из нас имел возможность убедиться не единожды. Старший тренер экспедиции — это почетная должность, и он ее заслужил. Овчинников — москвич, так же как Эдуард Мысловский и Николай Черный. Мы с Володией Балыбердиным (или попросту — Бэлом) представляем Ленинград.

До 24 марта нам нужно проложить путь через ледопад Кхумбу, о котором в альпинистском мире знают все. При упоминании Кхумбу воображение рисует хаотические многотонные глыбы вздыбленного льда, бездонные ледовые трещины, готовые в любую минуту поглотить человека, как бы силен и искусен он ни был.

Под крылом самолета неторопливо проплывают облака, освещенные лунным светом. Они как горы, которые ты разглядываешь, пытаясь узнать пройденные тобой стены и стены, которые ждут тебя впереди, которые снятся иногда долгими зимними ночами...

Катманду. Королевский дворец Хануман Дхока.

Невольно вспоминается недавнее... Август 1980-го. Ущелье Ачикташ под пиком Ленина, база международного альпинистского лагеря "Памир". Сюда собрали нас, будущих "гималайцев", на второй тренировочный сбор. 40 спортсменов претендовало на место в сборной команде. Почти все — лидеры своих коллективов, призеры чемпионатов СССР. Практически все знакомы друг с другом заочно. Одни приехали сюда из экспедиций, другие — со сборов. И потому все такие худые, обросшие. Отсутствием аппетита никто не страдает. Разговоры в основном идут деловые. Подтверждается формула — друзья-соперники. Каждый город, каждая республика борется за право участия в экспедиции. Все приветливы, обходительны. Но каждый знает, что в команду будет отобрано всего 20 человек и четверо запасных (двойной состав). Пока тренеры — они же судьи предстоящих отборочных состязаний — намечают трассы, нам, участникам, предоставлено время привести себя в порядок, вновь обрести нормальный человеческий вид.

Распорядок дня жесткий. Подъем в 6.30, затем — часовая зарядка. Сначала бег, изнуряюще быстрый получасовой бег. (Обычно на сборах в горах никто из нас не бегаёт, потому что негде.) После бега — гимнастика. После завтрака занимаемся подготовкой лагеря к зиме. За послеобеденным отдыхом — игра в футбол. Главная задача этого сбора для каждого — устоять.

После ужина собираемся в "кают-компанию", которой служит нам юрта. Здесь беседуем о тактике альпинизма, о произведенной в Непале разведке маршрута на Эверест, просматриваем слайды. Участники рассказывают о состоявшихся этим летом восхождениях на первенство страны, проводят разборы восхождений, иногда очень безжалостные: ошибок не прощают никому. Москвичи, из тех, кто был на Олимпийских играх, рассказывают о соревнованиях, которые удалось посмотреть. Времени явно не хватает, и мы засиживаемся допоздна.

С утра все повторяется — зарядка, работы по лагерю, футбол, беседы в юрте. С нетерпением ждем начала соревнований. Каждый готовится к ним по-своему, зная свои слабые места. Кто по несколько раз в день подходит к перекладине, кто бегаёт дополнительно, кто занимается лечением своих "болячек", стараясь как можно быстрее восстановиться.

И наконец этот день настает. Определены нормативы и виды соревнований. Физическая подготовка включает в себя хорошо знакомые каждому упражнения — подтягивание на перекладине и отжимание от пола. Ожидает нас еще и бег в гору с 3600 до 4200 метров.

Техническая подготовка оценивается по двум показателям — скальная техника и ледовая. Скальные соревнования проходили на крутых скалах справа от Луковой поляны. Состязались в связках с обязательной сменой ведущего. Ледовую технику демонстрировали тоже в связках на крутом 400-метровом ледовом склоне. Очень строго карались судьями ошибки в технике страховки.

Кроме физической и технической подготовки на распределение мест в списке претендентов влиял и так называемый "гамбургский счет", когда каждый выставляет места всем участникам, включая себя. Учитывалось и мнение обследовавшей нас комплексной научной группы (КНГ).

Но последнее слово оставалось все-таки за тренерским советом. А он сделал свои выводы только в Москве, когда все мы уже разъехались по домам. Никто из нас не знал, кого допустили к следующему этапу отбора.

Потом нас собрали на медицинское обследование, которое проводилось в два этапа. Первый — в Московском врачебно-физкультурном диспансере № 1. Второй — в Институте медико-биологических проблем. Особенно запомнились здесь

функциональные проверки на велоэргометрах и “подъемы” в барокамере. Вероятно, потому, что за двенадцать лет занятий альпинизмом я впервые сел на велоэргометр и очутился в барокамере. Потом “подъемов” в барокамере было много, и мы к ним привыкли. Но самым сложным был первый. Проверяли высотный потолок каждого, максимальную устойчивость организма к гипоксии. Сохранить (удержать) сознание при “подъеме” на большую высоту трудно. Наваливается сон, с которым приходится бороться, начинают мелко дрожать руки и ноги. Экзаменаторы контролируют твое сознание с помощью несложных вопросов. Помню последний, когда я находился уже на высоте 9000 метров. “Восемь плюс шесть?” Отвечаю медленно: “Восемь плюс шесть будет... (долго думаю)... четырнадцать”. Испытал удовлетворение (все же сообразил), приободрился. Чувствую, что начинаю впадать в забытие. Слышу: “Высота десять тысяч метров”. И тут я отключился. Когда вышел из барокамеры, мне сообщили, что на высоте 10 000 метров я “прожил” около минуты.

После этих обследований в феврале 1981 года мы поехали в Алма-Ату на зимний спортивный сбор. Врачи и здесь продолжали нас обследовать в спортивном диспансере при высокогорном катке Медео. На Тянь-Шане нам предстояло отработать гималайскую тактику восхождения, с которой мы до сих пор практически не сталкивались. Объектом восхождения избрали пик Комсомола. Нас разбили на три восьмерки, и под руководством Валентина Иванова, Эдуарда Мысловского и Ерванда Ильинского на стене пика Комсомола мы начали постигать азы гималайской тактики. Вопреки желаниям тренеров погода стояла отличная. Ярко светило солнце, хотя и подмораживало. А тренеры наши оттачивали диспетчерские навыки, определяя, какой груз куда занести, в каких количествах, кому где ночевать, чем питаться. При таком обилии народа на одной горе рассчитать все это далеко не просто. Основы гималайской тактики и заключались как раз в четком взаимодействии всех групп на маршруте. Опыт этого восхождения очень пригодился нам на следующем сборе.

В июле 1981 года мы собрались на Памире, в городе Ош. Отсюда предстояло добираться машиной до города Дараут-Кургана в Алайской долине и далее — вертолетом на ледник Гармо, в ущелье Ванч-Дара, под пик Коммунизма. Задача — подняться на него с применением гималайской тактики.

До Дараут-Кургана доехали благополучно, но здесь застряли в ожидании летной погоды и вертолета. Палатки установили на аэродроме и вскоре занялись подгонкой снаряжения. Обсуждая конструкции различного снаряжения, не оставляли без внимания ни единой мелочи. Высказывался каждый. Времени у нас достаточно: погода не спешит с улучшением. По утрам с надеждой поглядываем на небо, но оно пока ничего хорошего не обещает.

Наконец появляется солнышко и вслед за ним — вертолет. Желания альпинистов и вертолетчиков диаметрально противоположны. Мы мечтаем залететь как можно выше, они — как можно ниже, чтобы безопасней посадить вертолет. Нашему руководству удалось все же договориться о посадке нескольких рейсов на 4700. Это “Грузинские ночевки”. Погода все еще неустойчивая, поэтому больше двух рейсов в день не получается.

Первой улетает группа Иванова. Она должна установить лагерь на 4700 и начать работу на маршруте. Парни отбыли под пик Коммунизма с недостаточным запасом продуктов; но погода вскоре ухудшилась, и вертолет рейс за рейсом начал делать посадку не на 4700, а в Ванч-Даре. Мы сочувствуем ребятам. Постепенно вся наша команда вылетела в Ванч-Дару. Группа Иванова уже обрабатывала маршрут. Вскоре к ней присоединилась группа Ильинского, которой повезло сесть на вертолете на “Грузинских ночевках”. Мы (группа Мысловского) с Ванч-Дары (3600) до “Грузинских ночевки” (4700)

идем пешком. Это должно ускорить (сгладить) нашу высотную акклиматизацию. Четырнадцать часов изнуряюще медленной ходьбы по леднику Гармо — и мы добираемся до небольшой морены на леднике Беляева. Это и есть наш базовый лагерь — “Грузинские ночевки”. В темноте ставим дополнительные палатки.

Наутро занялись благоустройством лагеря. Наш палаточный городок стоит на снегу. В большой палатке — кухня и столовая. Склады снаряжения и продуктов — в двух палатках поменьше. Участники сбора по три-четыре человека живут в каркасных палатках.

На этот раз мы должны отработать гималайскую тактику восхождения на южном контрфорсе пика Коммунизма. Один из сильнейших советских высотников Кирилл Константинович Кузьмин с группой проложил этот “путь” к высочайшей вершине СССР в августе 1959 года. Он так и называется сейчас — “маршрут Кузьмина” высшей категории сложности.

День за днем перетаскиваем грузы по маршруту, обеспечивая высотные лагеря снаряжением, топливом, продуктами питания. Первый наш выход — акклиматизационный, на высоту 5600. Затем подымались выше — на 6500 и 7100. К радости тренеров погода нас не балует: солнце выглядывает очень редко, сплошные облака, метет снег. Но работы на маршруте не прекращаются. Неумолимо ползут к треугольной вершинной пирамидке веревочные перила. Наконец все промежуточные лагеря установлены и обеспечены топливом, продуктами, спальными мешками. В верхний лагерь (7100) даже заброшен кислород. Необходимо испытать и кислородную аппаратуру. Перед штурмом все группы спустились для отдыха в Ванч-Дару.

Кроме нас в нашем районе работают команды Украины и Ленинграда. Они участвуют в первенстве СССР в высотном классе и готовятся подняться на пик Коммунизма по южной стене.

У нас первыми начали работу на маршруте алмаатинцы (группа Ильинского). В непогоду вышла на вершину и спустилась с нее группа Иванова. Ураганный ветер заставил их просидеть несколько суток в лагере 7100. Он буквально валил с ног, не позволяя выйти из палатки.

Когда, согласно графику, настало наше время выйти на восхождение, понадобилась срочная помощь ленинградским альпинистам. Кто-то заболел у них на плато пика Россия. Собрались мы очень быстро. На ходу получили консультацию, расписание связи. Мы должны были как можно быстрее обнаружить палатку на плато, закрытом облаками, и выяснить обстановку, оказав, если потребуется, помощь. С нами врач-альпинист Слава Онищенко. Путь наш лежит в противоположную сторону от пика Коммунизма. Спешим, идем без отдыха. После трехчасовой ходьбы — короткий привал. Пьем сок, жуем сухофрукты и снова — вперед и вверх. Нас четверо — Леня Трощиненко, Володя Балыбердин, Слава Онищенко и я. Руководитель — Леня. За нами более медленно идет вторая группа под руководством Эдика Мысловского (Хута Хергиани, Леша Москальцов, Валя Божуков и Валера Хомутов). Мы идем налегке, а группа Мысловского несет палатки и продукты для ночевки.

Еще через несколько часов останавливаемся перекусить. И снова — вверх. Сегодня облака довольно низкие. На уровне 6000 метров резко холодает, и мы блуждаем в тумане. Чувствуем, что уже вышли на плато пика Россия, но видимости — никакой. Кричим, напряженно вслушиваемся, но ответа нет. Идем дальше и снова кричим. И опять никто не отвечает. Блуждаем так еще часа два. Кричим. Прислушиваемся... И вдруг — голос, откуда-то снизу. Движемся в его направлении. Перекликаемся. И натыкаемся на палатку. В ней двое больных. У одного пневмония, другой обморозился.

Мы оказали пострадавшим необходимую помощь и на следующий день привели их на “Грузинские ночевки”. Опасность миновала. Больные чувствовали себя хорошо. Но

спасательная операция заняла двое суток и время, необходимое для штурма вершины, было упущено. Пора было эвакуировать лагерь и уходить на Ванч-Дару.

Тренерский совет принял решение засчитать нашей группе восхождение, но это вызвало недовольство Федерации альпинизма. Главный вопрос — кто вошел в окончательный состав команды — все еще не был решен.

В конце июля участники сборов улетели, а мы с Бэлом остались, чтобы совершить восхождение на пик Коммунизма по юго-западной стене в составе сборной Ленинграда. Команда, руководимая В. А. Солонниковым, участвовала в первенстве СССР в высотном классе. И то, что мы в этот сезон все же покорили пик Коммунизма и к тому же стали чемпионами страны, очевидно, повлияло на решение тренерского совета гималайской экспедиции включить нас с Володией Балыбердиным в основной состав команды. Однако в основной состав сборной, утвержденный Федерацией альпинизма СССР осенью 1981 года, я не попал. Позже решено было добавить в гималайскую сборную еще четырех спортсменов. В этой четверке оказался и я.

Нам предстояли последние тренировочные сборы, последние медицинские обследования. И наконец наступил самый хлопотный этап — подготовка всего снаряжения экспедиции к транспортировке, проверка качества и комплектности нового снаряжения, общение с поставщиками, упаковка тридцатикилограммовых грузовых мест. И при этом мы почти ежедневно тренировались.

1 марта мы проводили транспортный самолет и сопровождающих грузы Леню Трошиненко, Сережу Ефимова, Славу Онищенко, Эрика Ильинского и Валю Венделовского (он никому не мог перепоручить сопровождение кинооборудования).

Комплекс индуистских храмов Пашупатинатх.

Но вот уже все позади. Последние напутствия. Прощание с друзьями и близкими. Мы на борту самолета и с каждой минутой приближаемся к заветной земле самых высоких в мире гор.

3 марта. В 5 утра по московскому времени мы приземлились в Дели. Томительные часы в зале ожидания, и вот наконец пропускной контроль и погрузка в самолет королевской авиакомпании Непала. Перелет Дели — Катманду занял всего час. В 16.00 по Москве — посадка в Катманду. К нам сразу же подошел сотрудник советского посольства в Непале Александр Дмитриевич Сурский. С самого начала он взял шефство над нашей экспедицией, был нашим проводником и переводчиком в Катманду.

Тут же подошел к нам и представитель здравоохранения Непала. Мы передали ему рентгеновские трубки для детского госпиталя в Катманду, которые везли с собой по поручению "Техноэкспорта". Мы везли их на коленях и сохранили в целости. Благодаря этому госпиталь был открыт уже на следующий день после нашего приезда.

За паспортными формальностями последовал таможенный досмотр нашего личного багажа. И тут оказалось, что к нам приковано всеобщее внимание. Таможенников собралось гораздо больше, чем нас. Наши рюкзаки и сумки вытряхнули до дна. У каждого рюкзака сгрудилась куча людей. Ни одна вещь не избежала осмотра и прощупывания. Лишь после этого нам разрешили сложить все назад. Наконец на наших рюкзаках появились меловые кресты, означающие пропуск в сказочную, экзотическую страну Непал.

На улице нас встретили Е. И. Тамм, Б. Т. Романов и Ю. В. Кононов. Они первыми прибыли в Непал, чтобы подготовить встречу грузов и участников экспедиции. Знакомимся с корреспондентом ТАСС Юрием Родионовым. Выяснилось, что сегодня получить наш груз из таможни не удастся. В автобусе нам представили сирдара (руководитель равнинных и высотных носильщиков) нашей экспедиции Пембу Норбу. Ему 33 года, приятное мужественное лицо, густые черные волосы, приветливая улыбка. Для непальца Пемба высок, крепкого сложения. Советская экспедиция для него двадцать пятая. Осенью 1977 года он взойшел на вершину Эвереста. Пемба из альпинистской семьи. Его дядя тоже был на Эвересте. Весь семейный клан Норбу в долине Соло-Кхумбу постоянно обслуживает альпинистские экспедиции. В дальнейшем мы убедились, что в этой долине Пемба Норбу пользуется среди местного населения огромным авторитетом. Нас удивило, что он прекрасно владеет английским языком. Оказалось, что Пемба получил образование в английской школе.

— Сколько экспедиций из ваших двадцати четырех окончилось победой? — спросили мы.

— Половина, — улыбнувшись, ответил Пемба.

Мы уже мчимся по шоссе. В какой-то момент разговора замечаю, что прямо на нас с огромной скоростью несется автобус. Интуитивно сжимаюсь в комок, вцепившись в спинку сиденья. Неужели конец?! Но нет. На огромной скорости автобусы разъезжаются как ни в чем не бывало. Оглядываюсь на остальных пассажиров. "В Непале левостороннее движение", — улыбается уже освоившийся с местными правилами Овчинников.

Устраиваемся в гостинице и отправляемся на прогулку по Катманду. Сурский увлеченно рассказывает об истории Непала. К сожалению, в шуме и суете не все удастся расслышать. Хочется все рассмотреть, пощупать собственными руками. Увиденное поражает своей необычностью. Мы еще не ориентируемся. Улицы переполнены туристами, торговцами сувенирами. Стоит лишь остановиться, как тотчас же подбегают мальчишки, предлагая украшения из камней, марки, монеты. Они внимательно разглядывают нас и сразу же обращают внимание на часы. Предлагают меняться. Так и передвигаемся, окруженные толпой мальчишек.

Людской гомон, клаксоны велорикш. На центральной улице города Нью-Роуд в гул толпы вплетаются гудки автомобилей самых разных марок. Мы переходим от дома к дому, не уставая восхищаться резными украшениями окон и дверей. Особенно поражает нас резьба на доме, в котором живут богини Кумари. Религия непальцев допускает выбор богини среди четырех-пятiletних девочек определенной касты. Будущие богини подвергаются ряду испытаний. Таково, например, испытание страхом, при котором девочек помещают в одну комнату с дикими зверями, сидящими в клетках. Старейшины придирчиво осматривают претенденток в богини: на теле девочки не должно быть родимого пятна или шрама. Успешно прошедшую конкурс богиню поселяют в этом доме и практически обрекают на полное бездействие. Играть ей разрешается только в тихие, спокойные игры. Она перестанет быть богиней, если кто-нибудь увидит ее кровь. Девочку окружают сверстницы из касты богинь, монахи, ближайшие родственники. Общаться с простым народом ей не позволено. Достигнув зрелости, богини, как правило, покидают Непал, потому что жена-богиня приносит в дом несчастье. В Индии, где ее никто не знает, она может, как обычная женщина, выйти замуж.

Мы поворачиваем к гостинице. Уже зажглись витрины магазинов. С порога одной из лавочек нас приветствуют по-русски: "Привет! Давай, давай, заходи!" Мы, конечно, удивлены и заходим внутрь. Кустарные изделия из дерева, камня, бронзы... Пробуем объяснить с хозяином по-русски, но обнаруживаем, что весь свой словарный запас он истратил на приветствие и приглашение.

В гостиницу возвращаемся в сумерках. За чаем слушаем рассказы Родионова и Сурского о Непале. Расходимся на ночлег с сожалением. В ближайшие дни у нас предстоят работы на таможне.

6 марта. Из ворот советского посольства выезжают три автомашины, нагруженные баулами, бочками, ящиками с кислородными и газовыми баллонами. Груз советской экспедиции двинулся в сторону Эвереста. Поверх всех вещей усаживаются наши высотные носильщики (шерпы) и равнинные носильщики (портеры). Грузовики пройдут около ста километров. Затем груз ляжет на спины портеров. Шерпы по равнине ничего не несут. Но каждый из них руководит своим микрокараваном, состоящим, как правило, из их родственников и знакомых. Иначе невозможно контролировать передвижение порученных им грузов.

Итак, сделан еще один шаг на пути к Эвересту. Мы облегченно вздыхаем. Теперь нам предстоит заняться грузом (44 места), который полетит с нами до Луклы. Это снаряжение, необходимое для установки базового лагеря и обработки ледопада Кхумбу. Вылет завтра утром.

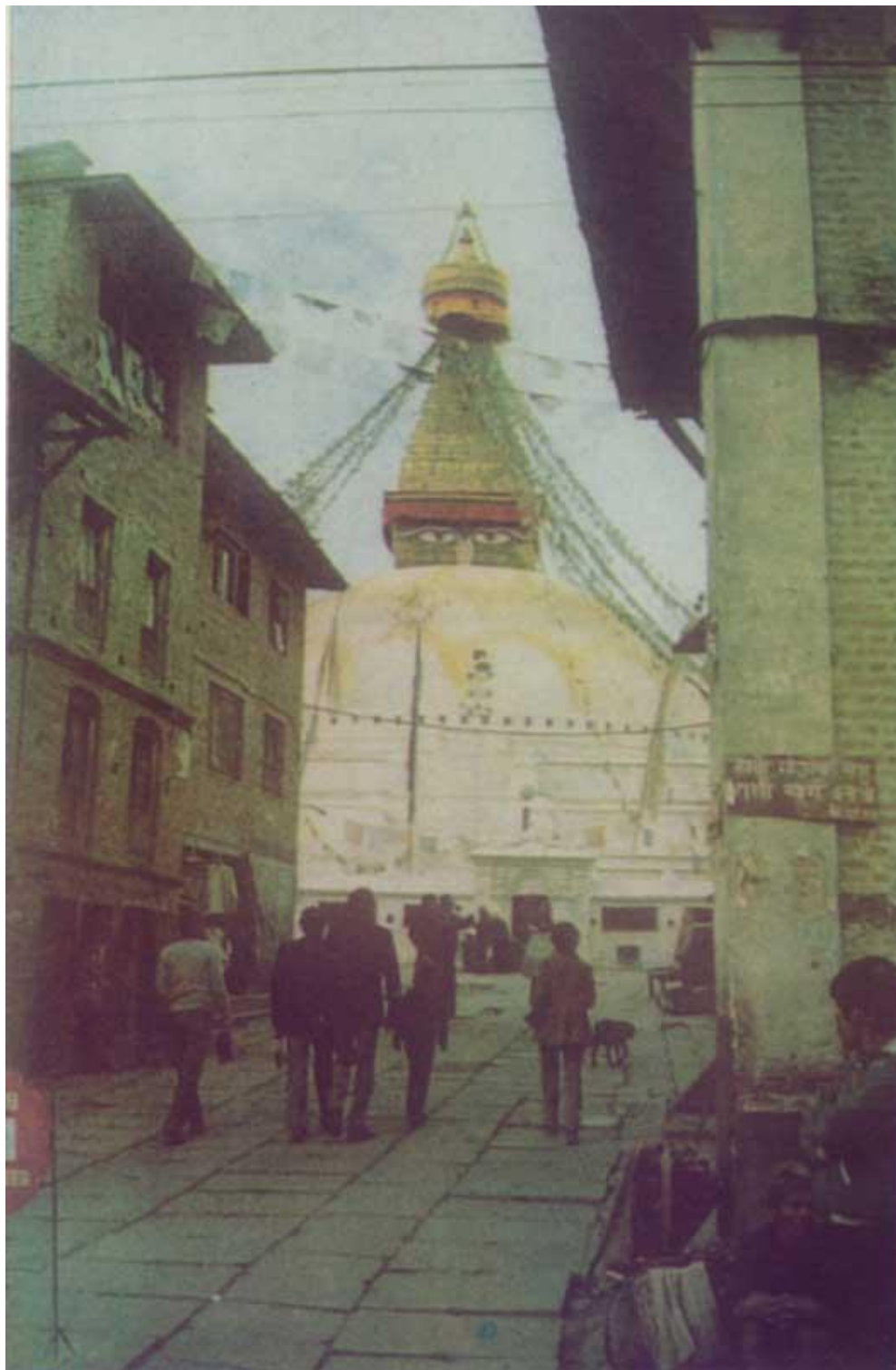
Закончив все приготовления, посвящаем последний вечер прогулке по городу. Стараемся внимательней рассмотреть и получше запомнить увиденное. В гостиницу возвращаемся к ночи.

Утром Сурский сообщает о том, что в Лукле выпал снег и полеты отменены. Заканчиваем досмотр грузов на таможне, упаковываем их в гараже.

8 марта. Утром прощаемся с руководством экспедиции и едем в аэропорт. Провожают нас И. А. Калимулин и А. Д. Сурский. После некоторого ожидания объявляется посадка на наш рейс. На летном поле прощаемся с провожающими и занимаем места в самолете.

И вот мы уже в воздухе. Прилипнув к стеклам иллюминаторов, с нетерпением разглядываем приближающуюся цепь гор. За невысокими темными хребтами встают отвесные белоснежные вершины. Пытаемся разглядеть Эверест, знакомый нам пока только по фотографиям. Мы летим уже над ущельем. Свободные от леса террасы тщательно возделаны и зеленеют молодой порослью. Под нами проплывает перевальная

точка бокового хребта. Разворот поперек ущелья — и внезапно под колесами самолета возникает посадочная полоса аэродрома. Несколько прыжков, сильная вибрация — и самолет тормозит наконец, задрав нос кверху. Уже потом мы поняли, что в Лукле не совсем обычная посадочная полоса. Расположена она вверх по склону, а на взлете самолет разгоняется вниз. Затихли двигатели, и мы покидаем самолет.

Катманду. Буддистский храм Боднатх.

Лукла встречает нас ярким солнцем. Два дня проводим в ожидании грузового самолета, знакомимся с поселком, гуляем по окрестностям.

Лукла расположена на середине пути от Катманду до Эвереста. Высота — 2800 метров над уровнем моря. Через поселок проходит дорога “Биг роуд”, ведущая в глубь Гималаев. Чуть выше Луклы кончается растительность, и на круто вздымающихся скальных склонах сереблятся снежно-ледовые пятна.

А здесь, в самом селении, изредка еще встречаются тростник, гималайская сосна, береза. Последняя отличается от нашей березы крупными размерами, более темной и ноздреватой корой. Поражают своими размерами рододендровые деревья с уже набухшими бутонами.

Аэропорт в Лукле.

Сверху приходят небольшие группы туристов. Это те, кто уже закончил свое путешествие и возвращается домой. Каждое утро такая многоязычная толпа собирается на аэродроме в ожидании рейса на Катманду. На аэродроме существует своя система информации пассажиров: если самолет вылетел из Катманду, на поле звучит сирена, вторая сирена означает, что он благополучно миновал перевал и скоро приземлится в Лукле. Перед посадкой на летное поле выходят полицейские с бамбуковыми палочками в руках. Палочки и свистки помогают им очистить посадочную полосу от любопытных и нерасторопных. Звучит третья сирена — самолет заходит на посадку. Прыгая по взлетной

полосе, он резко тормозит и затем выруливает вправо на площадку, чтобы не мешать посадке и взлету других самолетов. Иногда, особенно после затяжной непогоды, здесь собирается до трех самолетов одновременно. Естественно, что в этих случаях на аэродроме скапливается множество туристов, жаждущих улететь в столицу.

Знакомимся с туристами, насколько позволяет наше знание английского. Все знают о том, что должна приехать русская экспедиция. Интерес к нам повышенный. Ведь мы первые русские альпинисты в Гималаях. Многие просят автографы. Время ожидания нашего груза тянется довольно медленно.

К темноте собираемся в нашей комнате. Шерпы зажигают газопроводные лампы, по конструкции напоминающие примуса. Но вместо головки примуса у этих ламп — сеточка, которая, раскаляясь добела, излучает очень яркий свет. При нем можно даже фотографироваться. Играем в «Эрудит». Коля Черный учит нас раскладывать пасьянс.

Гадаем насчет завтрашней погоды. Уже лежа в спальнях мешках, читаем привезенные из дома книги. Из этих книг у нас должна собраться в базовом лагере маленькая библиотечка.

В каждой шерпской семье много детей.

10 марта. Утро проходит в ожидании самолета с нашим грузом. Из Катманду прилетел самолет с туристами. Пемба уверяет, что будет еще самолет. К нашему дому пригоняют оседланных яков. Собираются носильщики. Это успокаивает нас. На аэродроме звучит третья сирена. Мы стоим на краю посадочной полосы. Приземлившийся самолет выруливает на боковую площадку, смолкают двигатели, и наши шерпы быстро принимаются за разгрузку. Подключаемся и мы. По спискам проверяем наличие доставленного груза. Обнаруживаем, что пятнадцати мест не хватает.

Носильщики торопятся навьючить груз, получить работу. За ними наблюдают шерпы. Наконец вереница носильщиков тихонечко трогается в путь. Остаются только те, кто навьючивает яков.

Носильщица из нашего каравана.

В ожидании неприбывших грузов Эдик Мысловский и Коля Черный остаются в Лукле, а мы втроем (А. Г. Овчинников, Володя Балыбердин и я) уходим с первым

караваном. С нами идет и прилетевший сегодня офицер связи. Пемба объясняет нам, что караван сегодня будет идти два-три часа и остановится у большого моста через ущелье. Прощаемся с ним и уходим вперед.

Идетесь очень легко: рюкзаки у нас килограммов по двадцать, дорога хорошая. Вскоре обгоняем наш караван. Дорога то круто взбирается вверх, то резко спускается к мостику, переброшенному через очередную речку, вытекающую из бокового ущелья. Панорама быстро меняется. Ущелье сужается, и видно, что вскоре раздваивается. За разговорами незаметно достигаем большого моста. Решаем двигаться дальше. Примерно через полчаса на небольшой поляне на берегу реки Дуд-Коси останавливаемся на ночлег.

Понимаем уже, что караван заночевал ниже. Мы остались без палатки. Бэл вызвался сходить к каравану. Мы собираем хворост для костра. Возвращается Бэл с носильщиком. Они принесли палатку и продукты. Засыпаем под мерный гул реки.

11 марта. Проснулись рано. Напились чаю без сахара (сахар в большом караване), немного поели и двинулись в путь. Через час подошли к контрольному пункту национального парка “Сагарматха” (это непальское название Эвереста). Анатолий Георгиевич платит за вход по 60 рупий с человека. Вскоре мы оказываемся перед мостом. Отсюда серпантинами, круто вверх, часа два ходьбы до Намче-Базара.

Солнце припекает. Нам навстречу, спускаясь к Лукле, движутся навьюченные яки, туристы. Наш путь — вверх. То и дело обгоняем группы по три — пять человек. Туристы недоуменно разглядывают нашу одежду. На нас лишь шорты и солнцезащитные кепочки. Идем мы быстро. Серпантины чередуются один за другим. Круто набираем высоту. В какой-то момент мелькает верхушка Эвереста (выше 8600, остальная часть горы закрыта гребнем Лхоцзе). Мысленно я назвал это место “улыбкой Эвереста”. Отдыхаем, любимся нашей вершиной и идем дальше.

А вот и Намче-Базар. В поселке около 700 жителей. Дома стоят на террасах, вырубленных на крутых склонах. Улицы и огороды — плоды тяжелого труда многих поколений шерпов. Здесь есть школа, почта, музей.

Мы с Бэлом поднялись выше Намче-Базара и остановились, ожидая Анатолия Георгиевича Овчинникова. Расположились позагорать. Вскоре выяснилось, что караван наш остановился на ночлег в Намче-Базаре. Пришлось и нам спускаться вниз. Караван разгружается у дома бабушки Пембы Норбу.

Солнце припекает. Нам навстречу, спускаясь к Лукле, движутся навьюченные яки, туристы. Наш путь — вверх. То и дело обгоняем группы по три — пять человек. Туристы недоуменно разглядывают нашу одежду. На нас лишь шорты и солнцезащитные кепочки. Идем мы быстро. Серпантины чередуются один за другим. Круто набираем высоту. В какой-то момент мелькает верхушка Эвереста (выше 8600, остальная часть горы закрыта гребнем Лхоцзе). Мысленно я назвал это место “улыбкой Эвереста”. Отдыхаем, любимся нашей вершиной и идем дальше.

А вот и Намче-Базар. В поселке около 700 жителей. Дома стоят на террасах, вырубленных на крутых склонах. Улицы и огороды — плоды тяжелого труда многих поколений шерпов. Здесь есть школа, почта, музей.

Мы с Бэлом поднялись выше Намче-Базара и остановились, ожидая Анатолия Георгиевича Овчинникова. Расположились позагорать. Вскоре выяснилось, что караван наш остановился на ночлег в Намче-Базаре. Пришлось и нам спускаться вниз. Караван разгружается у дома бабушки Пембы Норбу.

После обеда пошел снег, и мы дотемна просидели в доме. Пришел офицер связи мистер Биста. Он объяснил, что мы должны двигаться вместе с караваном, по возможности не отрываясь от него, и вместе с ним ночевать. С помощью Пембы

рассчитались с носильщиками. Они уходили вниз. Выше Намче-Базара груз повезут яки и понесут местные носильщики.

Намче-Базар — крупнейшее селение шерпов.

Монастырь Тьянгбоче.

Ступа Дингбоче. На заднем плане вершина Амадаблам.

12 марта. Мы втроем собрались пораньше, чтобы выйти по холодку. Но мистер Биста остановил наши сборы и пригласил зайти в полицейский участок. Мы долго не могли понять, чего от нас хотят. Оказалось, что нас должны внести в журнал учета проходящих туристов. Мы предъявили свои "пермиты" (паспорта на путешествие, выданные в министерстве туризма Непала). Здесь же, в полицейском участке, угостили жареной свининой, приправленной огромным количеством перца. Из-за своей остроты

это блюдо показалось совершенно несъедобным. Затем последовал традиционный непальский чай с молоком, а после чая нас пригласили в музей национального парка.

Изделия тибетских мастеров.

Музей расположен в новом здании здесь же, на территории полицейского участка. В одной большой комнате размещены отделы флоры и фауны и прочего краеведения. Нам сообщили, что предполагается собрать необходимые материалы и представить здесь же всю историю альпинистского освоения района. На прощание мы расписались в книге почетных посетителей музея и сфотографировались с его сотрудниками. Полюбовались видом на красивейшую гималайскую вершину Амадаблам (6800).

Тронулись в путь. Тропа проложена уже не по берегу реки, а гораздо выше по склону. Все чаще нам встречаются небольшие снежники. Миновали несколько поселений по два-три дома с тибетскими базарчиками. Тропа снова вывела нас к реке.

Дорога подымается круто вверх и здесь, на небольшой поляне, монастырь Тьянгбоче. Мы с Бэлом прибавили темп. Овчинников старается не отставать от нас, и под арку монастыря мы влетаем почти бегом. Осмотрели монастырь, покрутили молитвенные барабаны. Пришел Пемба и сообщил, что следующая ночевка каравана предполагается в Пангбоче. Это в двух часах ходьбы от Тьянгбоче.

Не дожидаясь каравана, двинулись дальше. Теперь с нами шел дядя Пембы — Дава Норбу. Он исполнял обязанности шерпа, приставленного к мистеру Биста. В обязанности его входило стелить мистеру Биста постель, следить за его багажом, который нес специальный портер. Дава Норбу показывал нам наиболее приличные отели, хотя, честно говоря, все они напоминали обыкновенные сараи. В Пангбоче мы заночевали в доме родственников Пембы. На первом этаже размещался хлев для яков, хранилище для сена и дров, на втором — жили люди. Сами хозяева — в маленькой комнатке, большая предназначалась для гостей. Здесь был очаг без трубы, топящийся по-черному. Дым выходил через щели в крыше. Вдоль стен протянулись огромные стеллажи, уставленные

домашней утварью. Особенно много кованных медных чанов самых разнообразных размеров. Здесь же полиэтиленовые бочки от предыдущих экспедиций. Всю историю альпинистского освоения этого района можно прочесть по эмблемам на этих бочках. Вдоль стены настолько широкая и длинная скамья, что мы разместились на ней на ночлег втроем. В центре нашей комнаты — стол и узкая скамейка. Все стены украшены плакатами и фотографиями альпинистских экспедиций и семьи хозяина. Шерпы гордятся, когда в семье альпинисты, когда кто-то из них представлен на фото. Но центральное место в любом шерпском доме непременно занимает фото королевской четы. Из нашей комнаты дверь ведет в хозяйскую. Здесь тоже очаг и рядом с ним — лежанка для бабушки и маленьких детей.

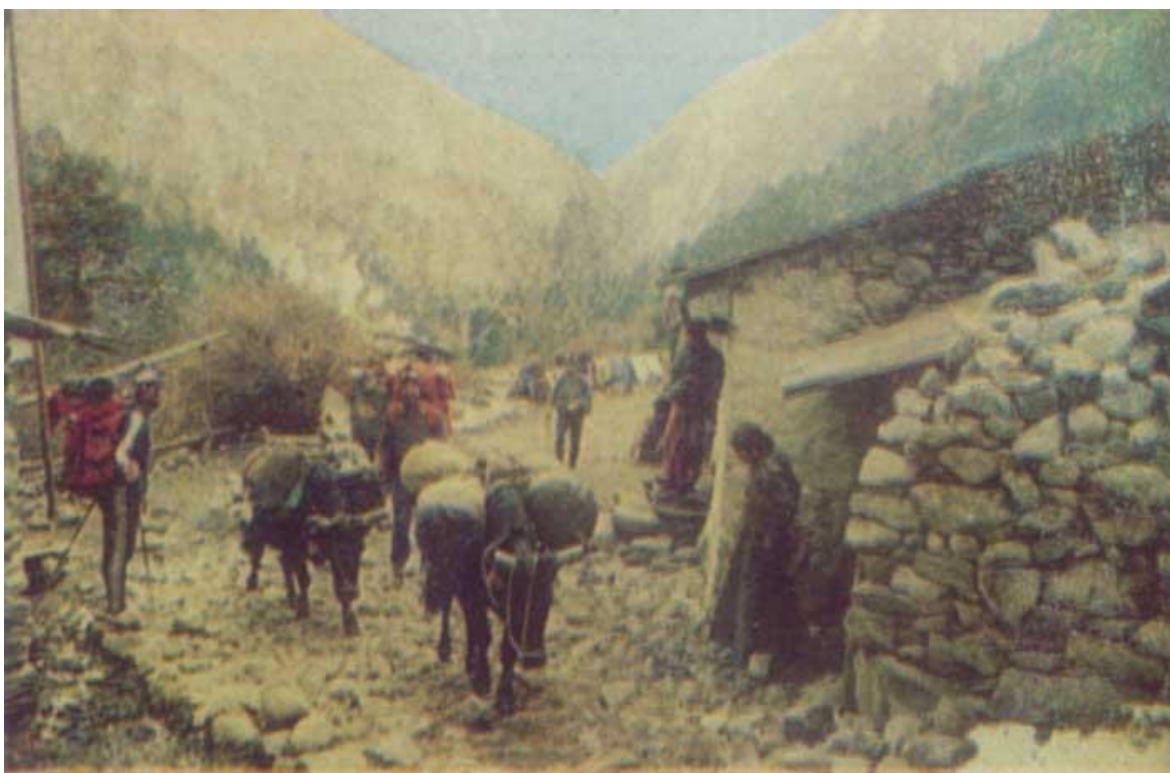
Придорожные камни покрыты молитвами.

Мы решили прогуляться по окрестным склонам и вышли навстречу каравану. Я наткнулся на удивительно красивую птицу с голубыми перламутровыми крыльями, темно-оранжевым хвостом, длинной шеей и короной из перьев вокруг головы. Рядом с этой птицей паслись два крупных улара. Заметив меня, они убежали вверх по склону и скрылись в камнях.

А вот и наш караван. В сумерках он двигался медленно. Сегодня у него был очень длинный переход (около десяти часов). С согласия Овчинникова Пемба разрешил шерпам выпить по стаканчику чанга. Это рисовый самогон, по крепости напоминающий пиво. Шерпы заметно оживились, но вскоре усталость взяла верх и они уснули.

13 марта. Сегодня шерпы решили идти только до Периче. Это всего в двух-трех часах ходьбы от Пангбоче. Но Периче — последнее место, где могут пастись яки, идущие в караване. Из 44 грузовых мест нашего (передового) каравана половину несли яки. Им необходимо было отдохнуть и попасть как следует после перехода из Намче-Базара. За яками ухаживают очень заботливо, стараются не перегружать, аккуратно подкладывают между его спиной и грузом мягкие вещи, чтобы не стереть кожу. При первой возможности яка стараются подкормить.

Медленно поднимаемся вверх по солнечному склону. После Намче-Базара дорога значительно уже и менее благоустроена. В некоторых местах она прорублена прямо в скале. Видно, как опять раздваивается ущелье впереди. Правое ведет в цирк Лхоцзе с юга, левое (наше) — в сторону ледника Кхумбу. Справа сверкает остроконечная снежно-ледовая вершина Амадаблам. Виден и выползающий язык ледника Кхумбу. Он выделяется светлым нагромождением камней. Прямо впереди — крясигие невысокие (около 6000) скальные пирамидки. Вдали за перевалом, замыкающим ущелье, огромная снежная вершина Чо-Ойю (8153). Над ней большой снежный флаг от ветра. Прямо под нами — селение Периче.

В горном селении.

Спускаемся с бугра вниз к реке. Переходим на другую сторону ущелья, двигаясь по снегу вслед за Давой. На отдых останавливаемся в отеле "Гималаи". Поселок сильно отличается от Намче-Базара. Все дома здесь одноэтажные. Подсобные помещения — в отдельных сарайчиках. В гостиной нашего отеля ночуют шерпы. Она же служит общей столовой. Мы ночуем на полатах в соседней комнатке.

Узнав, что всего в полутора часах ходьбы вверх по склону находится монастырь Дингбоче, мы с Бэлом отправляемся на прогулку. В некоторых местах тропа проходит по снегу, и кроссовки наши скользят. Вскоре видим прямо по ходу долину с селением, а вот и две пятиметровые каменные ступы. Это и есть монастырь Дингбоче. Вопреки нашим ожиданиям, здесь никто не живет. Фотографируем монастырь, любуемся окрестными вершинами. Здесь действительно ощущаешь силу и неповторимость Гималаев. Поднимаемся еще выше. Деревья кончились еще в Пангбоче. По пути в Периче нам попадались лишь невысокие стелющиеся кустарники арчи. Отсюда, сверху, эти кустарники выглядят темными пятнами.

Переноску киноаппаратуры доверяли только женщинам.

Яки на горной тропе.

В какой-то момент на востоке от нас неожиданно выплывает из облаков вершина еще одного восьмимысячника — Макалу. Склоны вокруг заснежены. А она темная. В лучах заходящего солнца стена Макалу приобретает красноватый оттенок. Подымаясь еще выше по склону, я не мог оторвать от нее взгляда. Она то ныряет в облака, то вновь открывается. Я боюсь, что вершина скроется совсем, торопливо фотографирую ее, но она появляется снова.

Достигаем понижения в склоне. И здесь сидим, любуясь то появляющимися, то вновь исчезающими в облаках вершинами. Жаль, что облаков так много. Они подымаются снизу уже сплошным потоком. Это тоже захватывающее зрелище. Но каждый альпинист знает, что облака — к плохой погоде, и поэтому вид их вызывает в душе тревогу.

Уходим вниз. Караван наш уже пришел в Периче. Наши яки пасутся на склоне. Готовим обед. От предложения Пембы попробовать чанга отказываемся. Наши шерпы успели “побаловаться” напитком и сейчас не в меру веселы. Им уже не до приготовления пищи. Самый молодой из них, Наванг, с большим трудом добирается до постели.

Завтра нам предстоит добраться до Лобуче. Это значит — набрать еще 700 метров высоты.

14 марта. Вышли в 9 утра. Долина кончилась. Через полчаса ходьбы тропа пошла на подъем в сторону ледника Кхумбу. В районе Периче по долине постоянно дуют сильные холодные ветры. Сейчас мы уходим вправо, в боковое ущелье и сразу же ощущаем, что ветер слабеет. Нас защищает от него склон. Согревают солнечные лучи. Уже нет и кустарников арчи, лишь трава да камни. На подъеме нам открывается язык ледника. Мы обходим его слева.

Перейдя через мост, попадаем в поселок Дукла. Здесь всего пять домов и, конечно, отель. Около него (на завалинке, как сказали бы у нас) мы отдыхаем и пьем чай. И снова — вверх.

Подъем выводит на большую песчаную поляну. В глаза бросаются метровые столбы, сложенные из обломков камня. Некоторые из столбов украшены флагами, мелко и часто исписанными тибетскими молитвами. Мы не понимаем назначения этих столбов, но чувствуем, что здесь что-то ритуальное. Позже мы узнали, что это хранилище душ шерпов, погибших в районе Эвереста, причем лишь тех, чьи тела удалось найти.

Дальнейший наш путь пролегает по “карману” между ледником Кхумбу и склоном пика Лобуче. Вот и поселок Лобуче, в котором всего три дома. Выбираем наиболее солидный из них. Это тоже отель и тоже “Гималаи”. Он совсем недавно построен новозеландцами в порядке оказания помощи национальному парку “Сагарматха”. “Гималаи” — каменное одноэтажное строение с двумя входами. Один — в маленькую комнатку, где живет хозяйка отеля. Здесь кровать, плита, стол, полки для посуды и продуктов. Другой вход — в большую комнату для гостей. На стене — плакат с перечнем услуг, предоставляемых гостям, и прейскурант цен. В углу железная печь типа “буржуйки”. Посредине — стол. По всей длине отеля — двухъярусные нары. Вмещает отель 25 человек.

В ожидании каравана мы с Бэлом, для акклиматизации и ознакомления с местностью, полезли на склон пика Лобуче. Набрав метров 400 высоты, уселись для того, чтобы разглядеть панораму. Отсюда все выглядит иначе, чем снизу. Хорошо виден перевал Лхо-Ла, влево от него тянутся в нашем направлении невысокие красивые вершинки. Венчает этот гребень вершина Пумори (7135). Вправо от перевала Лхо-Ла поднимается взлет к западному плечу Эвереста. Но самого Эвереста мы еще не видим. Его закрывает гигантский массив Нупцзе, на запад и на юг обрывающийся отвесными скальными стенами. В районе Амадаблама и правее него горы тоже как бы выросли и открыли свои стены.

Налюбовавшись всласть, мы начали спускаться. Приходилось лезть по скалам, но это нас не тревожило: кроссовки держали на скалах отлично. Погода стояла хорошая, лишь в районе Эвереста угадывалась борьба ветра и облаков.

Высота уже 5000 метров, но мы еще не ощущаем ее. Наша прошлая жизнь на равнине, в Ленинграде, кажется нам сейчас очень далекой, почти сказочной. Все мое сознание концентрируется в настоящее время на одном, самом главном — на юго-западной стене Эвереста. В каком она сейчас состоянии? Что ждет нас на ней?

15 марта. Путь наш лежит слева от ледника. По большим каменным глыбам пересекает язык ледника, втекающего в ледник Кхумбу со стороны Пумори. Тропы, как таковой, уже нет. Есть лишь намек на тропу. Прямо перед нами Калапата — взлет на гребне вершины Пумори. Если позволит время, мы обязательно поднимемся на Калапату.

Перед нами песчаное плато, на котором предстоит заночевать сегодня. Эта стоянка называется Горак-Чеп. Устанавливаем палатки. После обеда я не удержался, чтобы не подняться на Калапату. Дело в том, что бугор этот — отличная смотровая площадка в сторону Эвереста. Мне повезло. Облака разошлись, и мне удалось сфотографировать Эверест.

16 марта. Сегодня передовая группа подошла к ледопаду Кхумбу. Здесь, на высоте 5300 метров, после продолжительных поисков мы наметили место базового лагеря. Небольшой караван яков быстро разгружается и уходит вниз. Погода хмурится, начинается снегопад. Вскоре в лагерь пришли Коля Черный и Эдик Мысловский. Теперь передовая группа экспедиции в полном составе. С нами офицер связи и четверо шерпов с сирдаром.

Передовая группа на подходе к базовому лагерю.

Базовый лагерь. Высота 5300.

Пациенты "кхумбалатории".

Сережа Ефимов — наш лучший гитарист.

Матч "Хоздвор" — "Кухня". Встреча капитанов.

Начинается короткая, но горячая дискуссия по поводу установки палаток, которые на время экспедиции станут нашим домом. Спешим укрыть грузы под пологом будущей "кают-компании". Так в суматохе проходит вторая половина дня.

Уже вечером под шорох падающего снега обсуждаем план на завтрашний день. Наш "главный оракул" Коля, колдуя над пасьянсом, уверяет, что погода будет хорошая, так как расклад из пяти раз сошелся трижды. Единодушно поддерживаем мнение старшего тренера о том, что утром надо сходить посмотреть на ледопад.

Наутро Эдик с Колей уходят на ледопад вдвоем. Нам вместе с шерпами нужно установить имеющиеся палатки и расчистить еще несколько площадок для тех, кто придет с основным караваном. Погода хорошая, безветренно, пригревает солнышко. Можно позагорать, и мы ходим в шортах и в валенках. Шерпы более осторожны. Они не раздеваются и не загорают.

Вдруг тишину нарушает грохот, доносящийся со стороны Пумори, одной из самых красивых гималайских вершин (7145). Зрелище поистине впечатляющее: огромная масса снега и льда, разгоняясь по склону горы, обрушивается на большую полку и далее, как со стола отрыва на гигантском трамплине, взлетает вверх и прыгает на ледник. Нырнув в большую воронку, лавина выпрыгивает из нее на плато ледника и здесь наконец затихает. Огромное снежное облако начинает быстро окутывать все вокруг, заслоняет солнце. Сразу резко холодает. Мы оказываемся в середине снежного облака, которое медленно оседает крупными хлопьями. Пережидаем холод, накрывшись палаткой "кемпинг". И снова — тишина. Через несколько минут как ни в чем не бывало вновь светит солнце, и работа наша возобновляется.

В полдень возвращаются Эдик с Колей. Садимся обедать и, конечно, обмениваемся впечатлениями. После обеда Овчинников, Балыбердин и я забираем груз, который нам понадобится при обработке маршрута, и выходим к подножью ледопада. На пути то и дело попадаются лагеря прошлых экспедиций. Их легко узнать по шестам с вылинявшими

молитвенными флажками, которыми шерпы огораживают лагерь от нашествия злых духов, по развалившимся строениям, напоминающим кухню, и, конечно, по огромному количеству мусора вокруг.

Но глаза наши постоянно устремлены вперед и вверх — туда, где начинают громоздиться сераки ледопада Кхумбу. При первом приближении не видно никаких сюрпризов. Трещин нет! Но это нас не успокаивает. Всем, кто бывал в горах, хорошо известно, что все видимое накладывается друг на друга, и, только приблизившись к очередному препятствию, удастся разглядеть его детально.

Без труда находим место первой заброски продуктов и снаряжения, которую сделали Эдик и Коля. Складываем принесенное снаряжение и возвращаемся в лагерь.

18 марта наша группа в полном составе, вместе с шерпами, нагрузившись необходимым для работы снаряжением, вышла на обработку ледопада. Не спеша добираемся до первой заброски. На высоте спешить нельзя: ощущается недостаток кислорода. Для передвижения по льду надеваем кошки. К станкам от рюкзаков привязываем принесенные вчера лестницы, снаряжение и движемся дальше.

Снова то и дело встречаем следы предыдущих экспедиций — обрывки веревок, маркировочные вешки, флажки. Иногда в глубине трещин можно разглядеть остатки лестниц, раздавленных льдом. Перед первым подъемом шерпы складывают свой груз и дальше идти отказываются. У них нет кошек, а без них по льду ходить опасно. Шерпы возвращаются в базовый лагерь, и мы остаемся одни.

Эдик с Колей уходят вперед прокладывать путь. Наша тройка движется следом и навешивает перила из репшура. На крутых склонах вешаем веревки, закрепляя их на ледовых крючьях. Будущая наша дорога петляет между ледовыми нагромождениями. Нам предстоит ходить по ней с большим грузом, поэтому путь должен быть как можно проще. Сегодняшняя наша работа заключается в навешивании веревок на крутых участках или там, где угадывается будущая трещина. Работаем быстро. Хочется успеть обработать ледопад до прихода основного каравана. Вербки закрепляем на снежных крючьях или на ледобурах (ледовые крючья). Снежные крючья представляют из себя алюминиевые кольца от 40 до 100 сантиметров длиной. В некоторых местах, для перехода через глубокие трещины, закрепляем лестницы.

Мысловский с Черным идут немного впереди нас, пытаясь найти безопасный путь в ледовом лабиринте. Мы движемся по их следам. Путь наш совпадает со следами прошлых экспедиций. В районе первых больших разломов останавливаемся. Перед нами большая трещина, метров пять в ширину, пересекающая ледопад поперек. Ее верхний (дальний) край закрывает нам дальнейший обзор. С ледовой стенки свешиваются обрывки веревок, еле различим конец заваленной льдом лестницы. Мы собрались все вместе на небольшой площадке. Решаем в следующий выход установить здесь палатку и таскать сюда снаряжение, если не удастся быстро найти проход. На случай ухудшения погоды (а меняется она здесь резко) в палатке надо иметь примус и продукты.

Наши высотные носильщики (слева направо): стоят — Наванг Энден, Лхакпа Циринг, сирдар Пемба Норбу, Падам Бахадур, Нима Дорьи, Дава Норбу, Анг Норбу, Нима Темба; сидят — Пазанг Дава, Пемба Тхунду, Санам Гиальцен, Бидендра, Дава Гиальцен.

Эдик добрался справа до дна трещины, ввинчивает ледовый крюк и начинает движение вверх. Подхожу на веревку ближе и начинаю страховать его. Напряженно следим за каждым его шагом. Кажется, что пути там нет. Это подтверждает и сам Мысловский. Он возвращается. Мы с Колей принимаем его, а в это время Бэл увлекает Анатолия Георгиевича влево. Они вырубает несколько ступеней и, двигаясь по дну трещины, быстро скрываются из виду. Идем следом, навешиваем веревки, намечаем, где положить лестницы. У передовой связки дело заметно продвигается. Они уже прошли по трещине и поднимаются выше. Наблюдаем за ними. Вскоре наша работа заканчивается: израсходованы все принесенные из лагеря веревки. Терпеливо дожидаемся возвращения Бэла и Анатолия Георгиевича и вместе спускаемся в лагерь. Здесь нас ожидает работа по расчистке площадок, кроме того, надо подготовить снаряжение на утро. Вечером намечаем работы на следующий день. Шерпы тоже готовятся к выходу вместе с нами, подгоняют обвязки, кошки. Трудностей в общении с этими веселыми ребятами все меньше. Прошла та первая настороженность, когда мы присматривались к ним, а они к нам. Они с интересом наблюдают, как мы играем в “Эрудит”.

Шерпы живут в “кают-компании” и каждый вечер устраивают импровизированные настилы из снаряжения. В ход идут крючья, веревки, репшнур, пустые баулы, а сверху все это застилается ковриками. Уже в темноте покидаем их и разбредаемся по своим палаткам.

19 марта. Эдик с Колей выходят налегке первыми. Они должны искать проход дальше. Все остальные делают грузовую ходку. Нам предстоит установить палатку для снаряжения и сложить в нее принесенный груз. В лагере остался только офицер связи мистер Биста. Путь нам уже знаком, и места, намеченного для установки палатки,

достигаем часа через два. Устанавливаем и закрепляем палатку, складываем в нее снаряжение. Здесь же оставляем лестницы.

Шерпы быстро уходят, не забыв перед этим покормить своих богов. Все они принесли с собой немного риса и, бормоча молитву, разбросали его по окружающим нас трещинам.

Насколько позволяет видимость, наблюдаем за работой Эдика и Коли, у которых опять возникли трудности с выбором пути. Эдика так и тянет выйти на середину ледопада, абсолютно непроходимую по данным разведки 1980 года.

Во время очередной радиосвязи передовая двойка попросила поднести им лестницы. Бэл понес. Две лестницы он вынес выше того места, где работали Эдик с Колей. Трудно представить выражение их лиц, когда сверху им подали лестницы. А весь секрет состоял в том, что Бэл прошел по более простому пути, разведанному им с Анатолием Георгиевичем накануне. Когда Володя вернулся, мы втроем направились вниз.

По пути обсуждали предстоящий день. Все наши разговоры об одном: пора бы и молодежь (то есть Володю и меня) пустить поработать первыми. Чувствуется, что старший тренер поддается нашим уговорам. А вечером, когда по заведенному правилу обсуждается план на завтра, Анатолий Георгиевич объявляет, что двойка Мысловский — Черный отдыхает, а наша тройка уходит наверх — искать проход дальше.

Всех беспокоит ветер, который начал дуть со второй половины дня. Порывы его то усиливаются, то стихают. Решили еще раз понадежней закрепить палатки.

Ветер не успокоился. Его порывы стали более резкими, и мы провели беспокойную ночь. Опасаясь, что палатку перевернет, мы с Бэлом пытались весом своего тела прижать ее с противоположных сторон. Лишь только ветер стихал, мы погружались в сон до очередного порыва. Эта ночь вспоминалась нам потом как одна из самых трудных и беспокойных.

20 марта. За ночь ветер натворил немало бед. Завалена большая палатка, продукты и снаряжение разбросаны по всему лагерю. Опасаясь, что взлетит в воздух "кают-компания", шерпы сбились на своем настиле в кучу и укрылись сверху палатками, предназначенными для верхних лагерей. В "кают-компании" полнейший хаос: столы перевернуты, посуда, консервы и мелкое снаряжение перемешаны. Удивительно, что не разбились фаянсовые кружки, привезенные нами из дома. Палатка старшего тренера обмотана веревками и напоминает огромный кокон. Позже мы узнали, что ночью обмотал ее для устойчивости Эдик, пришедший на помощь Овчинникову.

Начинаем приводить лагерь в порядок. Как только становится ясно, что ветер стихает, быстро одеваемся, выходим наверх. Но еще несколько часов мы ощущаем силу ветра. Однажды в момент подъема на крутом, снежном склоне нам пришлось даже лечь, уцепившись двумя руками за ледоруб, вбитый в снег по самую головку.

Навесной мост из трех лестниц.

Кажется, этот мощный порыв ветра был последним.

Хаос гигантских ледяных блоков с отвесными стенами. Множество неглубоких трещин двухметровой ширины. Мы пробираемся между глыбами по узкому ледовому лабиринту. Перильная веревка закреплена за выступы льда или за крючья. То и дело приходится преодолевать вертикальные стенки, упираясь спиной в одну стенку, а ногами — в другую. И хотя идем без груза, буквально продираемся через глыбы льда, зажимающие нас с двух сторон. Ясно, что проложить постоянную дорогу здесь нельзя.

Преодолев ледовую стенку, выбираемся на ровное плато, изрезанное узкими, но глубокими трещинами. Когда заглядываешь в трещину, видишь, что ледовые блоки стянуты веревками предыдущих экспедиций. Кажется, что только благодаря этим веревкам плато до сих пор не развалилось. После замера высоты оно получило название "5800".

Обычно отдыхали на высоте 5800.

Конечно, нас не устраивал путь, по которому вышли на это плато снизу. Но сейчас мы стремились вверх, решив переделать этот участок подъема на обратном пути. Сейчас нам преграждал дорогу ледовый гребешок, спускающийся сверху и рассекающий плато на две примерно равные части. Не теряя времени, начали подъем в лоб.

Присев на небольшую площадку, мы разглядывали дальнейший путь. В верхней части на плато 5800 напозлали ледовые глыбы. За взлетом угадывались широкие трещины. Дальше путь закрывала ледовая стена, которую нам не удалось рассмотреть полностью. Она пересекала всю верхнюю правую часть ледопада. Разглядывая ледопад в бинокли из базового лагеря, мы постоянно натывались на эту стену. В правой части она постоянно рушится, нарушая тишину гор. Долго еще изучали предстоящий путь. Вся стена искрилась под лучами солнца. Мы чувствовали, что ключ к Западному цирку находится всего в нескольких часах ходьбы отсюда. Все предстоящие трудности удастся оценить лишь вблизи. Но это завтра. Анатолий Георгиевич показал нам, где проходил путь через верхнюю ступень в 1980 году. Сейчас все изменилось. Ледопад осел метров на сто, и там, где была равнина, громоздятся ледовые глыбы.

Уходим вниз. По пути навешиваем несколько веревок. Похоже, что удастся несколько спрямить и укоротить путь. Сегодня утром мы вышли в спешке. Очень хочется есть. Напряжение спало, и сразу же навалилась усталость, усугубленная жарой. Медленно двигаемся по леднику. Лед тает, и под ногами у нас журчат сотни ручейков. Умываемся,

спасаясь от жары. В лагере нас с нетерпением ожидают ребята и шерпы. После обеда отдыхаем.

Завтра в 4 часа утра нам с Бэлом предстоит выйти и обработать остаток пути до самого верха ледопада.

21 марта. Вышли очень рано, чтобы иметь запас светлого времени, если поиски прохода через ледопад затянутся. Еще темно, но нас это не смущает. Крадемся по леднику, то и дело спотыкаясь о камни. На подходе к первой заброске поняли, что заблудились. В темноте ходим от трещины к трещине, возвращаемся назад, снова продвигаемся вперед, но не можем обнаружить никаких знакомых ориентиров. Так блуждаем до рассвета. В какой-то момент мелькает знакомый бугорок, и мы бросаемся к нему. Так и есть: мы на правильном пути. Надеваем кошки. В рюкзаках у нас пара веревок, высотная палатка, железо, продукты и рация. Вперед! Нами словно овладела какая-то странная сила. Мы сознаем, что обязаны сегодня пройти ледопад и работаем с удвоенной энергией.

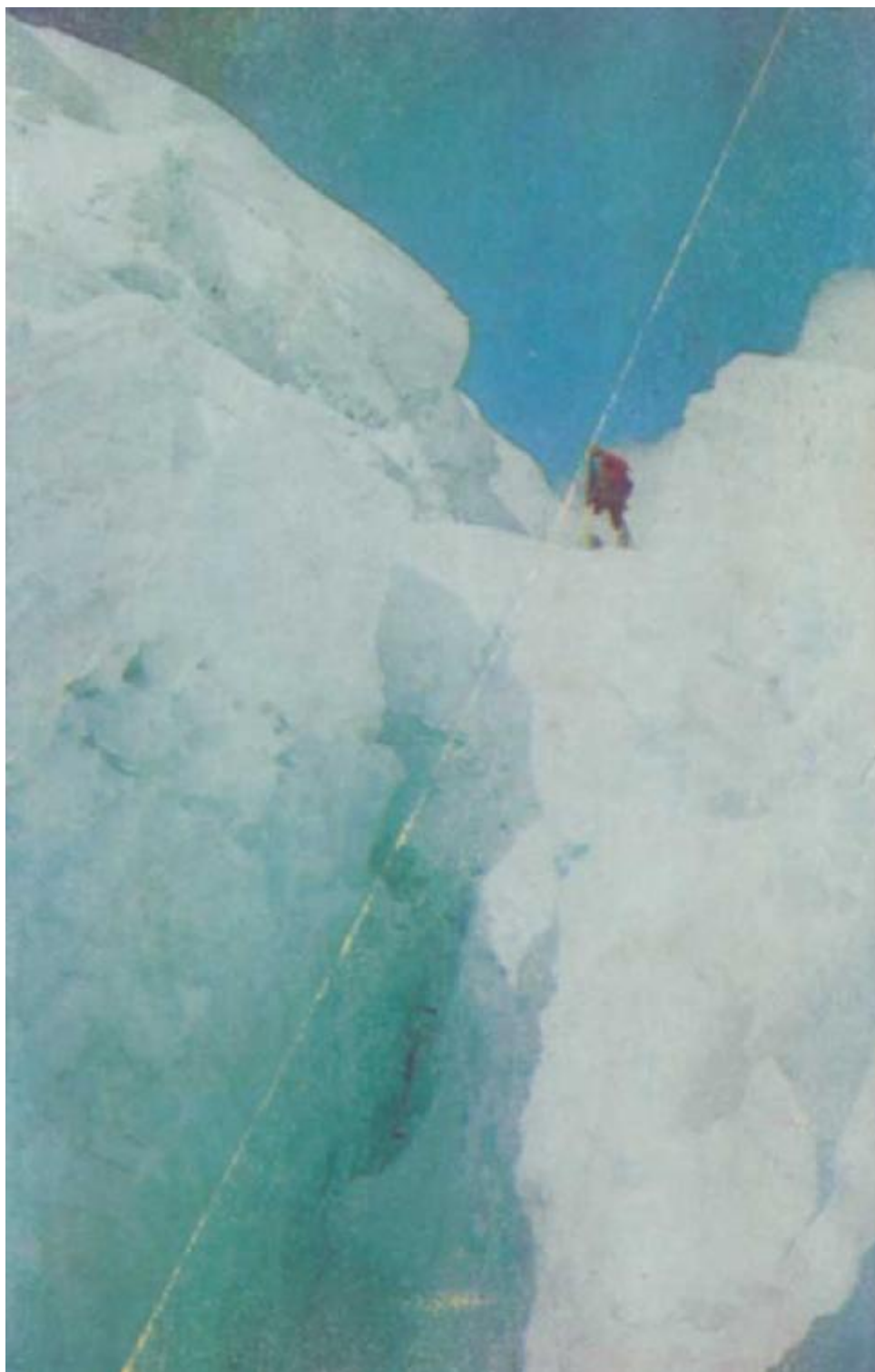
В начале седьмого мы были уже на 5800. Здесь позволяем себе немного передохнуть и попить. Связываемся и идем на всю длину веревки. Первый снежный взлет обрывается трещиной. Обходим ее справа. Небольшой спуск вниз, затем еще одна трещина. Через эту удастся перебраться по ледовому мосту — застрявшей ледовой глыбе. Аккуратно движемся по обломкам льда. Они смерзлись за ночь и держат пока хорошо. Шагаем через трещины.

Бэл, идущий первым, подает сигнал “внимание”. Беру связывающую нас веревку внатяг. Слышу грохот ледяных обломков, но рывка не чувствую. Все в порядке. Теперь идем только на всю длину веревки.

Шаг за шагом приближаемся к подножию ледовой стены. Собираемся на небольшой площадке. Перед нами то самое место, которое альпинисты всего мира называют “Ужас Хиллари” (по имени первовосходителя на Эверест новозеландца Эдмунда Хиллари). Потом мы будем день за днем проходить это место, не обращая на него особого внимания. А сейчас стоим, оглядываясь. Действительно — ужас. Слева, в десяти метрах от нас, нависает огромная глыба. Она рассечена небольшими трещинами и на ярком солнце кажется воздушной, готовой рухнуть в любую секунду. Справа поднимаются снизу два высоких серака. Непонятно, на чем они держатся, такие тонкие. В двадцати метрах от нас нависает снежно-ледовая стена с карнизами. Нижняя часть ее очень крута и сложена из небольших кусков льда, спрессованных массой, давящей сверху. Верхняя часть стены значительно положе. Слева под стену ведет ледовый мост, присыпанный снегом. Пожалуй, самый логичный путь — прямо по стене.

Связываемся второй веревкой. Осторожно переходим мост. Вот и забит наконец первый крюк. Оба вздохнули с облегчением. Страховка готова. Солнце уже освещает нашу яму, лед нестерпимо искрится в его лучах. Глаза начинают слезиться, не помогают и защитные очки. Где-то внизу подо мной звенят осколки льда. Первые удары молотка вызывают настоящий обвал.

Для дороги намечаем повесить здесь несколько лестниц. Но у нас их нет с собой, и Бэлу приходится буквально красться по кускам неустойчивого льда. Отсюда несколько шагов по краю до места сужения. Дальше — монолитный лед. Надежно ввинчены ледовые крючья. Стоим рядом. Обсуждаем, как пройти небольшое нависание. Удастся преодолеть эти пять метров и закрутить крюк. У обоих вырывается вздох облегчения. Выше — чистый жесткий снег. Кошки держат хорошо.

На ледопаде Кхумбу.

Как высоко мы взобрались! Отсюда ледник выглядит совсем иначе. Громадные ледовые блоки перемежаются с глубокими трещинами. Справа и слева со склонов гор срываются лавины, постепенно затихая и разломах ледника.

По связи узнаем, что к базовому лагерю подходит большой караван. Значит, сегодня там соберется большинство участников экспедиции. Солнце уже нагрело воздух. Духота.

Лишь слабый ветерок помогает нам двигаться. Поднимаемся выше и останавливаемся перед широкой трещиной. Ищем и не можем обнаружить прохода. Очень не хочется спускаться вниз, на дно трещины, но другого пути нет. На противоположном склоне такая же высокая стена, как пройденная только что.

Все дно трещины засыпано обломками льда. Тщательно страхуясь, движемся по ним, пытаюсь отыскать удобное место подъема на противоположный борт. Находим его, пройдя метров сто пятьдесят. Стена здесь положе, и нам удастся подняться по ней на передних зубьях кошек. Дальше путь лежит без набора высоты, в обход трещин.

Вот он — Западный цирк! Склоны Лхоцзе просматриваются от вершины до самого ледника. Где-то здесь все предыдущие экспедиции устанавливали лагерь 6100. Еще час бродим, обходя широкие трещины. Наконец выходим на плато. Ледопад пройден! Рассматриваем лежащую перед нами снежную равнину. Пытаемся обнаружить хоть какие-нибудь следы предыдущих экспедиций, остатки лагерей. Ничего. Садимся на снег, любуемся южными склонами Эвереста. Величественная треугольная пирамида, черная, без снега. Теперь до нее — лишь пять километров снежной равнины.

В 11.00 связываемся с базой, принимаем поздравления. Еще некоторое время разглядываем стену и начинаем спуск. Движемся максимально быстро. Хочется как можно меньше находиться в опасных местах, среди “живых” ледяных глыб. Спустившись на 5800, сбавляем темп. Оглядываемся назад. Навешенная нами красная веревка хорошо видна издали.

Встречаем Эдика, Колю и шерпов. Они повесили веревки на срединное плато и принесли сюда лестницы. Таким образом, наша база переместилась еще выше. По связи узнаем, что пришли большая часть ребят и небольшой караван. В лагере готовятся ко дню рождения Миши Туркевича. Мы тоже хотим принять участие в этом мероприятии. Спустившись в трещину, срезаем метров сорок перильной желтой веревки, оставленной кем-то из наших предшественников. Этот дар ледника несем новорожденному.

С удивлением обнаруживаем, насколько изменился наш базовый лагерь. Появилось множество новых палаток. Лагерь напоминает сейчас муравейник. Еще издали замечаем непрерывное движение людей по всей территории. Идет сортировка и разбор грузов, благоустройство лагеря. Носильщики получают расчет за доставку грузов. Вниз цепочкой уходят люди и яки. Кое-кто, напротив, подымается к лагерю. Многоголосый людской шум, от которого мы успели отвыкнуть. Радость встречи, рукопожатия. Вот мы опять все вместе.

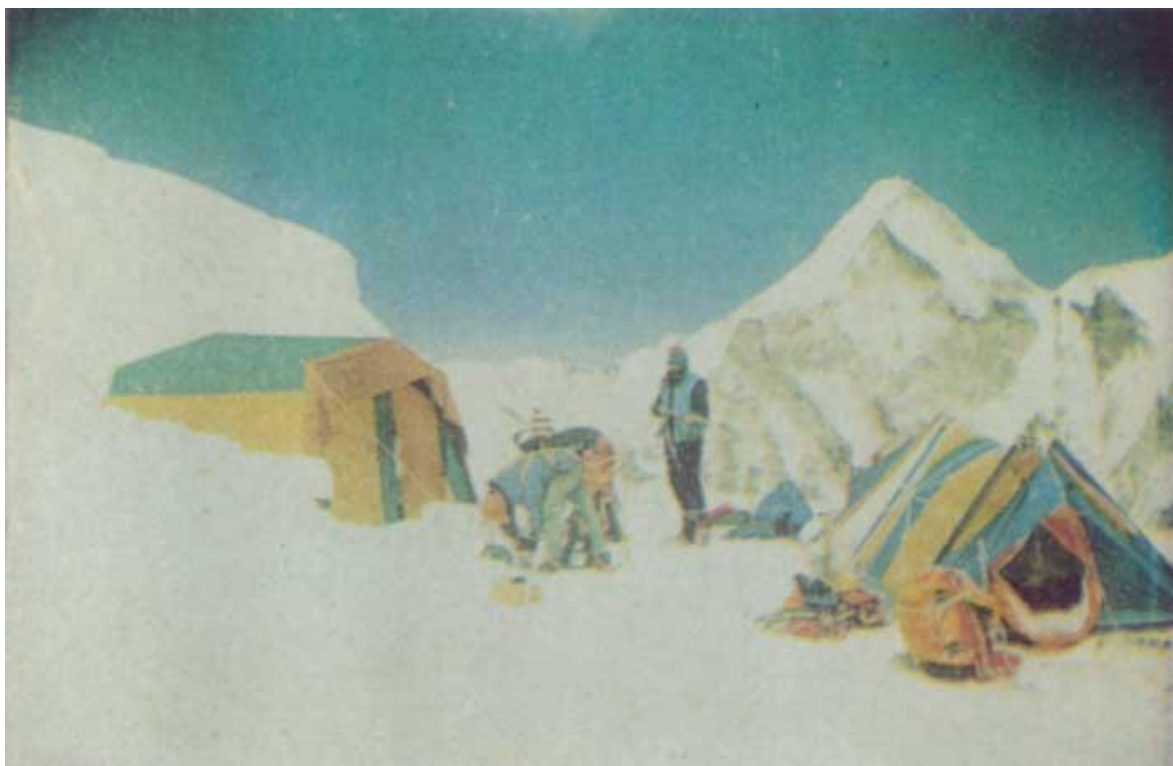
По негласному правилу сразу же идем в столовую. Все уже в курсе, что меню наше все эти дни не отличалось особым разнообразием. И потому первый вопрос: “Чего хочется?” — “Конечно, молока”, — отвечаем мы, и Казбек Валиев тащит банку молока. Расспросы: “Как стена? Как Эверест?” Улыбаемся, глядя друг на друга: “Хорошая стена — черная”.

24 марта. Выходим впятером. На 5800, когда кончилась обработанная часть маршрута, мы связались веревками. Первой шла связка Балыбердин — Овчинников, за ними — наша тройка: Шопин — Черный — Мысловский. Нас ждала почти не обработанная 60-метровая ледовая стена после гигантской трещины — “Ужас Хиллари”. На стене закреплена всего одна веревка, а рюкзаки у нас по 20 килограммов (снаряжение для лагеря-1 — снежные крючья, примусы, веревки, палатка, да еще свои продукты на три дня).

Ледопад пройден.

В 11.00 связываемся с базой, принимаем поздравления. Еще некоторое время разглядываем стену и начинаем спуск. Движемся максимально быстро. Хочется как можно меньше находиться в опасных местах, среди "живых" ледяных глыб. Спустившись на 5800, сбавляем темп. Оглядываемся назад. Навешенная нами красная веревка хорошо видна издалека.

6100. Промежуточный лагерь на верхней кромке ледопада.

В Западном цирке.

Встречаем Эдика, Колю и шерпов. Они повесили веревки на срединное плато и принесли сюда лестницы. Таким образом, наша база переместилась еще выше. По связи узнаем, что пришли большая часть ребят и небольшой караван. В лагере готовятся ко дню рождения Миши Туркевича. Мы тоже хотим принять участие в этом мероприятии. Спустившись в трещину, срезаем метров сорок перильной желтой веревки, оставленной кем-то из наших предшественников. Этот дар ледника несем новорожденному.

С удивлением обнаруживаем, насколько изменился наш базовый лагерь. Появилось множество новых палаток. Лагерь напоминает сейчас муравейник. Еще издали замечаем непрерывное движение людей по всей территории. Идет сортировка и разбор грузов, благоустройство лагеря. Носильщики получают расчет за доставку грузов. Вниз цепочкой уходят люди и яки. Кое-кто, напротив, подымается к лагерю. Многоголосый людской шум, от которого мы успели отвыкнуть. Радость встречи, рукопожатия. Вот мы опять все вместе.

По негласному правилу сразу же идем в столовую. Все уже в курсе, что меню наше все эти дни не отличалось особым разнообразием. И потому первый вопрос: “Чего хочется?” — “Конечно, молока”, — отвечаем мы, и Казбек Валиев тащит банку молока. Расспросы: “Как стена? Как Эверест?” Улыбаемся, глядя друг на друга: “Хорошая стена — черная”.

24 марта. Выходим впятером. На 5800, когда кончилась обработанная часть маршрута, мы связались веревками. Первой шла связка Балыбердин — Овчинников, за ними — наша тройка: Шопин — Черный — Мысловский. Нас ждала почти не обработанная 60-метровая ледовая стена после гигантской трещины — “Ужас Хиллари”. На стене закреплена всего одна веревка, а рюкзаки у нас по 20 килограммов (снаряжение для лагеря-1 — снежные крючья, примусы, веревки, палатка, да еще свои продукты на три дня).

Под ледовой стеной мы застопорились. За счет силы Бэлу удалось подняться по веревке с зажимом, не снимая рюкзака. Он помог выбраться Овчинникову. С большим напряжением я тоже поднялся на стену с рюкзаком. Особенно трудно далась щель под нависающей ледовой глыбой в середине веревки. Эту щель трудно одолеть с рюкзаком. Колин рюкзак пришлось вытащить на веревке. Он поднялся ко мне налегке. Рюкзак Эдика мы вытянули вдвоем.

По ходу дела повесили в трудных местах несколько веревок, закрепляя их на ледобурах или снежных крючьях. Теперь нам предстояло преодолеть широкую ледовую трещину. Сначала надо было спуститься на длину веревки, затем пройти метров 150 по длинному снежному мосту между глыбами льда и далее — вверх, на двадцатиметровую стенку. Ее приходилось преодолевать на передних зубьях кошек. На этой стенке Бэл оставил для нас закрепленную веревку.

Я тащил с собой кинокамеру “Красногорск-3” с мощным телеобъективом, чтобы снимать кое-что на ходу. Эти дополнительные 3,5 килограмма висели у меня на шее. Когда я выбрался из трещины, Бэл с Овчинниковым уже ушли вперед. У Бэла кончились ледобуры и снежные крючья, и последнюю веревку он закрепил довольно оригинально: вырыл в снегу яму, заложил в нее каримат (Подстилка из пенистого полиэтилена, применяемая для ночевки в палатке) и, привязав к нему веревку, завалил снегом.

Обнаружив в снегу каримат Бэла, я сразу подумал о том, что нам плохо придется на ночевке: впятером на четырех кариматах будем мерзнуть. Решил забрать его, а веревку закрепить на своем ледорубе. Принял Колю, затем Эдика. Пока я менял закрепление веревки, первым двинулся Эдик, за ним — Коля. За нами шла группа Онищенко (Слава Онищенко, Валера Хомутов, Володя Пучков, Леша Москальцов и Юра Голодов). Как раз появилась голова Славы.

— У тебя есть крючья? — спросил я.

— Есть.

— Тогда забери мой ледоруб.

И опять наш путь лежал через трещины. Одна из них — широкая, со снежным козырьком. Видимо, без ледоруба я почувствовал себя не слишком уверенно. Шагнул как можно шире, но попал на козырек и почувствовал — ваюсь вниз. Стены гладкие, скольжу вдоль, пытаюсь задержаться. Раздвинул пятки, чтобы заклинить. Боюсь, что кинокамера ударит по голове, но она, к счастью, упала на рюкзак (его подняло чуть не на самую голову). Проскользил вниз метров на пять и заклинился. Подергал веревку. Чувствую — Коля уже закрепил ее. Надо вылезать, но сначала освободиться от рюкзака, не упустив его. Самостраховкой прицепил рюкзак к беседке (Нижняя часть страховочной системы альпиниста), но прежде застраховал кинокамеру. Рюкзак повис на уровне ног. Я обрел свободу движений. Надел на верезку зажим, поднапрягся и вылез. Наверху отряхнулся от снега, надел на плечи рюкзак, и мы двинулись дальше.

К 12 часам пришли в промежуточный лагерь 6100. Он на фирновом плато, напоминающем памирское, только поменьше. Здесь мы оставили в прошлый раз палатку и стойки. Еще одну палатку принесли в этот раз.

Солнышко скрылось, и погода начала быстро портиться: наполз туман, поднялся ветер. Спешим поставить обе палатки. Хочется поскорее залезть внутрь. Как раз к этому времени подошла группа Онищенко. Это был их первый выход. Они сбросили снаряжение и заторопились вниз.

Мы предполагали добраться сегодня до 6500. Но из-за непогоды пришлось заночевать здесь (на 6100). Отсюда до 6500 — километров пять ходьбы по плато. Правда, предстоит преодолеть два снежных взлета — две ступени. Но это завтра.

В палатках тепло, просторно. Ночь спали хорошо.

Проснулись утром — метет. Видимости никакой, и очень холодно. Но все же решили идти наверх. Время поджидает. Вышли часов в девять, на ходу наконец согрелись. Дорогу знают Овчинников и Мысловский. В позапрошлом году они прошли этот путь во время разведки маршрута. За ориентир — склоны Нупцзе. После подъема на первую ступень надо пересечь плато в направлении Эвереста. Им запомнилось множество трещин на плато. Но сейчас все засыпано снегом, и никаких обходов искать не надо. Тропа наша получилась прямой. Шли в связках, страхуя друг друга на случай закрытых трещин. Но, к счастью, никто не провалился. Иногда приходилось останавливаться, ждать разрывов в блуждающем тумане, чтобы не потерять ориентиры. Туман обманывает: все кажется гораздо дальше, чем на самом деле. Часов через пять достигли морены. 6500!

Ветер понемногу стих. На морене мы установили десятиметровую шатровую палатку “Зима”. Решили прогуляться до стены Эвереста — осмотреть ее, наметить начало маршрута. До нее полчаса ходу. (Потом, акклиматизировавшись, мы ходили до нее всего пятнадцать минут.)

Стена не показалась нам особенно сложной. Правда, выше 7000 маршрут не просматривался. Решили, что основные проблемы будут там, после 7000. Наметили варианты начала маршрута.

Возвратившись, залегли в спальные мешки. Видимо, сказывалась эйфория: у всех повышенное настроение. Бэл с Овчинниковым предлагают подняться завтра до 7000. Мне непонятно зачем. Ведь у нас нет снаряжения. Думаю о том, что неплохо бы здесь, на 6500, организовать базу, где можно было бы пересидеть непогоду, удрав со стены. Высказываю эту мысль вслух.

Еще в сумерках нас удивил местный ветер. Непонятно, откуда берется ветер под самой стеной. Ощущение такое, словно из темноты на нашу палатку мчится поезд. Ветер

разгоняется по стене Эвереста и врывается в Западный цирк мощными порывами. Нарастает страшный гул и вдруг стихает.

Побеждает усталость. Наваливается дрема. Но заснуть не удастся. Это первая наша ночевка на такой высоте и при таком сильном ветре. Все перемешивается — минутное забытие и внезапный удар ветра. Палатка еще не приморозилась днищем, и ее то и дело подбрасывает вверх. Ветер гуляет под днищем. Мы заваливаемся вдоль стен, пытаемся придавить его своими телами.

Иногда проваливаемся в забытие, но ненадолго. Несколько раз Володя с Эдиком вылезают наружу, чтобы заново закрепить палатку: ветер обрывает резиновые вставки оттяжек. В конце концов решили убрать кол, подпирающий палатку. Парусность ее сразу уменьшилась. Снегопада нет, и мы не боимся, что нас засыплет.

26 марта. К утру ветер не стих. Коля Черный потянулся за ботинками и... не обнаружил их. Оказалось, что в боковине палатки — дыра. Колины ботинки валяются снаружи. А вот моя пуховка исчезла бесследно. И это грустно. У меня — ни запасного пухового жилета, ни свитера. Я никогда не любил кутаться, а здесь просчитался. Выручил Коля — дал мне и жилет, и свитер. Еще и анараку предлагал. Сказался его опыт высотника — все теплое таскает с собой.

Одеться в такой сумасшедший ветер совсем не просто. Упираешься головой в потолок, получаешь два-три удара по затылку и валишься в легком нокдауне. После этого снова приходится отдыхать. У всех головная боль — следствие бессонной ночи на высоте. Разговоров о том, чтобы идти выше, не слышно.

6500. От лагеря-1 до стены всего 30 минут ходу.

Наконец оделись. Выбрались наружу, завалили палатку камнями, чтоб не унесло ветром, и двинулись вниз бегом, чтобы согреться. Вниз легко: рюкзаки уже пустые, и ветер дует в спину. По радио услышали, что навстречу нам поднимается группа Валиева с заброской снаряжения на 6500. На плато, на одном из спусков, из облака снега вдруг

возникает Валера Хрищатый, за ним — Казбек Валиев. Здравствуем, обмениваемся впечатлениями и расходимся. А вот и Сережа Чепчев и с ним Наванг — самый маленький из шерпов. На лице его видны лишь большие горнолыжные очки. Все остальное замотано шарфом. Ветер дует им навстречу. Им сейчас намного тяжелее, чем нам, и мы стараемся их подбодрить.

На 6100 отдыхаем часок. Пьем сок, разбавленный теплой водой. Обнаруживаем, что и сюда занесены грузы, — работа идет. Грузы ползут вверх по горе, и его радует.

Снизу подходит группа Иванова. Парни вышли поздно, и сейчас им предстоит решить непростую задачу: то ли спускаться вниз, то ли ночевать, завернувшись в палатки. Спальных мешков у них с собой нет, а добраться засветло до 6500 (там оставлены для них наши спальники) они уже не успеют. Мы быстро прощаемся и уходим вниз вместе с шерпами, принеся груз на 6100.

В базовом лагере сразу же направляемся к столу. Обмен впечатлениями происходит в столовой (она же “кают-компания”. Это шатровая палатка диаметром десять метров, в нее спокойно вмещается 30 человек). Появляются Сережа Ефимов и Эрик Ильинский, только сегодня поднявшиеся в базовый лагерь с караваном. За разговорами незаметно наступают сумерки.

На вечерней связи узнаем, что группа Иванова ночует на 6100 без спальных мешков. Алмаатинцы добрались до 6500, переставили нашу палатку, обнаружив на морене более удачное место.

Вечер холодный. В спальник залезаю в шерстяном костюме. Включаю магнитофон. Засыпаю под мелодии шведского ансамбля “АББА”. По части музыки мы с Володией Балыбердиным расходимся во вкусах. Я предпочитаю эстрадные мелодии, он — Высоцкого.

27 марта. Утро ветреное, прохладное. За завтраком — назначения на хозяйственные работы. Одни благоустраивают продуктовый склад, другие вырубая во льду нишу холодильника. Мы полдня готовим площадку под палатку “Зима” для киногруппы.

После обеда организуется группа желающих помыть голову. Встаю в очередь. Моемся пока что тайком от начальства, в продуктовой складке. Воду греем на кухне. Обнаруживаем, что наши шампуни замерзли. И зубная паста, и крем, оказывается, замерзают, если не спрятать их на ночь в спальный мешок. Бросаю тубик с шампунем в горячую воду.

Вечерняя связь сообщает о том, что группа Иванова ночует на 6500 и утром намерена начать обработку стены. Группа Онищенко — на 6100 и завтра предполагает сделать две ходки с грузом с 6100 на 6500.

28 марта. Наша группа ждет решения тренерского совета: выходим мы наверх или нет? Во второй половине дня пришел последний караван, с ним — Леня Трощиненко и переводчик Юрий Кононов. Как всегда, радость встречи, рассказы, обмен впечатлениями. Оба сильно похудели. С ними поднялся мистер Тава. Он руководитель фирмы “Непал трекинг”, обеспечивающей нас доставкой груза от Катманду до базового лагеря. Тренерский совет решил пока никуда нас не посылать, и мы продолжаем заниматься хозяйством.

Устанавливаем нашу гелиобаню, сконструированную студентами Омского политехнического института. Она представляет собой большой круглый резиновый бак черного цвета, закрепленный на алюминиевую стойку. По замыслу авторов, подогрев воды должен осуществляться за счет солнечной энергии. Сверху баня накрыта шатром из полиэтиленовой пленки. Баню установили, но солнца нет. Испытание отложили на завтра.

29 марта. Утро началось с закачки воды в баню. Насос — ножной. Во время закачки бак, к нашему изумлению, вдруг начал вращаться. Вслед за этим сломалась стойка, и баня

рухнула. Теперь уже делом чести стало запустить строптивую баню. Пришли помогать даже Тамм с Овчинниковым. Укрепили стойку бревном, найденным на леднике (остатки одной из предыдущих экспедиций). К обеду баня снова была установлена. Но солнышко уже скрылось, и мытье опять пришлось отложить.

После обеда возвратилась группа Иванова. Начался разбор проделанной работы, обратившийся в деловое собрание. Говорили о недостатках в нашей работе. Высказался и я о том, что мы (группа Мысловского) понапрасну просидели сегодняшний день в лагере, в то время как группа Онищенко находится на маршруте одна, без подстраховки. Нашей группе дали "добро" на завтрашний выход. Наша задача — установить и оборудовать лагерь-2 (7350), забросить в него необходимое снаряжение.

Несколько слов о слухах вокруг нашей экспедиции (информация Ю. Кононова — он последним пришел в базовый лагерь):

наша экспедиция якобы потеряла деньги и теперь не в состоянии расплачиваться с носильщиками (наши "доброжелатели" явно хотели помешать нам в найме носильщиков);

с китайской стороны Эвереста по восточной стене движется английская экспедиция под руководством Криса Бонингтона;

легендарный Рейнгольд Месснер разведывает путь на Чо-Ойю. Восхождение собирается делать всего с тремя шерпами и только на местных продуктах. (Как выяснилось потом, Месснер действительно взойшел на Чо-Ойю и на Канченджангу.)

Сегодня установили наконец связь с Катманду. Всем привет от сотрудника нашего посольства А. Д. Сурского и корреспондента ТАСС Юрия Родионова.

Мы послали приветствие XVII съезду профсоюзов.

Встреча с первовосходителем на Эверест Эдмундом Хиллари.

Кононов и Трощипенко очень тепло отозвались об Эдмунде Хиллари, который три дня шел вместе с их караваном. Хиллари рассказал о судьбе Норгея Тенсинга. Сейчас

Тенсинг живет в Лхасе. Имя его служит приманкой для многочисленных зарубежных туристов. На старости лет Тенсинг вынужден работать проводником. Как сказал Хиллари: "У Тенсинга большая семья, и ее нужно кормить".

В начале маршрута — простое, приятное лазание.

30 марта с первыми лучами солнца мы с Бэлой были уже на 6100. Здесь кипит работа. Шерпы собираются сделать одну ходку до 6500. В ожидании остальных членов

нашей группы готовим чай. После чаепития всей пятеркой (пятый — А. Г. Овчинников) выходим дальше. Без труда обнаруживаем палатку “Зима”, поставленную группой Валиева на 6500. Лагерь-1 обжит. Здесь уже ночевали группы Валиева, Иванова, Онищенко.

Бэл подтягивает крепления палатки. Я должен сделать чай. Набираю в автоклав снега, развожу примус и под его мерное журчание засыпаю. Лишь окрик заставляет меня очнуться. Вижу, что вода кипит, завариваю чай. Пьем вдвоем с Бэлом. Готовим чай для второй половины группы. А вот и они. Напившись вдосталь, готовим ужин. Планируем работу на завтра.

31 марта. С утра берем снаряжение для обработки маршрута и идем наверх. Мы с Бэлом должны подняться по стене до конца обработанной части (до верха перил) и навесить еще веревок десять.

Медленно шагаем к скалам. В 9.30 мы впервые прикоснулись к юго-западной стене Эвереста. Мысловский. Черный и Овчинников должны нести груз. Как только мы сообщим им по связи, что нашли место для лагеря-2, они подойдут к нам.

По веревкам, навешенным группой Иванова, поднимаемся наверх. Довольно легко определяем место, с которого обработку маршрута продолжили парни группы Онищенко. Здесь сложено снаряжение. Отсюда нам приходится взять еще по две веревки.

Группа Онищенко навесила отсюда еще веревок семь. По перилам, как всегда, идем без связки. Впереди Бэл. Я вижу, когда он подымается на зажиме к очередному крюку, и тогда начинаю двигаться сам. Так постепенно поднялись до последней закрепленной веревки. Начали вешать свои. Бэл привязывает к себе конец веревки, поднимается по скалам на всю ее длину и закрепляет наверху. Затем поднимаюсь я. Пока еще скалы не очень сложные.

Крутизна начинается с нашей четвертой веревки. Здесь я принимаюсь страховать Бэла. Страхуемся попеременно. Принимая меня, он отдыхает, затем я становлюсь на самостраховку и выпускаю его выше.

После семи веревок мы осмотрелись. Мне кажется, что здесь можно разместить две палатки. Высота 7200 (потом оказалось — по альтиметру — 7350). Мне кажется, что отрезок пути от лагеря-1 и так слишком длинный. Но Бэл рвется посмотреть выше.

Выпускаю Бэла еще метров на сорок вверх. Он не нашел никакой площадки и вернулся ко мне.

Решив, что лагерь-2 будет здесь, мы складываем свой груз, привязываем его к перилам и уходим вниз к двойке Мысловский — Черный. Вчетвером довольно быстро ставим палатку как раз в том месте перил, до которого поднялась группа Иванова. Всем здесь ночевать тесно, поэтому нам с Бэлом надо уходить вниз. Завтра Эдик с Колей занесут свой груз в лагерь-2. Они остаются ночевать.

Я двигаюсь по перилам в рукавицах, поэтому спускаюсь быстрее Бэла. До темноты нам необходимо достичь ледника. По плато можно двигаться и в темноте, а вот по скалам — трудно. На ледник спускаюсь уже в сумерках. Наблюдаю за Бэлом. Ему спускаться еще метров восемьдесят. Спешу к палатке, чтобы успеть приготовить чай.

Сил хватает только на то, чтоб добраться до лагеря-1. Разбудил Овчинникова. Оказывается, есть остатки сока. С удовольствием напился. Начал готовить ужин. Поел немного молочного супа, сваренного Овчинниковым. А Бэла все нет. Мы уже начали беспокоиться. Включили все наличное “электричество” (свечи, примус), чтобы в темноте он не проскочил мимо палатки. Но тут услышали шаги. Бэл ввалился в палатку молча. Потом он уже рассказал, что недалеко от палатки упал в снег и лежал минут пятнадцать, не было сил встать. Акклиматизация давалась нам непросто. Есть не хотелось совсем. Заставили себя “поклевать” застывшую кашу, поджарили колбасу, попили чайку. Жареная

колбаса стала уже нашим любимым блюдом. Очень хотелось пить. И пили много. И наконец спать, спать, спать...

Ночь опять выдалась беспокойная. Снова ветер мчался на нашу палатку, пригибал ее, рвал на части. В такие кошмарные минуты мы просыпались с замиранием сердца, прислушивались. Затем дрема наваливалась снова и отключала сознание до очередного порыва ветра.

Утром мы с Бэлом не могли подняться. Сказалось напряжение предыдущего дня. Как спеленатые младенцы лежали мы в спальнях мешках. Анатолий Георгиевич отпаивал нас кофе. Потихоньку начали шевелиться, одеваться. Время от времени падали на спальные мешки и отдыхали. Одеться за один прием было выше наших сил. Овчинников возился с нами, как с детьми (приготовил кашу, напоил чаем). Он все понимал и не торопил нас с выходом.

В начале одиннадцатого мы вылезли из палатки, чтобы размяться. В 11.00 вышли наверх. Идти очень тяжело, хотя рюкзаки были сравнительно легкие, всего килограммов по пятнадцать. Бэл шел впереди, я — за ним. У высотников есть неписаное правило: каждый должен идти в своем темпе. После каждой пятой пройденной веревки я отдыхаю сидя и сняв рюкзак. Это на час удлиняет мой подход, но зато чувствую себя лучше, чем вчера.

Утром Эдик с Колей собрали свое снаряжение и двинулись вверх по перилам. Когда мы пришли на 7350, они уже подготовили площадку и поставили первую палатку лагеря-2. Подготовили площадку и для второй палатки. Они уже приготовились к спуску в лагерь-1 и ждали только нашего подхода, чтобы ненароком не сыпануть камней сверху. Мы вылезли к палаткам, и они ушли вниз. Первым в лагерь-2 пришел Бэл. Когда я достиг конца перил, он уже заканчивал установку палатки.

Как ни странно, самочувствие было нормальное, настроение хорошее, хотя особой бодрости не было. Закинув принесенное снаряжение в палатку, мы принялись за приготовление ужина.

Вечер выдался тихий. А к ночи снова поднялся ветер, и глаза удалось сомкнуть лишь под утро. Повторился уже испытанный нами кошмар. Лежали валетом, упираясь головами в углы палатки. Бэл держал одну сторону, я — другую. Первые ночи на высоте порядка 7000 мне всегда даются трудно. Сновидений нет, мерещится что-то размытое, разноцветное, красно-синее с преобладанием темных тонов. Вихреобразные видения проносятся перед глазами. Наутро отчаянно болит голова, нет желания двигаться, что-нибудь делать.

Утром ветер стих. Но мы долго лежали, пытаюсь собраться с силами. Слабость сковывала все тело. И никак не отступала головная боль.

Наконец Бэл открыл выход палатки со своей стороны, а я — со своей (в высотной палатке два выхода). Высунули головы наружу. Сегодня мы должны спуститься до 6500, а завтра — до базового лагеря. Поэтому мы не спешили. Крепкий кофе выручил и на этот раз. Есть не хотелось. Пришлось снова заставить себя. Поджарили колбасу, выпили сока и чаю. Навели порядок в палатках и двинулись вниз.

На спуске встретили поднимающихся алмаатинцев (четверка Валиева), с ними шел Наванг. Их задача — проложить путь выше лагеря-2. Чуть ниже алмаатинцев шла двойка Мысловский — Черный. Они забрасывали груз с 6500 на 7350. Обменялись впечатлениями и разошлись. Овчинников поднялся с ними до пятнадцатой веревки, сложил свой груз и сразу же ушел вниз. Мы догнали его уже на леднике и к палаткам лагеря-1 подошли вместе. Отпились. Приготовили еду и ждем возвращения Эдика с Колей.

К 19.00 мы собрались все вместе. Ночь выдалась на удивление тихая. Первую ночь мы наконец спали нормально.

7350. Лагерь-2 завален кислородом, снаряжением, продуктами.

Утром, после легкого завтрака и уборки лагеря-1, двинулись вниз. На ледопаде встретили группу Иванова. Они пытались перевесить дорогу, так как очень широко разошлась трещина. Усилиями двух групп нам это удалось, для чего пришлось спускаться

в трещину, отцеплять там веревки и лестницы, выбирать их и сбрасывать сверху в другое место. На это ушло часа три. Группа Иванова пошла вверх с грузом.

Мы идем вниз. Нестерпимо палит солнце. После зоны трещин, где-то на 5800, пришлось раздеться до футболок. Ни ветерка, ни дуновения воздуха. Страшно хочется пить, но воды нет. Я спасаюсь тем, что набираю в руку снега и кладу его на шею, натираю грудь.

В базовом лагере уже готова баня. С огромным наслаждением моемся. После ужина сразу же улеглись в спальные мешки и погрузились в крепчайший сон.

3 апреля. Мы отдыхаем. Отдых наш безмятежен. Единственное путешествие — от своей палатки до столовой и обратно. Совершенно не хочется двигаться. Читаем. Слушаем музыку. Только после обеда взялись переделывать холодильник.

На следующее утро уходим вдвоем (Овчинников, Трощиненко и я), чтобы сделать съемку. Леня берет 85-миллиметровую кинокамеру “Конвас”, а я — 16-миллиметровую “Болекс”. На середине плато, где-то на 5800, разошлась трещина, и лестница висит уже на веревках, не достигая ледяных краев. Перехожу на другую сторону, вынимаю кинокамеру, чтобы снять проход Овчинникова. Завожу кинокамеру, и вдруг открывается ручка заводного механизма. Теперь никакой съемки не получится.

Подходят Трощиненко, Ильинский и Овчинников. Перевешиваем лестницу в более узкое место. Я возвращаюсь с поврежденной кинокамерой в лагерь. По пути встречаю группу шерпов, делающих заброску на 6500. Они сообщают, что два шерпа почувствовали себя плохо и ушли вниз. А в базовом лагере нахожу нашего кинооператора Диму Коваленко, показываю ему кинокамеру. Он, конечно, огорчен. Дело в том, что “Болекс” — единственная наша кинокамера с гарантированной работой до 50 градусов. Что же теперь делать, чем снимать наверху? Решили, что кому-то придется завтра спускаться в Катманду для ремонта кинокамеры. Мы все садимся писать письма, — это наша первая возможность отправить их.

6 апреля. В Катманду уходит режиссер Валя Венделовский. Сверху пришли алмаатинцы. Они работали на маршруте вместе с группой Иванова.

События наверху развивались не совсем так, как было запланировано. Группа Валиева по плану должна была достичь высоты 7800. Но им сильно помешала непогода. Когда удалось пройти 17 веревок выше лагеря-2 (7350), передовую двойку Валиев — Хрищатый темнота застала наверху, на высоте более 7500. Спуститься они уже не успевали и заночевали вдвоем в одном спальном мешке, завернувшись в палатку.

Вторая двойка алмаатинцев ночевала в лагере-2. Но к вечеру сюда же поднялась группа Онищенко, которая должна была сменить алмаатинцев на обработке маршрута до лагеря-3. На 7350 было лишь три спальных мешка. Ночевать в них пришлось шестерым.

На следующий день погода ухудшилась: подул сильный ветер, начался снегопад. Алмаатинцы ушли вниз. Группа Онищенко после первой тяжелой ночевки переждала день и двинулась с грузом вверх по закрепленным веревкам. Слава Онищенко почувствовал себя плохо и остался в палатке. Валера Хомутов смог подняться лишь на пять веревок и здесь оставил свой груз. Леша Москальцов дошел до пятнадцатой веревки. Выше всех удалось подняться Юре Голодову. Он прошел все семнадцать веревок и здесь закрепил свой груз.

Состояние Славы Онищенко ухудшилось. К утру группа приняла решение: транспортировать его вниз. Ему надели маску и подключили кислород. За световой день удалось спустить больного лишь до ледника (6500).

В этот выход группа Иванова делала ходки с 6500 на 7350. 7 апреля она спустилась в базовый лагерь. Теперь здесь собрались три группы (все, кроме группы Онищенко). И это плохо. Вот-вот должна спуститься группа Онищенко, а мы (группа Мысловского) — выйти

наверх. Теперь мы останемся на маршруте одни, без подстраховки. В связи с болезнью Славы нам предстоит выйти на день раньше, чем предполагалось по плану (еще два дня они должны были работать наверху). Дорабатывать недоделанное предстоит нам. Короче говоря, начались накладки, последствия которых трудно предвидеть.

7500. Первые сложности.

8 апреля. Рано утром мы выходим наверх. Мы видим, как медленно спускают Славу Онищенко на 7000 (где-то посередине пути между лагерями-1 и 2). Значит, с ним что-то серьезное. Его группа очень устала и по связи просит нас поднести под стену горячее питье.

Первыми подошли под стену мы с Бэлом, за нами — Ильинский и Эдик с Колей Черным. Группа уже спустила своего руководителя. Со стены Слава спускался сам...

Мы напоили их горячим чаем. Славе снова надели кислородную маску, взяли под руки с двух сторон и повели вниз. Бэл пытался ускорить их спуск, хотел взвалить Славу себе на спину, но из этого ничего путного не получилось. Идти было неудобно: на спуске ноги цеплялись за ледовые столбики. Слава не мог ничего говорить, лишь невнятно мычал что-то. Мы с Бэлом подхватили его с двух сторон и повели вниз. Ноги он переставлял сам. Коля Черный и Юра Голодов страховали Славу на веревках. В случае чего мы с Бэлом могли удержаться за него. Кое-как мы все-таки спускались. К темноте достигли лагеря-1.

После осмотра Славы мы уже не опасались за состояние его здоровья. Его накормили, и он уснул. Правда, ночью несколько раз просыпался. Утром он сказал, что чувствует себя нормально. Мы вышли на 7350 сразу же вслед за шерпами. Они делали заброску в лагерь-2 и уходили вниз.

Поднимаясь по перилам, мы с тревогой заметили, что группа Онищенко вышла из лагеря-1 вниз очень поздно (около полудня). К этому времени можно было бы уже и спуститься в базовый лагерь. На дневной связи мы узнали, что Онищенко идет очень медленно, на максимальной подаче кислорода. Это не могло не вызывать беспокойства.

Вечерняя связь сообщила: "Группа Онищенко достигла базового лагеря". Мы вздохнули облегченно. Весь день тревога за Славу не покидала нас. Ночевали мы на 7350. Самочувствие было хорошее.

С нами ночевал Эрик Ильинский. Он шел из Луклы с караваном, сопровождая грузы, и не успел к первому выходу алмаатинской группы. Сейчас он планомерно акклиматизировался, подсоединяясь к выходам различных групп. Отсюда после ночевки он уходил вниз.

10 апреля. Утром взяли по 12 килограммов груза. Задача наша — пройти за день семнадцать веревок, обработать еще веревки три и найти место для третьего лагеря. Здесь мы должны сложить поднятое наверх снаряжение и уйти ночевать на 7350. Этот выход был у нас "транспортным".

Нагрузились мы не слишком сильно, потому что предстояло по ходу дела подбирать грузы, развешанные по перилам предыдущими группами. Эдик Мысловский впервые вызвался идти в первой связке с Бэлом. Я пошел с Колей Черным. Первая связка выполняла скоростную работу. Мы с Колей, начиная с пятой веревки, должны были догружаться снаряжением, оставленным группой Хомутова. Бэл с Эдиком собирались подняться как можно быстрее, чтобы к нашему подходу уже повесить несколько веревок. Налегке они быстро оторвались от нас.

Я поднимаюсь по перилам первым, за мной — Коля. Погода начала портиться, когда мы прошли десять веревок. Путь проложен по довольно крутым скалам, по большим внутренним углам. По ним, как по трубам, снизу стало поддувать, и сразу похолодало. Когда я был на пятнадцатой веревке, то увидел вдали Бэла, принимающего Эдика (это была первая навешанная ими веревка).

Подошли к семнадцатой веревке. Здесь был сложен груз. Мы сняли рюкзаки и надели пуховки. Вовсю идет снег, и мы уже заколечены. Особенно мерзнут ноги. Мы не знаем, что делать дальше. Ждем первую связку. Связи с ними нет. Чтобы хоть как-то

согреться, я решил вытряхнуть вещи из своего рюкзака и поднять грузы, оставленные Москальцовым на две веревки ниже.

Спустившись на 80 метров, уложил груз в свой рюкзак и начал подъем. Шел без кошек. На шестнадцатой веревке очень неприятный участок. Метров десять надо было пройти траверсом влево по ледовому склону. Вибрам (Альпинистская обувь с рифленой резиновой подошвой) скользит. Перильная веревка проходит на уровне ног. В случае срыва можно пролететь вниз метра на три. С тяжелым рюкзаком такой полет особенно неприятен. Не остается ничего другого, как лечь животом на лед и, передвигая по веревке зажим, ползти эти десять метров. Сейчас не помешал бы ледоруб, но его нет. Конечно, подобные упражнения вполне согрели меня.

Поднявшись к семнадцатой веревке, застаю здесь Бэла с Эдиком. Коля с грузом ушел наверх. Бэл с Эдиком проложили три с половиной веревки выше семнадцатой. Там, на месте будущего лагеря-3 (7800), они оставили груз, который несли с собой. Сейчас они взяли груз, чтобы снова идти наверх. Осталось лишь несколько веревок, крючья и бензин. Эдик помог мне затолкать эти вещи в рюкзак и надеть рюкзак на плечи. Кинокамера уже никуда не умещалась. Мне пришлось надеть ее на шею. Все эти 120 метров подъема я с досадой смотрел на кинокамеру, ремень которой врезался мне в шею.

Восемнадцатая веревка шла по крутому скальному камину, залитому льдом. Ступени, вырубленные Бэлом, уже присыпал снег, и их совсем не видно. Снегопад и ветер.

Деятнадцатая и двадцатая веревки оказались полегче. Здесь уже не так круто, и путь лежит по снегу, ноги не скользят. В сумерках я увидел Колю, копошащегося под скалой. Он сбросил рюкзак и пытался ледорубом вырубить площадку для палатки. Когда я подошел, Коля, стоя на коленях, руками выгребал сухой снег. Под слоем фирна снег оказался совсем сыпучим, утоптать и утрамбовать его было невозможно. Я присоединился к Коле. Мы пытались расширить площадку, срыть снег, сделать снежный карман. Уже в сумерках пришел Бэл. Площадка под палатку была готова. Втроем принялись устанавливать ее. Встала палатка плохо. Решили закинуть внутрь рюкзаки, чтобы хоть как-то растянуть ее. Растаскиваю рюкзаки по углам, чтобы придать палатке какую-то форму. Судорожно снимаю ботинки и пытаюсь растереть заочевенные ноги.

Бэл с Колей растягивают палатку, пытаются закрепить оттяжки. Подходит Эдик и сразу же вваливается внутрь. Мы с ним стелим карматы и спальные мешки. Наконец палатка стоит, мы еле помещаемся в ней вчетвером. Страшная неразбериха: куча снаряжения, продуктов, наших вещей... Пытаемся устроиться и освободить центр палатки для примуса. Постепенно все улаживается. Каждый сидит на своем месте и занимается делом: один держит примус, другой — кастрюлю, третий копошится в продуктах. Я черпаю снег через входной рукав.

После первых глотков горячего чая блаженное тепло разливается по всему телу. Уже совсем стемнело. Сказывается усталость от напряженного дня. Решаем ничего не варить, обойтись горячим чаем и бутербродами. Все утомлены, да и холод дает себя знать. По очереди, с ворчанием залезаем в спальные мешки. Каждый пытается занять больше места, чем имеет. Ночь проходит беспокойно. В тесноте трудно хорошо отдохнуть, восстановиться. Бэлу пришлось спать головой вниз, и он не смог, как следует отдохнуть. Бэл грозит вылезти вместе со спальным мешком наружу и улечься спать на улице. Страсти понемногу утихают, начинаем готовить завтрак. Но в рот ничего не лезет. За чаем Эдик предлагает идти вниз, на 7350, с тем чтобы завтра забрать оттуда грузы и занести их в лагерь-3.

Я предлагаю свой вариант: взять все четыре имеющиеся у нас веревки и выйти на дальнейшую обработку пути, затем установить вторую палатку в лагере-3 и спуститься на

ночевку в лагерь-2. Ночевка на 7350 должна помочь нам восстановиться. Эдик и ребята согласились с моим вариантом, вышли на связь. Руководство поддержало нас.

Вид на Западный цирк из лагеря-3.

Прошу дать мне возможность разобраться с кинокамерой. До сих пор я работал только с кинокамерой "Красногорск-3", сейчас у меня кассетная камера "Красногорск-2". Надо зарядить ее. Я должен двигаться за первой двойкой и снимать ее работу. Мне очень

хочется зафиксировать на пленке момент, когда советские альпинисты впервые пересекут рубеж 8000 метров. Коля остается готовить площадку для второй палатки.

Заряжаю кинокамеру, начинаю обуваться и вдруг обнаруживаю, что Эдик ушел в моем правом ботинке. У него размер ноги 42-й, у меня — 44-й. К моему величайшему огорчению, историческая киносъемка отменяется. Делюсь своей бедой с Колей. Навожу порядок в палатке: складываю спальные мешки, чтобы сохранить их сухими. Что же делать с правой ногой? Обматываю ее свитером, а сверху надеваю капроновый мешок из-под продуктов. На левую ногу натягиваю ботинок и в таком виде вылезает из палатки. Вместе с Колей делаем площадку. Но очень быстро нога начинает мерзнуть. Приходится лезть в палатку, разматывать защитную упаковку и оттирать ногу. И снова заматываю ее и присоединяюсь к Коле. Процедуру оттирания приходится повторять еще не раз: очень легко отморозить пальцы.

Начинаю готовить обед. К возвращению Бэла с Эдиком уже стоит вторая палатка, готовы суп и чай. В 14.00 — дневная связь. После нее уходим вниз.

Вечером отдыхаем в лагере-2. Много пьем. Чувствуется сильная усталость. Коля совсем осип. Мы с Бэлом ночуем в одной палатке, Эдик с Колей — в другой.

12 апреля. Коля совсем потерял голос. Посоветовавшись с Эдиком, он решил идти вниз. А мы берем по четыре веревки и начинаем подъем. Уже на первой веревке я почувствовал себя обессиленным. Очень беспокоит колющая боль в области живота слева. Приходится отдыхать через каждые два-три шага. Ощущение такое, словно приходится пробиваться через стену сжатого Воздуха. Любое движение требует усилий.

На конце пятой веревки поджидаю Эдика, поднимающегося следом за мной.

— Как дела? — спрашивает он.

— Чувствую себя выжатым.

— Спускайся вниз. Подыши кислородом. Оставляю свои веревки и спускаюсь к палатке. На спуске неотвязно преследует мысль: “Мне еще аукнется это возвращение”. С трудом добираюсь до палатки. Боль в левом боку складывает меня пополам, не дает двигаться. Приходится пережидать приступы. Утро было теплое, и я уселся около палатки. Немного отдохнув, залез внутрь, начал разжигать примус и уснул. Усталость брала свое. Не знаю, сколько времени я проспал. Очень хотелось пить. Попил и снова уснул. Проснулся лишь в начале четвертого. Не на шутку забеспокоился. Рация у Бэла. До лагеря-3 мне уже не успеть подняться. Базовый лагерь ничего не знает обо мне, и вероятно, ночью меня начнут искать. Единственный выход — спуститься до вечерней связи (19.00) на 6500.

Я понимал, что надо торопиться. Спуск начал в 16.30. Снова колющая боль в боку. На каждой веревке приходилось отдыхать несколько раз. Пройдя пятнадцатую веревку, увидел, что солнце заходит. Необходимо было спуститься со стены на ледник засветло. Но у меня это не получалось. На лед вышел в темноте. Добраться к связи до 6500 не успел. Достигнув палатки лагеря-1, я швырнул в нее рюкзак, затем ввалился сам. Все вытаращили на меня глаза. Сначала не узнали, потом раздался дружный вздох облегчения. И тут же Валиев сообщил по рации Тамму: “Шопин пришел”.

Оказалось, что искали Эдика и меня. Бэл поднялся в лагерь-3 и очень долго ждал Эдика. В 19.00 он передал по рации, что Мысловского нет. И конечно, все забеспокоились. Из-за этого продлили связь. Оказалось, что Эдик уснул где-то на перилах во время подъема к лагерю-3. Не дождавшись Мысловского, Бэл в сумерках начал спуск и здесь столкнулся с Эдиком. На 7800 они поднялись вместе и здесь заночевали. С этого момента им предстояло работать на такой высоте вдвоем целый день и две ночи. (Ночь без кислорода — это тоже работа.) Вероятно, здесь Бэл почувствовал, что сможет работать на высоте без кислорода.

На 6500 собралась группа Валиева, шерпы и мы с Колей Черным. Когда выяснилось, что оба "пропавших" найдены, все наконец успокоились. Организовали общий ужин. Но есть я еще не мог. Валера Хрищатый подал мне в спальный мешок кружку со смесью, которая, по его словам, способна поставить на ноги любого обессиленного (молоко с медом и маслом). Выпив ее, я уснул.

Выше лагеря-3. На таких высотах советские альпинисты впервые.

13 апреля. Мы с Колей проводили уходящих наверх. Шерпы делали ходку до 7350 с возвращением. Алмаатинцы забрасывали грузы с 7350 на 7850.

Очень медленно мы двинулись вниз по леднику. Я чувствовал себя неважно и шел впереди на Колиной страховке. Стоять я мог, лишь опираясь на палки. Опять беспокоила боль в боку. Часто приходилось останавливаться, чтобы переждать приступ. Коля терпеливо дожидался в стороне.

Выше 8000 — сложный участок маршрута.

В лагере 6100 встретили группу Иванова. Она шла сменить на обработке маршрута Бэла с Эдиком. Ребята накормили нас обедом. Я и Коля спешили вниз и петому вскоре ушли. Пока отдыхали, шерпы утащили наверх веревку, которой мы связывались с Колей.

Трудна работа ведущего на такой стене.

Теперь пришлось спускаться по ледопаду без связки, что сильно замедлило движение. Особенно заставила поволноваться широкая трещина в нижней половине

ледопада. Лестница висела над ней, одним концом не касаясь льда. Перила были натянуты, как струна, и казалось, вот-вот лопнут. Дальше идти стало спокойнее. Мы заметили, что в нижней части ледопада бугры начинают сглаживаться, а вот в средней части образуются широкие трещины и провалы. Менее всего подвержена изменениям верхняя часть ледопада. А вот и последний взлет перед лагерем. Мне казалось, что я никогда его не преодолею.

Всеобщий восторг вызвал в лагере Колин голос. Понять Колю можно было только очень хорошо прислушавшись. Изрядно удивил всех и я, когда после взвешивания во всей одежде и в валенках оказалось, что мой вес — 61 килограмм (обычно чистый мой вес — 72 килограмма).

Слава Онищенко находился еще в базовом лагере. На меня его вид произвел угнетающее впечатление. Кроме жуткой худобы, бросались в глаза нечеткая координация, произвольные движения головой и руками. Свет Петрович поставил Славе Онищенко капельницу. Завтра его должны отправить в Катманду и далее — в Москву.

На вечерней связи мы узнали о том, что Бэл с Мысловским повесили еще несколько веревок и первыми из советских альпинистов перешли рубеж 8000 метров.

14 апреля. Славу Онищенко спускают вниз. Вместе с ним мы отправляем домой письма.

15 апреля. В этот день в базовый лагерь спустились Бэл и Мысловский. Шли они довольно медленно, потому что ледопад очень изменился: в средней части завалило и смяло лестницы и веревки. Бросилось в глаза, как они похудели. Никто из нас еще не работал наверху так долго. Встретили их очень тепло.

Вечерняя связь сообщила, что, несмотря на непрекращающийся снегопад, работа на маршруте идет вовсю. От вершины нас отделяет совсем немного. И впереди просматривается путь, который должен вывести на западный гребень.

17 апреля. Наша четверка решила спуститься на отдых в лесную зону, до монастыря Тьянбоче (3800). Для сопровождения нам выделен носильщик Падам, который понесет продукты.

Через три часа неторопливой ходьбы добрались до Лобуче. Отсюда начиналась хорошая тропа. Поэтому дальше мы рванули вниз без остановок, так как хотели добраться до монастыря засветло. Падам продолжал двигаться в своем темпе.

Где-то после Лобуче я перестал наконец ощущать боли в левом боку. В сумерках добрались до последнего моста через реку Дуд-Коси. Поляну выбирали уже в темноте. Развели костер. Здесь было так тепло, что палатку решили не ставить. Сразу после ужина завалились спать. Уже не было сил отползти от костра, и каждый уснул там, где свалила его усталость. Впервые за много дней сон был удивительно глубоким. Ночь пролетела, как одно мгновение.

Разбудил только что пришедший Падам, чудом разыскавший нас среди кустов. Первым утренним ощущением было тепло и солнечные лучи и, конечно, забытые запахи земли, листьев, цветов. А вокруг такой живительный после белого снега и черных скал зеленый цвет — сосны, березы, цветущие рододендроновые деревья.

Два дня в лесу пролетели незаметно. В первый же день ходили в монастырь. Монастырь небольшой, каменный. При нем школа послушников, в которой будущие ламы учатся писать палочками на черной дощечке, посыпанной пудрой. Юноши пишут старотибетскую молитву, имеющую много сокровенных и символических смыслов: “Ом мане падмэ хум” (“Славься, драгоценный камень, в цветке лотоса”). С интересом разглядывали мы молельные барабаны, закрепленные на вертикальной оси. Барабанов множество. Расположены они снаружи, у стен храма. На каждом из них написана та же

самая тибетская молитва. Для того, чтобы пообщаться с богом, молящемуся достаточно покрутить барабан. Самый большой из молельных барабанов имел диаметр около двух метров и стоял в отдельном помещении. Мы тоже покрутили его, чтобы боги не очень возражали против нашего покорения Эвереста.

Были и небольшие прогулки по окрестностям монастыря — за дровами или для того, чтобы полюбоваться на уларов и кийков (горные козлы). И птиц, и козлов здесь множество. Тьянгбоче относится к территории национального парка “Сагарматха”. Охота здесь запрещена, и потому звери не боятся людей. Ломать деревья здесь тоже не полагается, и мы собирали для костра хворост.

Нам удалось перехватить караван со свежими овощами и мясом, поднимающийся в наш базовый лагерь. Это было подлинной удачей, так как основное время проходило теперь в приготовлении пищи.

Погода нас не баловала: моросил дождь. Но на него мы просто не обращали внимания.

19 апреля. Вечерняя связь сообщила, что меня и Колю вызывают в базовый лагерь. Мы еще не знали, для чего. Предполагали, что готовится к выходу на маршрут группа из тех, кто еще не очень хорошо акклиматизировался. Я подумал о том, что вот и “аукнул” мне преждевременный спуск из лагеря-3. Но ведь во время акклиматизации и работы на маршруте каждый мог почувствовать себя плохо. Такие случаи были и в других группах.

20 апреля. Эдик принял решение — подниматься в базовый лагерь всем вместе. Бэл поддержал его. В этот день мы поднялись до Лобуче. Пасмурно и ветер. С утра шел дождь, после обеда — снег. Ночевали в “лоджии” (каменный дом, в котором одну половину занимают хозяева, другую — сплошные двухэтажные нары для ночующих путников).

У нас были с собой мясо и свежая картошка. Воспользовавшись хозяйским костром, мы приготовили прекрасный ужин. К нашему столу собралась вся компания ночлежников “лоджии”: четверо туристов из Новой Зеландии, один француз, два англичанина и японец. Пили чай, непринужденно беседуя. Объяснялись на английском. Среди нас лучше всех владеет языком Коля Черный. Он чувствовал себя настолько уверенно, что даже пытался говорить комплименты девушкам.

21 апреля. В 7 утра туристы ушли на Калапату (взлет на гребне вершины Пумори, с которого хорошо виден Эверест). Мы позавтракали и не спеша двинулись в путь. Очень скоро нагнали и обогнали кое-кого из наших сонночлежников, направившихся к нашему базовому лагерю. Вырвавшись вперед, мы с Колей ушли с тропы и заблудились на леднике. Немного проплутав, к обеду пришли в базовый лагерь. Здесь находились две группы — Валиева и Иванова. Группа Хомутова тоже спускалась вниз.

Таким образом, на маршруте сейчас не было никого. Обстановка напряженная. Без нас прошел разбор проделанной работы. Дальнейшие планы пока неясны. Лишь наша группа могла выйти сейчас наверх. Мы с Колей понимали, что завтра нам выходить на маршрут, не понимали только, почему вдвоем. Вероятно, тренеры запомнили, что мы не доработали один день в последний выход.

Нам сообщили, что я с шестью шерпами должен буду обеспечить заброску кислорода с 6500 на 7350, а Коля с тремя шерпами и Хутой Хергиани — с 7350 на 7800.

В присутствии Овчинникова Евгений Игоревич заверил нас, что после этого выхода, сразу же как восстановимся, выйдем на штурм горы.

22 апреля. С нами до 6100 вышел офицер связи мистер Биста. В его обязанности входит наблюдение за работой экспедиции на маршруте, хотя бы и снизу. Из базового лагеря ему, естественно, ничего не видно. Свой груз мистер Биста обещал нести сам.

Пока было прохладно, офицер шел нормально, но как только первые лучи солнца озарили верхнюю часть ледопада, его разморило, и он начал отставать. Мы перепоручили мистера Биста шерпам, а сами пошли быстрее, чтобы к их приходу успеть приготовить пищу. Мы очень беспокоились о мистере Бисте, однако он почти добрался до 6100. И здесь произошло ЧП. У самого промежуточного лагеря он провалился в трещину и повис на рюкзаке. Выбраться помог ему Хута Хергиани. Бедного мистера Биста ждало еще одно нелегкое испытание. В лагере 6100 ему пришлось остаться на ночь одному. В нашем темпе он идти не может, я вряд ли доберется до 6500 за рассветом. Завтра его заберет спускающийся вниз Эрик Ильинский, а мы ночуем на 6500.

23 апреля. Коля, Хута и все шерпы шли наверх. Мне предстоит разобраться с грузами и по связи передать в базовый лагерь, чего у нас не хватает. Наш доктор беспокоится о необходимых здесь медикаментах, и я по радиации перечисляю весь набор в аптечке. Основная же моя обязанность — контролировать работу шерпов.

Ильинский еще не успел уйти вниз, когда к нам спустился Акпаци (Лакпа Тсеринг) — шерп из моей группы. Он пожаловался на травму от удара камнем по лопатке и сказал, что не может больше работать на маршруте. Мы раздели его и внимательно осмотрели. Никаких следов ушиба не обнаружили, но на всякий случай решили спустить его в базовый лагерь.

В этот день группа Черного добралась до лагеря-2. Моя группа выполнила дневную норму. Спустившись на 6500, шерпы были очень удивлены тем, что я приготовил для них ужин. Сагибы их к такому не приучили. Уже в темноте спустилась к нам группа Хомутова.

24 апреля. Юра Голодов неплохо объяснялся на английском. После завтрака я попросил его побеседовать с моими шерпами. Они хотели, чтобы после двух дней работы я уменьшил им количество одновременно переносимого груза (четыре баллона вместо пяти). Довольно жестко я сообщил им, что никто не уйдет вниз, пока все необходимые грузы не будут заброшены на 7350. Юра подсчитал, что, если носить по четыре баллона, потребуется пять дней, а если по пять баллонов — четыре дня. Он объяснил это шерпам. Они согласились, что лучше носить по пять баллонов, но уйти вниз на день раньше, и, успокоенные, двинулись на маршрут.

К этому моменту кроме сирдара, не поднимающегося выше базового лагеря, у нас осталось девять высотных носильщиков. Анг Ныма симулировал травму. Таким образом, у меня осталось пять шерпов и три — у Коли.

На дневной связи выяснилось, что Колины шерпы поднялись с грузом на четыре веревки выше лагеря-2 (7350) и далее идти отказались, так как на скалах лежал снег. Хута в этот день добрался с грузом до лагеря-3.

Во второй половине дня мои пятеро шерпов вернулись на 6500, и я снова накормил их, успев приготовить пищу. К вечеру сварил рис с мясом. Шерпы очень любят лечиться. Всю вторую половину дня я обычно занимался их осмотром, замазывал ранки зеленкой, делал повязки, раздавал таблетки. Лечения требовал каждый. Вероятно, им просто приятно было внимание. Скорее всего, в прежних экспедициях их не очень баловали.

25 апреля. Я проводил шерпов наверх, взял кинокамеру и решил поснимать работу на маршруте. Но утренняя связь изменила мои планы. Коля неожиданно почувствовал себя плохо — боли в области живота. Мы договорились, что он уходит вниз, а я поднимаюсь на замену. Быстро собираюсь и ухожу наверх. На шестой веревке встречаюсь с Колей. Передаем друг Другу дела, обмениваемся записями о наличии груза. Спешу наверх, так как снова начинается снегопад.

И вот наконец перегиб. Я у палатки лагеря-2. У другой палатки суетятся шерпы. От Хуты узнаю, что сегодня удалось добраться лишь до десятой веревки. Поднимавшийся

первым Пазанг дважды срывался и зависал на перилах, и шерпы отказались идти выше. Кислород и снаряжение они сложили там же на небольшой площадочке и ушли на 7350.

У Хуты сломалась кошка (обломался соединительный винт), и он собирался спускаться вниз. Я попытался уговорить его остаться, но он не согласился и начал спуск. Я очень надеялся, что мы с Хутой выйдем в 8250. Теперь я остался один с тремя шерпами.

Ночевал в палатке один. Шерпы расположились в другой палатке. Вечером они позвали меня ужинать. Заговорили с Навангом о дальнейших планах. Он сказал, что у всех очень устали руки (от подъемов по перилам) и шерпы хотят уходить вниз. Я понимал, что один много не сделаю, и пытался хотя бы Наванга уговорить остаться. Он колебался. Остальные двое категорически настроены на спуск. Решили отложить разговор до утренней связи. Утро вечера мудренее.

26 апреля. Пробудившись, я залез в палатку к шерпам и увидел, что Наванг сидит в темных очках и по щекам его текут слезы. Сожжены глаза. Я сделал ему примочки из чайной заварки, но это мало помогло. Нам обоим было ясно, что идти вверх он не сможет. Посоветовавшись, шерпы выделили мне в напарники самого молодого паренька — Ниму Тембу. Наванг и Пазанг ушли вниз.

Мы с Нимой нагрузились и двинулись вверх по перилам. Нима шел в кошках, я — в вибране. К моему удивлению, Нима, несмотря на молодость (всего 24 года), оказался очень техничным и сильным. На четвертой веревке мы догрузились оставленным здесь снаряжением. Достигли площадки на, десятой веревке, где были сложены грузы. Отсюда предстояло двигаться траверсом слева направо. Увидев это место, я понял, почему здесь сорвался Пазанг. В верхней точке этого перехода выступал большой камень, за который обычно закладывали веревку. Очевидно, Хута, спускаясь последним, выдернул веревку из-за камня. И теперь она провисла почти горизонтально, в нижней части касаясь скал, а в верхней (вертикальной) — в полутора метрах от скал.

Мне ничего другого не оставалось, как пройти здесь с зажимом по свободно висящей веревке. Нима хотел пройти первым, но, помня о том, что он видел, как сорвался Пазанг, я остановил его и пошел сам. Метров пять мне пришлось передвигаться по веревке с тяжелым рюкзаком, болтаясь в воздухе. Коснувшись наконец поверхности скалы подошвой вибрана, я испытал огромное облегчение. Поднявшись к точке закрепления веревки, я снял рюкзак и заложил веревку за камень.

Теперь проблемы не существовало. И Нима легко прошел эту веревку. Он начал подыматься впереди, я — за ним. Подъем по этой веревке отнял много сил. Да и дышать здесь было труднее — все-таки 7500 (высота нашего пика Коммунизма). Когда я поднялся в лагерь-3, Нима уже готовил чай. Поработав с ним день, я по достоинству оценил его техническую подготовку и доброжелательность. Он был хорошим напарником.

Мы перекусили, и вдруг, к моему удивлению, Нима начал собираться вниз. Оказалось, что он намеревается спускаться в базовый лагерь. Как раз подошло время связи, и я поделился своей тревогой с Таммом. Он сказал: "Во что бы то ни стало уговори Ниму остаться. Надо сделать еще одну ходку и забросить в лагерь три груз с десятой веревки (продукты, кислород, газ и бензин для приготовления пищи). Пообещай ему премию!"

Я очень долго и усиленно вспоминал, как будет по-английски слово "премия". Высота явно снизила мои лингвистические способности. Наконец я выдавил фразу: "Нима, мистер Тамм — мани! О'кей?" — на что Нима ответил: "О'кей!" После этого мы расположились на ночевку. В глубине души я надеялся сделать в этот выход грузовую ходку до 8250. Чтобы хорошо подготовиться к завтрашней работе, мы решили как следует поесть...

27 апреля. День пролетел очень быстро. Сразу после утренней связи мы двинулись вниз. Спустились до грузов десятой веревки за час. (Между лагерями-2 и 3 провешено двадцать веревок.) Здесь Нима загрузился и пошел вверх. Я — следом за ним.

В 13.30 мы достигли палаток лагеря-3. Как раз подошло время связи.

— Где находитесь? — спрашивает Тамм.

— В лагере-три.

— Что случилось? Вы еще не уходили вниз?

— Нет. Мы уже пришли сюда. Длительная пауза. (Вероятно, недоумение.)

— Нима наотрез отказывается оставаться здесь и сейчас уходит вниз,— передаю я.

— Куда вниз?

— В лагерь-один.

— В лагерь-два?

— Нет, в лагерь-один.

Снова длительная пауза. (Никто еще не спускался так быстро — через лагерь.)

— Ну давайте, спускайтесь.

Мы с Нимой собрали и занесли на 7800 продукты и все, что бросили шерпы. Штурмовым группам оставалось только захватить с собой с 7350 кислород. Второй лагерь был завален кислородными баллонами. Сюда же, в лагерь-3, было занесено всего пять баллонов. Этого хватит для того, чтобы взойти на вершину и спуститься вниз, только одному человеку.

К вечерней связи мы с Нимой были уже на леднике. В лагере-1 встретили Балыбердина и Мысловского. С ними был Наванг. Глаза его уже не болели. Ребята были настроены работать до победного конца (то есть до вершины). Я расстроился. Когда еще подойдет моя очередь и подойдет ли? С грустью разглядывал флаги, выданные парням в базовом лагере (они улетят потом вниз вместе с рюкзаком Эдика). Спрашиваю у Бэла: “Вова, неужели хватит сил?” Он неопределенно пожимает плечами. В базовом лагере все понимали, что у тех, кто поставит лагерь-5 (а у двойки тем более), навряд ли хватит здоровья взойти на вершину. “Посмотрим, — ответил Бэл. — Дело есть дело, и кто-то должен делать его”.

28 апреля. Утром не спеша собрались и позавтракали. Я решил отснять на пленку их выход вверх. Зафиксировал для истории флаги СССР, Непала и ООН. С грустью расставался я со своим земляком и напарником Володей Балыбердиным. В тот момент мы еще не знали, что он идет к победе, а я — к горечи незавершенности. Но интуитивно я почувствовал, что остаюсь “без горы”. И это в тот момент, когда понял и доказал, что могу работать наверху в полную силу, что набрал наконец форму.

Я очень хотел, чтобы они присели, по обычаю, перед дорогой, и, несмотря на сопротивление, заставил их присесть. Каждый загадывал и думал о своем. Наванг тоже посидел немного, недоуменно глядя на нас. Очевидно, он понял, что у нас — свои боги, которые требуют такого обряда. Мы с Нимой проводили ребят и поспешили в базовый лагерь.

На 6100 напились воды и снова — вниз. День стоял отличный, сильно пекло солнце. На ледопаде встретили “ремонтную” группу (Леня Трощиненко, Евгений Игоревич и Анатолий Георгиевич). В базовом лагере нас ждала теплая встреча. Все радовались, что нам удалось сделать хоть какую-то часть дела.

Вечером добрался до магнитофона. Удалось прослушать пленку, на которой было записано обращение к нам Ильдара Азисовича Калимулина. Он сообщал из Катманду о событиях в мире и в районе Эвереста. На нашу гору продолжают подниматься с севера англичане и американцы. Месснер идет на Канченджангу. Все ждут от нас успешного восхождения. Мы вызываем огромный интерес во всем мире. На этой же пленке записан

ответ Тамма о том, что “в команде появились лидеры, не рекомендованные медициной для подъемов выше 6500 метров, которые своим упорством доказали право на восхождение. В первую очередь это Эдуард Мысловский, на которого равняется и за которым идет вся команда, и — Владимир Балыбердин. И в то же время некоторые участники, рекомендованные медициной для подъема на вершину, оказались неустойчивыми к гипоксии и теперь фактически выбыли из работы. Это — Онищенко, Шопин и Хергиани”.

Я обиделся, но все же надеялся, что Евгений Игоревич сдержит свое слово насчет нашего с Колей выхода на вершину.

29 апреля. Этот день запомнился всем. Он принес нам огромную радость. Мы очень долго ждали эту почту. Каждому из нас пришло письмо. Особый восторг вызвали пленки с записью голосов родных и друзей. И конечно, каждая семья записала любимую песню. Мои тоже развернулись на полпленки. А кассета у нас была одна на всех ленинградцев. Сначала звучал голос моей жены Галины. Она обижалась на то, что мало и редко пишу. Затем моя дочь, второклассница Юлька, читала стихи о весне и об Октябре. Для меня записали песню “Приезжай” в исполнении Аллы Пугачевой.

На вечерней связи передавали сообщения ребятам, находящимся на маршруте. Им тоже дали прослушать голоса близких. Вечерняя связь затянулась на два часа.

В этот же день поднялись после отдыха в Тьянгбоче алмаатинцы. Из Катманду пришел Валя Венделовский.

30 апреля. Из Тьянгбоче пришла отдохнувшая четверка Хомутова. Перед ужином состоялось общее собрание. Здесь нам с Колей сообщили, что до 6 мая мы свободны. 6 мая предполагается наш выход на штурм! Мы решили идти на прогулку до монастыря Тьянгбоче. С нами уходит и Хута Хергиани.

В связи с тем, что на 1 мая назначен выход на маршрут группы Валиева, все праздничные торжества, кроме демонстрации, перенесены на сегодня. Шумная подготовка к праздничному ужину. Мы приводим в порядок свои палатки и “кают-компанию”. Благо день выдался отличный.

Как всегда, на высоте оказался наш шеф-повар Володя Воскобойников. Поразительное обилие и затейливость салатов и горячих блюд.

На вечерней связи (в 18.00) мы узнали о том, что Бэл с Эдиком находятся на десятой веревке выше ла-геря-3. Наступает темнота, а им еще предстоит подняться на восемь веревок до лагеря-4 (8250). Мы забеспокоились. Все рации работают на прием. Но штурмовая двойка на связь больше не выходит.

1 мая. В 8.00 Балыбердин передал, что в лагерь-4 они пришли вчера в 23.00. Дополнительно мы узнали, что, для того чтобы успеть до палаток засветло, они разгрузились, оставив часть вещей закрепленными на веревках. Сегодня они предполагают их собрать.

В базовом лагере в 9.00 — общее построение. Всем розданы красные маркировочные флажки. С криком “ура!” мы прошли по лагерю в праздничном строю. Руководство наше принимало парад у тренерской палатки. Праздничную демонстрацию запечатлели на пленку прибывшие накануне представители телевидения. И — в столовую.

После завтрака мы втроем (Коля, Хута и я) собрались и двинулись вниз к монастырю Тьянгбоче. Перед выходом Евгений Игоревич отобрал у нас радиостанцию (чтобы лучше отдыхалось). Через полтора часа ходьбы мы были уже в Горак-Чепе. Там встретили Юрия Александровича Сенкевича, который завтра должен был подняться в базовый лагерь. С помощью сопровождающего шерпа мы наняли носильщика и уже налегке двинулись

вниз. Как мы и планировали, в сумерках спустились до леса в районе монастыря. Сразу же завалились спать, так как шли восемь часов подряд.

8250. Лагерь-4.

2 мая. В 6.00 Коля вышел на тропу, чтобы перехватить нашего носильщика, и сделал это вовремя: весь день мы готовили пищу и загорали. Солнце здесь теплое, не то что в

базовом лагере. Зеленеет трава, цветут цветы, очень похожие на наши незабудки. Гораздо теплее, чем в прошлое наше посещение Тяньгбоче.

Лагерь-4. На заднем плане вершина Лхоцзе.

Носим дрова, собираем по каплям березовый сок. Его еще очень мало. Снова, как и в прошлый выход, к нам прилетела большая ворона. На груди у нее что-то привязано. Ее внимание привлекла серебристая упаковка стограммовой пачки чая, и она тут же ее

утащила. Так мы остались без чая в первый же день. Но мы отомстили разбойнице, подсунув ей на следующий день точно в такой же упаковке горчицу. Ворона радостно набросилась на нее, долбанула несколько раз клювом и загрузила.

Никто из нас не страдал отсутствием аппетита. Снова прогулялись до монастыря Тянгбоче. Заметно было приближение весны. Поражали нас цветущие деревья рододендронов всех цветов — от белого до красного.

Все, что можно, прячем от нашей вороны в палатку и мешки. Тем не менее умудрилась утащить мыло.

Мы затосковали без чая и во второй раз отправились в монастырь, чтобы купить его. На обратном пути ждала удивительная встреча. Нас окликнул молодой американец, лицо которого показалось мне знакомым. Когда он начал спрашивать о Ефимове, Бершове и Онищенко, я понял, что он был в нашей стране в составе американской альпинистской делегации в 1976 году. Звали его Майкл Варбуртон. Сейчас он с мамой путешествовал по Непалу и собирался подняться в наш базовый лагерь, чтобы познакомить маму со своими советскими друзьями. Вот уж действительно мир тесен.

Мы пригласили Майкла в гости. За чаем он вспоминал многих наших ребят, с которыми ему приходилось встречаться в горах. Большую радость вызвало у него наше сообщение о том, что маршрут Варбуртона (пройденный им с Валентином Граковичем в 1976 г.) на кавказскую вершину Далар до сих пор еще не повторен. Конечно, он спрашивал нас о нашем восхождении. Рассказывал о только что закончившейся успешно женской экспедиции США на вершину Амадаблам. Ее руководительница сообщила Майклу новости об американском восхождении на Эверест с севера, которое очень нас интересовало. Месяц назад американцы достигли высоты 7200 метров и здесь столкнулись с проблемой переноски грузов. Оказалось, что в Тибете нет профессиональных носильщиков, как в Непале. Об англичанах, идущих на Эверест с востока, у Майкла никаких сведений не было.

Завтра мы выходим наверх. Нам предстоит путь длиною в восемь дней — до вершины Эвереста.

5 мая. Мы ночуем в Лобуче. Поднимаемся медленно, чтобы не растерять “набранного” здоровья. В Лобуче Коля поспешил расспросить туристов о новостях из базового лагеря. Но оказалось, что погода наверху стояла пасмурная и никто из туристов не поднимался в наш базовый лагерь.

После ужина увидели в окно, как из тумана вынырнула фигура с рюкзаком. Кто-то спускался сверху; Коля выскочил навстречу путнику. Мы с Хутой с нетерпением ожидали его возвращения. Коля вошел, и по выражению его лица мы поняли, что на Эвересте у нас победа. Так и оказалось. Двое взойшли на вершину, из них один без кислорода. Имен восходителей мы пока не знали.

Сразу стало спокойней на душе. Теперь дело за остальными, в том числе и за нами. Спать расхотелось. Тихонько переговариваясь, мы лежали в спальных мешках и обсуждали событие, стараясь не мешать спящим.

В темноте пришел наш “сороход” Падам. Его обязанностью была пешая связь с Луклой на случай отсутствия радиосвязи с Катманду. В Луклу Падам должен был спускаться раз в неделю. Падам показал нам на пальцах, что на вершину взойшло еще четыре наших парня и что кто-то из наших упал на леднике в трещину. Нам стало совсем не до сна. С трудом дождались утра.

6 мая. Как только начало сереть в окне, мы рванули наверх. Уходили в темноте, никто из туристов еще не проснулся. За ночь выпал снег, но шлось легко. Летели мы, как на крыльях. Лишь единственный раз присели — чтобы раздеться, когда вышло солнце.

Через три часа были в базовом лагере. Здесь праздничное настроение. Все поздравляют друг друга с победой. Первым делом заходим в палатку Леши Москальцова. Это он свалился в трещину с длинной горизонтальной лестницы. Непонятно, как выдержали позвоночник и ноги.

Самое коварное место ("трещина Москальцова").

Леша рассказывает нам о случившемся, а сам плачет. Из-за какой-то глупости (не пристегнулся вовремя к перилам) рушатся все планы, все надежды. Как можем пытаемся успокоить его и уходим. Леше нужен покой.

На нас обрушился поток информации о том, как это все было. Стараемся не углубляться в подробности. Нас волнует сейчас свой выход. Заходим к Евгению Игоревичу. Он подтверждает, что завтра мы с Колей выходим на штурм. Вместе с нами идут Хута и Наванг. В отличном настроении готовимся к выходу, получаем продукты.

Во второй половине дня, когда уже начали паковать продукты, нас неожиданно вызвал Тамм. В его палатке находился и Овчинников. Евгений Игоревич сообщил о том, что получена телеграмма: "Все выходы прекратить". Мы стояли растерянные. До нас все еще не доходил смысл услышанного. Потом, когда осмыслили, поняли, что касается это только нашей группы. Все остальные уже были на выходе.

7 мая. Еще не было шести, когда Коля зашел в мою палатку. Погоревали вместе — ведь из графика мы практически не выбивались. Сделав четыре выхода наверх, мы остались "без горы". Ведь у всех остальных четвертый выход был на вершину. А нам "дали замахнуться, но не дали ударить". Разговаривать ни с кем не хотелось: все жалели нас, выражали сочувствие, пытались как-то сгладить неприятный осадок. Поэтому, как только пригрело солнышко, мы ушли за камни и загорали там до обеда.

Во второй половине дня лагерь начал готовиться к встрече первовосходителей. Около 17.00 первая четверка в сопровождении встречающих показалась в нижней части ледопада. Все обитатели базового лагеря построились на торжественную линейку. Мы ждали, когда восходители преодолеют последний взлет перед лагерьем.

Первым шел Эдик Мысловский. Еще издали мы почувствовали, как счастливы ребята. Мы прокричали им: "Ура!" Сразу все смешались в кучу, обнимались, прыгали от радости... Конечно, мне было немного не по себе среди этого всеобщего ликования, хотя Бэла, конечно, поздравил от души. Он выразил свое сочувствие, а у меня слезы покатались по щекам. Чтобы хоть как-то не выказать слабости, я начал фотографировать.

Как-то сразу все разбрелись. Мы ждали, что восходители немедленно начнут рассказывать, поэтому тянули их в столовую. Но им было не до того — хотелось переодеться, расслабиться. Слишком долго держал нас в напряжении Эверест, и сейчас никто не сдерживал своих эмоций. К этому времени известно было, что уже взшло шестеро. Даже если б никто из наших парней больше не поднялся на вершину, все равно это был огромный успех экспедиции.

Когда я с рюкзаком Бэла подошел к нашей палатке, он все еще отбивался от парней, пытавшихся затащить его в столовую. В это время Коля тащил к своей палатке Мысловского. Я помог раздеть Эдика. Сам он ничего делать не мог. Мы с Колей переодели его. Вокруг стоит невообразимый гам. Все заходят и уходят. Когда мы обули Эдика, он вытащил из палатки свою котомку (Бэл смастерил ее из палаточного чехла) и высыпал на землю груды камней: "Выбирайте! Это все, что осталось у меня от Эвереста. Но самый большой камень прошу не трогать. Это — Жене" (так он называл Евгения Игоревича). Мы с Колей взяли по камушку. Я побежал к нашей палатке. Там молчаливо переодевался Бэл. Первые его слова были: "Вова, ты не представляешь, как это трудно: будить человека в шесть и ждать, пока он выйдет в десять".

Все собрались в столовой, включая шерпов. Снова невообразимый гвалт. Кононов притащил магнитофон и записывает это для истории. Вечером пришла двойка Иванов—Ефимов. Их тоже шумно встречали. Но мне было тоскливо. Я завалился в свою палатку.

8 мая. Казбек Валиев и Валера Хрищатый вышли из пятого лагеря на штурм вершины. До 8500 Хрищатый работал без кислорода. Без него пошел и на вершину. Но доконал ветер. Сильнейший холодный ветер мы ощущали сегодня даже в базовом

лагере. Этот ветрище заставил алма-атинскую двойку вернуться к палатке. Особенно сильно замерзал без кислорода Валера.

По утренней связи Казбек передал: “Попытка штурм не удалась. Попробуем выйти на вершину вечером, когда стихнет ветер”. В этот день к пятому лагерю поднималась вторая двойка алмаатинцев — Ильинский — Чепчев.

В 17.00 Валиев и Хрищатый снова покинули лагерь-5. Теперь уже оба шли с кислородом. Их выход вызвал много разноречивых споров. Я считал и говорил, что ребята поступили верно, выйдя на штурм на ночь глядя.

Вечером у нас в гостях была американская женская экспедиция, недавно покорившая Амадаблам. Руководительница экспедиции заявила Юре Родионову: “После вашего восхождения на Эверест все будут знать, что у русских тоже есть чему поучиться”.

Ужин закончился очень поздно. Мы расходились по палаткам с тревожным чувством. От наших алмаатинцев не было никаких вестей. У рации установили круглосуточное дежурство. Я дежурил после 24.00.

В палатке Димы Коваленко мы сидели у рации впятером. Зашел сюда и Бэл. После двух часов ночи все, кроме нас с Димой, ушли спать. Дима дежурил с магнитофоном, готовый записать любое сообщение.

В 2.20 я услышал по рации голос: “База! База!” Мы встрепнулись, бросились вызывать. Но в ответ — молчание. Я безуспешно вызывал еще с полчаса. Лишь в 6.15 из лагеря-5 вышел на связь Эрик Ильинский. Мы уже знали, что питание станций моментально “садится” при связи. Поэтому предположили, что связь была с вершины. Он сообщил, что двойка Валиев — Хрищатый с вершины не вернулась.

Мы передали это известие Тамму. Назначили связь с Эриком на 7.00. В 7.00 Евгений Игоревич предложил Ильинскому выйти на поиски пропавшей двойки. В базовом лагере необычное волнение. Напряжение спало лишь к 8.30, когда Эрик сообщил о том, что Казбек и Валерий подходят к пятому лагерю и с ними установлена голосовая связь. Позже, тоже по связи, мы узнали, что кислород у алма-атинской двойки кончился три часа назад и последние метры спуска к палатке лагеря-5 они буквально ползли. Да и ветер на вершине не стих.

Учитывая, что Валиев с Хрищатым совершенно обессилели и к тому же обморозились, тренерский совет предложил Ильинскому и Чепчеву отказаться от восхождения и сопровождать своих товарищей на спуске. Эрик сопротивлялся, пробовал возражать. Но Тамм был непреклонен. И вся алма-атинская четверка начала спуск. Заночевали они в этот день в лагере-3.

В базовом лагере идет бурная теле-, кино- и фотосъемка восходителей, записываются интервью с ними. Снимает фильм “Клуб кинопутешествий”. Операторы спешат, потому что у них заканчивается срок командировки.

Во второй половине дня нам сообщили, что всех просят собраться к палатке радиста. Ильдар Азисович Калимулин сообщил нам по рации, что всему спортивному составу экспедиции присвоено звание заслуженных мастеров спорта СССР. Конечно, это сообщение вызвало бурю восторга. Все поздравляют друг друга. Когда я подошел поздравить Колю Черного, он молча развел руками. Мы без слов поняли друг друга и, покинув ликующую толпу, ушли.

Дополнительно Калимулин сообщил: “Центр принял решение о прекращении работы экспедиции и снятии всех ее участников с маршрута”. Но сейчас на подъеме находилась тройка Хомутова. Ребята двигались к лагерю-4.

На ближайшей связи Евгений Игоревич сообщил Хомутову об этом приказе и предложил действовать по собственному усмотрению.

Тройка Хомутова все же вышла из лагеря-4 в лагерь-5. На 8500 они были в первом часу ночи. Переждав темноту, они вышли на штурм вершины. Это была единственная группа, за которую в базовом лагере практически не волновались. Шли парни уверенно, с большим запасом кислорода, которым начали пользоваться с 7350.

Ребятам повезло. 9 мая стояла теплая погода (минус 27 градусов на вершине). Они спокойно взойшли на гору и спустились к палатке лагеря-5.

Вечером мы праздновали сразу и День Победы и успешный штурм горы последней тройкой.

Коле Черному, Хуте Хергиани, Славе Онищенко, Лене Трощиненко и мне вместе с группой шерпов предстояло выйти на маршрут для встречи группы Хомутова, уборки и наведения порядка в лагерях-1 и 2. Мы не участвовали в общем веселье: выход предстоял ранний.

10 мая. Тамм и Овчинников провожали нас в 6 утра, как восходителей. Ледопад сильно изменился за последние дни. Многие места вообще невозможно было узнать. Мы несли с собой лестницу, потому что одна из трещин в Западном цирке разошлась очень сильно.

В Западном цирке мы встретили спускающуюся группу алмаатинцев. Даже у двоих, взойшедших на вершину, не было в глазах того блеска, той радости, что у восходителей первой шестерки, которых мы встречали в базовом лагере. Ведь оба восходителя, и Хрищатый и Валиев, подспудно обвиняли себя в том, что их друзья Чепчев и Ильинский остались "без горы".

На ночевку остановились в лагере-1. Онищенко и Трощиненко дальше не шли. Весь вечер мы убирали мусор, сбрасывая его в глубокую трещину. Обсуждали с шерпами качество нашего снаряжения. Им очень понравились наши двойные пуховые мешки и куртки. Хвалили они и наши продукты. Наванг попросил разрешения забрать домой палатку "Зима": "Я поставлю ее у себя во дворе и буду пить в ней чанг с друзьями, вспоминая вашу экспедицию". Мы отдали ему палатку.

11 мая. Утром я, Коля и Хута, вместе с шерпами Навангом и Нимой, вышли навстречу группе Хомутова. Чувствовали все себя отлично. Мы не представляли, что на таких высотах можно ходить так быстро. До лагеря-2 добрались всего за три часа. Здесь начали готовить встречу. Вскипятили воду. К двум часам дня на 7350 спустился Юра Голодов, а еще через полчаса — Валера Хомутов и Володя Пучков. Мы поздравили их с победой.

Забрали у ребят груз и пошли на спуск. Они остались пить чай. В этот день Леня Трощиненко со Славой Онищенко, вместе с шерпами, закончили уборку лагеря-1. Слава с шерпами ушел в базовый лагерь, а Леня остался ждать нас.

К шести часам вечера мы все собрались в лагере-1 и приготовили хороший ужин. Ребята рассказывали о своем восхождении. Воспоминаниям не было конца.

Из их рассказов: "Очень повезло с погодой: тепло и безветрие. Шли без пуховок. Сложности возникли только на спуске с вершины, когда вдруг задул сильный ветер. По примеру группы Иванова, кислородом начали пользоваться с 7350. В лагере-3 взяли по пять баллонов каждый. С 8500 вышли в 7 утра и через четыре часа были на вершине. Кислорода на спуске хватило до лагеря-3".

В связи с их рассказом интересно сопоставить работу двух направлений в команде: группа начинала пользоваться кислородом с 8250 (или вообще не пользовалась). Здесь явно прослеживается более длительный и тяжелый путь к вершине и, как правило, переохлаждение конечностей. "Бескислородники" мерзли значительно сильнее;

кислород постоянно, начиная с 7350. При этом наблюдался более быстрый выход на вершину (группа Иванова — за четыре часа от лагеря-5 до вершины) — и никаких неприятных последствий, связанных с холодом.

Вечером, лежа в спальных мешках, мы еще долго делились впечатлениями. Восходители не могли сдержать радость. Никто не знал, что творится в душе у нас с Колей. Только когда взгляды наши встречались, я видел, что Коля переживает то же, что и я.

На следующий день благополучно добрались до базового лагеря.

13 мая. Сворачиваем экспедицию. Готовимся к отдыху, убираем территорию лагеря, упаковываем вещи и продукты. Уже определены группы движения. Перед самым отходом неожиданно пошел густой мокрый снег. Все, кроме группы, оставшейся для отправки вертолетом больных Мысловского, Москальцова и Хрищатого, начали спуск с ледника.

Мы уходим вчетвером — Бэл, Коля, Хута и я. Оставшись верными своему темпу движения, в этот день добираемся до Тьянгбоче. В Лобуче я зашел к хозяйке отеля “Гималаи” и подарил ей свои валенки. Подарок мой вызвал неописуемый восторг. Здесь нет обычая дарить вещи.

В Тьянгбоче мы отдыхали двое суток, а затем двинулись дальше. И местные жители, и туристы встречали нас очень тепло. Вместе с нами спускались наши шерпы. Местная публика была очень горда тем, что и их земляки работали в нашей экспедиции.

На подъеме к Намче-Базару мы услышали крики: “Ребята! Ребята!” Оказалось, что это группа советских туристов, отправившаяся в национальный парк “Сагарматха”. Среди них были и наши друзья-альпинисты Дима Краюшкин (Москва), Юра Разумов и Сережа Ларионов (Ленинград), Саша Бережной (Ивано-Франковск). Проговорили с ними около часа. Они шли к базовому лагерю.

Небольшой отдых в Намче-Базаре — и снова вниз, вниз. Неожиданно для нас встречаем председателя гималайского комитета Анатолия Ивановича Колесова. Поздравления, объятия, фотография на память. Колесов идет до Тьянгбоче.

Ночуем в палатках на поляне в часе ходьбы от Луклы. Отдыхаем в ожидании самолета. Билеты у нас на 22 и 23 мая. Погода устойчиво плохая. Облака и ветер, то и дело брызжет дождик. Постоянно хочется есть, наверное, из-за большой потери в весе. В среднем каждый из нас потерял по десять килограммов.

Через день перебираемся в Луклу, в отель дяди Пембы Норбу.

22 мая. Как и было запланировано, первым рейсом вылетели в Катманду восходители (те, кто побывал на вершине) и руководство экспедиции. Остальные участники экспедиции были отправлены вторым рейсом. К сожалению, в одиночестве остался Валя Венделовский, ожидающий специального грузового самолета для отправки в Катманду всего нашего груза.

В аэропорту столицы Непала очень приятно было встретить Александра Дмитриевича Сурского с женой.

Автобус доставил нас в гостиницу “Блю стар”. Над входом в гостиницу вывешен огромный плакат на русском и непальском языках, поздравляющий нас с победой над Эверестом. В Катманду мы пробудем десять дней.

2 июня. Сегодня улетаем в Дели. Ежедневно до обеда мы осматривали достопримечательности непальской столицы, знакомились с историей и культурой страны. Вечерами были встречи — с сотрудниками советского посольства, журналистами, активистами Общества непало-советской дружбы, учащимися курсов русского языка. Присутствовали мы и на открытии выставки “Спорт в СССР”. В Сити-Холле состоялась большая заключительная встреча с общественностью Катманду. В истории покорения гималайских вершин это была наиболее представительная встреча жителей Непала с зарубежными альпинистами. Посетили мы и национальный парк “Читван” (Тигровый заповедник).

Конечно, все было очень интересно. Трудно привыкнуть к всеобщему вниманию. Но при всем том очень хотелось, чтобы все эти экскурсии и приемы поскорее остались позади. На торжествах я ощущал себя в некоторой степени посторонним. Не покидало чувство горечи оттого, что не пришлось штурмовать вершину, когда она была так близка.

В Катманду состоялась у нас встреча с Рейнгольдом Месснером. У него к нам и у нас к нему была масса вопросов. Этой весной Месснер без кислорода покориł сразу два гималайских восьмитысячника — Чо-Ойю (8189) и Канченджангу (8597). Он очень высоко оценил наше достижение: “Я знал, что советские альпинисты очень сильны, и, несмотря на это, был поражен, когда узнал, что по вашему маршруту вы взбирались почти без помощи шерпов. Это свидетельствует об очень высоком уровне техники и классе советских альпинистов”.

Месснер поразил меня своей свободой в общении. Ему 37 лет, а я считал, что он гораздо старше. У него мягкая, пружинистая походка спортивного человека. Об одиночном альпинизме он отозвался как об очень рискованном занятии, добавив, что не собирается больше ходить на вершину в одиночку. “Если б у меня были такие партнеры, как любой из ваших ребят, я бы никогда не пошел один”.

Вечером 2 июня мы приземлились в аэропорту Дели. В столице Индии нас ожидала еще более напряженная программа, чем в Непале, тем более что на Дели у нас было отведено всего два дня.

Хотелось как можно больше увидеть и запомнить. И в то же время у нас предстояло две встречи — с советскими сотрудниками в Индии и с общественностью Дели. Конечно, эти два дня пролетели очень быстро и были переполнены впечатлениями.

5 июня. Рано утром — посадка в самолет ИЛ-62. Днем должны приземлиться в Москве.

На самый-самый верх

(Из дневника В. Балыбердина)

У меня в руках очень красивый билет на самолет Москва — Дели — Катманду и обратно.

Наше предстартовое волнение достигло кульминации. Постоянно возвращаемся к мысли, что однажды участники советской экспедиции уже имели такие же билеты, но поездка так и не состоялась. Экспедиция 1959 года на Джомолунгму с севера была подготовлена и экипирована не хуже нашей. А в составе ее были люди, создавшие славную школу советского высотного альпинизма.

Привыкший не верить в удачу до тех пор, пока она не станет свершившимся явлением, я все время боюсь какой-нибудь роковой случайности. Неужели и сейчас возможен срыв? Столько лет советские альпинисты мечтали об этом! Столько людей готовили экспедицию — от министров до слесарей и вязальщиц, от почтенных ветеранов альпинизма до новичков-энтузиастов. Все вложили свою душу в дело, которое должны завершить мы — 27 спортсменов и тренеров.

У нас в стране самые высокие горы пройдены вдоль и поперек по самым сложнейшим маршрутам. Иностранцы альпинисты, приезжая на Памир, восхищаются нашими достижениями. Но главный критерий зрелости национальной альпинистской школы — классное восхождение в Гималаях.

Два года назад впервые промелькнуло сообщение об организации экспедиции на Эверест. Спорткомитет СССР разослал в городские федерации альпинизма перечень требований к будущим кандидатам в гималайскую сборную. К моему удивлению,

оказалось, что я подхожу по всем параметрам — по числу высотных восхождений, по возрасту, по квалификации в скалолазании. Однако на слуху у всех были имена асов высотного альпинизма. А кто знает меня — рядового кандидата в мастера, всего один раз участвовавшего в чемпионате СССР?

“Конечно, шансов попасть в команду у тебя почти нет, но на всякий случай заявить о своем желании надо”, — сказал мне один из спартаковских тренеров. И вдруг я узнаю, что президиум Федерации альпинизма Ленинграда на основании моих достижений в альпинизме, скалолазании и лыжных гонках (важнейший критерий физической подготовки альпиниста) решил включить меня в число кандидатов от Ленинграда.

Руководство экспедицией и Спорткомитет СССР оказались перед трудной задачей — провести конкурс “абитуриентов”, в котором было десять человек на место. И начались отборы. Сначала посмотрели, чего каждый кандидат добился в прошлом, затем началась очная борьба.

Первое испытание — отборочный сбор под пиком Ленина в 1980 году. Сделав в июле три восхождения на семитысячники Памира, я вместе со своими друзьями-ленинградцами прибыл в урочище Ачик-Таш. Впервые познакомился с ребятами из разных городов и республик, представляющих цвет нашего альпинизма.

В соревнованиях по скалолазанию мы выступали в связке с Володией Шопиным и оказались в призерах. Спасибо нашим карельским скалам и традиционно сильной ленинградской школе скалолазания. А вот за успех по преодолению склона от высоты 3600 до 4200 следует благодарить многолетние лыжные тренировки. До сих пор горжусь, что мое время на склоне — 31 минута 30 секунд — осталось лучшим.

Однако соревнования по физподготовке и альпинистской технике являлись отнюдь не решающими в отборе кандидатов. Альпинизм настолько многоплановый вид спорта, что в очки и секунды его не втиснешь. Огромное значение имеет опыт высотных восхождений, участие в чемпионатах, умение быть полезным в коллективе.

Часто при формировании команды сильного спортсмена не берут потому, что он не вписывается в коллектив. Поэтому в альпинизме так ценится “схоженность”. Это понятие введено даже в правила горовосхождений. И как раз с этим пунктом на сборе были наибольшие трудности: многие из нас не только не имели опыта совместных восхождений, но даже не были знакомы ранее.

В двойной состав, который был сформирован для последующих тренировок и отборов, попали четыре ленинградца, в том числе мы с Володией Шопиным.

Потом была серия сборов в горах и на равнине. Мы отрабатывали гималайскую тактику восхождений и приглядывались друг к другу. Я привык к мысли, что шансы мои попасть в заветную группу невелики, но продолжал работать добросовестно, выкладываться до конца, как научился это делать за долгие тринадцать лет занятий альпинизмом.

Наконец наступил момент последнего, решающего испытания. В июле 1981 года мы должны были подняться по сложному маршруту на пик Коммунизма (7495). Команда работала группами по восемь человек. Каждой группой руководил “играющий тренер”. Это москвичи Эдуард Мысловский и Валентин Иванов, алмаатинец Ерванд Ильинский, включенные в состав экспедиции без отборов, за большие личные достижения в альпинизме.

К сожалению, маршрут, выбранный для последней проверки, оказался слишком легким для такой мощной команды. Чувствовалось, что руководители экспедиции остались в неведении относительно действительных сил участников и склоняются положиться на свою интуицию и на учет авторитета того или иного кандидата среди альпинистов.

Мою судьбу решил случай. Уже после окончания восхождения мы пошли снимать с маршрута палатки, веревки и прочее снаряжение. Впервые к нашей восьмерке подключился старший тренер А. Г. Овчинников. Все имущество высотных лагерей мы запаковали в огромный тюк, который неплохо скользил по снежно-ледовой части маршрута, страхуемый четырьмя участниками. Однако, когда мы подошли к скальному участку гребня, возник вопрос: либо сделать несколько ходок вверх-вниз с рюкзаками, либо попробовать спустить весь тюк по крутому снежному кулуару сразу на четыреста метров, придерживая за веревку. Из-за огромной трудоемкости первого варианта сошлись на втором. Но не успели мы спустить груз на сорок метров и подвязать вторую веревку, как он застрял в одном из сужений кулуара. Вверх такую тяжесть уже не поднять. Оставалось подойти к нему и сопровождать до низа. Я вызвался спуститься. Сережа Ефимов покачал головой и сказал коротко: "Смертник".

Вариант действительно был опасный: идущая сверху веревка могла сбросить на сопровождающего камень любого размера.

Не знаю, как мне удалось убедить старшего тренера в том, что при достаточной аккуратности риск можно свести к минимуму.

Меня спустили на дополнительной веревке, и я пристегнулся к тюку. С большим усилием выдернул его из горловины и в следующую секунду пролетел с ним в обнимку несколько метров до полки. Мелькнула мысль: не порвалась бы веревка от рывка и не посыпались бы камни. Об ушибах во время полета не думал. До следующего сужения я благополучно доехал, сидя на тюке, а потом опять встряска. Тут я понял, что в конце концов он либо придавит меня, либо сломает ногу. Попросил выдать мне побольше веревки и толкнул его со стенки, оставаясь на месте. Скоро мы с тюком научились понимать друг друга и благополучно добрались до длинного, крутого снежного склона, выводящего на ледник. С трудом докричался, чтобы отпустили страхующую веревку. Я не мог отказать себе в удовольствии прокатиться верхом на моем безмолвном напарнике сотню метров и лихо перепрыгнуть через бергшруд (Трещина между склоном и ледником).

Когда мы покидали лагерь 4600 под пиком Коммунизма, Анатолий Георгиевич подошел ко мне и сказал сухо:

— Желаю успеха в предстоящем восхождении на чемпионате СССР и хотел бы видеть вас в составе экспедиции.

От неожиданности и волнения у меня перехватило дыхание, и я только глупо улыбался, забыв опустить руку после рукопожатия.

— Спасибо... Я был бы счастлив...— наконец выдал я.— Но ведь неизвестно, что решит тренерский совет.

— Не знаю. Я выражаю свое мнение,— сказал он, уже уходя.

Но я знал, что Анатолий Георгиевич слов на ветер не бросает, и весь день ходил как именинник. Потом в душу опять стали закрадываться сомнения, и я ждал октября, никому не говоря о нашем разговоре.

В октябре президиум Федерации назвал наконец двенадцать человек основного состава, и я стал думать уже не о том, что попаду или нет в команду, а состоится или сорвется экспедиция. С этими мыслями я ехал в аэропорт.

Автобус в Шереметьево-2 отправлялся с Качалова, 27. Здесь была выделена небольшая комната в полуподвальном помещении. Эту комнату можно назвать малым, или оперативным, штабом экспедиции, в отличие от большого, который возглавлял председатель оргкомитета экспедиции, заместитель председателя Спорткомитета СССР А. И. Колесов и который решал крупные стратегические вопросы.

В “малом” штабе постоянно можно было застать одного из старейших наших альпинистов — заслуженного мастера спорта М. И. Ануфрикова, который был в курсе всех дел по подготовке снаряжения и питания, по оформлению документов, организации сборов и т. д. Часто сюда забегал Е. И. Тамм, приходили участники, вызванные в командировку для решения срочных дел перед отъездом. Последние дни были до отказа забиты неотложными заботами, телефон на столе Михаила Ивановича перегревался от постоянных звонков, а мы метались по городу, закрывая последние позиции в длинном списке необходимого снаряжения.

Месяц тому назад закончился сбор в Крылатском, где мы кроме лыжных тренировок занимались упаковкой грузов. Но оставались еще кое-какие недоделки. В Крылатском на велотреке нам выделили помещение под трибунами. Складом его не назовешь — тесно, неуютно, необорудованно. Едва мы перевезли туда все снаряжение, стало ясно, что проверять, сортировать, упаковывать его совершенно негде. Поэтому каждый вид снаряжения приходилось вытаскивать в коридоры велотрека, рассматривать, отбраковывать и упаковывать снова. Каждый баул — а их было больше трехсот, — бочки, ящики маркировались в соответствии с тем местом на склоне Эвереста, где их предстояло использовать. Часть грузов отправлялась только до Катманду. Другая партия должна была остаться в базовом лагере. Остальное снаряжение — для высотных лагерей.

Для сортировки грузов были назначены из участников экспедиции специальные группы по каждому виду снаряжения. Алмаатинцы занимались крючьями, отбраковывали неудачные, на их взгляд, конструкции, проверяли качество изготовления, выбирали наиболее ходовые. Украинцы разрезали километровые бухты веревки на концы по сорок пять метров, кто-то занимался пуховым снаряжением, кошками. Здесь же ставили палатки и разводили примуса, тщательно прячась от местных пожарных. Работа кипела. Коридоры были заняты, к большому неудовольствию хозяев велотрека — велосипедистов и механиков. Каждая упаковка должна была весить не больше тридцати килограммов.

2 марта, собравшись на Качалова, 27, мы быстро перепаковали личные вещи и на скорую руку отметили наш отъезд. В маленькой комнатке собралась масса народу — жены, дети, знакомые наших москвичей. Кто стоя, кто сидя. Появилась пара символических бутылок шампанского. Говорили напутствия.

Перед самым отъездом позвонили из Ленинграда Галя Шопина и моя мама. Несколько человек поехало с нами в аэропорт.

Наконец-то мы сидим в самолете. Прогревают двигатели. Выруливают на полосу. Разгон. Взлет. Ура-а! Впрочем, подождем момента пересечения границы СССР. Если до этого нас не вернут, то будем считать, что экспедиция началась.

В этот же день наша передовая группа прилетела в Катманду. Четыре дня в столице Непала были полностью заняты таможенным досмотром и перепакровкой грузов для караванного пути. Носильщикам предстояло больше двух недель нести четырнадцать тонн наших вещей до базового лагеря, а мы половину этого пути, до поселка Лукла, пролетели на самолете. Руководителем нашей группы в походе до базового лагеря и при обработке ледопада был старший тренер экспедиции Анатолий Георгиевич Овчинников.

Поднимаясь в горы, мы прошли все климатические зоны — от субтропиков до вечных снегов — и посмотрели страну изнутри. Вызывает восхищение древняя культура этой небольшой горной страны, заслуживает глубокого уважения ее трудолюбивый и жизнерадостный народ. Мы встречались с самыми разными людьми — от простого крестьянина до премьер-министра — и всегда видели дружеское, доброжелательное отношение. Особенно близко познакомились мы с шерпами, которые вместе с нами работали на маршруте, жили в одних палатках, переносили все трудности восхождения.

Впервые мы увидели их в Катманду. Ребята нам понравились сразу: они тут же начали помотать в погрузках и упаковках, очень быстро понимали наши просьбы и охотно их выполняли. “Да, сэр. Пожалуйста, сэр”, — подбегали они по первому слову и жесту, но в этом не было лакейской услужливости и подобострастия. Искренняя дружеская помощь без унижения, исполнительность без потери собственного достоинства.

Среди многочисленных народностей, населяющих Непал, шерпы на особом положении. Суровая природа и климат высокогорья накладывают отпечаток не только на уклад жизни, но и на характер этих людей. Они привыкли целиком полагаться на свои собственные силы, ведут почти натуральное хозяйство. Здесь, в высокогорье, не бывает истребительных эпидемий, уносящих человеческие жизни. Горцы с большей уверенностью смотрят в завтрашний день, и это придает им независимость и достоинство.

В последние тридцать лет у шерпов появился еще один вид заработка. По горным тропам путешествует огромное количество иностранных туристов и альпинистов, и это стало основным доходом практически каждой семьи. Они либо сдают на ночлег часть своей жилплощади, либо продают изделия местных промыслов, либо нанимаются носильщиками. Особо выделяются высотные носильщики, занятые в экспедициях на высочайшие вершины Гималаев. Кроме того, что каждая экспедиция выдает им полный комплект высотной одежды и снаряжения стоимостью в несколько тысяч рупий, они получают зарплату и специальные премии, возрастающие с высотой подъема, весом груза, сложностью маршрута.

Особое положение в экспедиции занимает сирдар. Фирма, которая заключает с руководством экспедиции договор на обеспечение доставки грузов в базовый лагерь, передает ему все полномочия по управлению караваном, найму носильщиков и погонщиков яков, выбору режима движения по тропе, пунктов остановки на ночлег. Сирдаром становится человек, имеющий хорошую репутацию и среди местного населения, и у непальских властей. Как правило, это альпинист высокой квалификации, покоритель одного или нескольких восьмитысячников, грамотный и хорошо говорящий по-английски.

Сирдар набирает штат высотных носильщиков, отвечает за сохранность грузов на тропе и вообще за полное соблюдение договора о найме рабочей силы. Работа сложная: иногда приходится платить свои деньги за пропавшую вещь, иногда предотвращать забастовку высотных носильщиков на маршруте, иногда увольнять за нерадивость.

Наш сирдар Пемба Норбу имеет в своем активе двадцать пять экспедиций, бывал на восьмитысячниках, в том числе на Эвересте в 1979 году. Заработав себе достаточный авторитет, он оставил тяжелую и опасную профессию высотного носильщика и теперь постоянно работает сирдаром. Зная опыт и деловые качества Пембы, его наперебой приглашают многие гималайские экспедиции и всегда остаются довольны. Пемба, в свою очередь, обеспечивает заработком весь клан Норбу: в Лукле мы жили в гостинице его дяди, в Намче-Базаре — у бабушки, на маршруте работали высотными носильщиками его родственники.

Идя в базовый лагерь по горным тропам, мы оказались в самой гуще жизни. Здесь путешествует очень много туристов со всех концов света. Многие из них уже знают о нашей экспедиции и горячо желают успеха. Но главные обитатели тропы — это, конечно, местные жители.

Тропы в Непале являются основным средством сообщения между населенными пунктами. Весь груз в горных районах этой страны переносится носильщиками на голове. Широкий кожаный ремень, на котором держится груз, накинут на лоб и опускается за плечи, а груз лежит на спине. Необычный для нас способ, дающий большую нагрузку на шею, однако этот способ отработывался в Непале веками, и непальцы не торопятся

менять его на европейский рюкзак. В качестве емкости часто используются очень легкие плетеные корзины, сужающиеся книзу.

По тропам постоянно идут вверх и вниз мужчины, женщины, дети, каждый обязательно что-нибудь несет — дрова, сено, продукты, товары, строительные материалы для домов и мостов. В непальских горах нет автотранспорта, вертолетов, лошадей, а яки используются только на больших высотах у подножья ледников.

Относятся непальцы к своим тропам очень внимательно. Тропа представляет собой широкую каменную дорогу, тщательно вымощенную, снабженную через определенное расстояние специальными каменными скамейками для отдыха уставшего путника, но проехать по этой широкой дороге невозможно, так как из-за большой крутизны она то и дело переходит в ступеньки. Тропы постоянно подновляются, ставятся новые мосты, ремонтируются старые. Строительство ведется, конечно, вручную. Огромные камни, величиной с автобус, мешающие прокладке дороги, раскалываются с помощью стальных клиньев. Предварительно перфорируют сверлом или шлямбуром, а потом долгими часами бьют по клину кувалдой.

Вдоль троп постоянно встречаешь камни с высеченными на них молитвами. Порой они выбиты прямо на огромных глыбах, лежащих сбоку от тропы, и даже немного подкрашены черной и белой красками. Издали смотрятся ярко и рельефно. Часто посередине тропы стоит стенка из отдельных вертикальных плиток, каждая из которых испещрена буддистскими молитвами: “Ом мане падмэ хум”. На ручьях стоят мельницы, в которых, однако, ничего не мелется, а вращаются барабаны, на которых нанесены все те же молитвы. На возвышенных местах установлены многометровые шесты с развевающимися по ветру молитвенными флажками. Проходя по тропе, молитвенную стенку следует обходить только слева. Правой рукой непальцы касаются плиток, и считается, что они возносят молитвы своим божествам. Если непалец по пути встречает молитвенный барабан, он ударяет по нему рукой не останавливаясь — крутнул и, стало быть, помолился. Еще проще с молитвенными мельницами. Те вращаются и сами возносят молитвы, без участия человека. Своеобразная механизация религиозных отправлений. Но бывает, что непальцы молятся и по-другому. Садятся, скрестив ноги, произносят молитву, сложив руки на груди ладонями вместе, бьют поклоны, едят священные семена, жгут жертвенный огонь.

Мы пользовались самым надежным видом транспорта. Нас не беспокоили перебои с бензином и нелетная погода, недостатки технического обслуживания и пробки на дорогах. Шли своими ногами и все свое несли с собой. Шли строго по графику, и поэтому после дневного перехода у нас оставалось два-три свободных часа. Обычно мы с Володией Шопиным в эти часы отправлялись гулять по окрестностям и непременно поднимались на ближайшую вершину. Еще с самолета заметили, как непривычно выглядят Гималаи. Это очень молодые горы, поэтому очертания их не успели сгладиться под действием воды и ветра. Над нами возвышались отвесные скальные стены, сверкали висячие ледники, в темное небо вонзались острые граненые пики. Рай для альпинистов любого уровня и любых вкусов. Сначала горы напомнили мне Гиндукуш, как он смотрится с Юго-Западного Памира, но, увидев их ближе, я понял, что сравнивать это чудо просто не с чем. И вся эта красота еще ждет своих покорителей. Большинство экспедиций стремятся к самым высоким вершинам, а “низкие” — шести-, семитысячники — попадают лишь на фотоснимки восторженных туристов.

Покинув жаркий Катманду всего десять дней назад, мы подходили к месту базового лагеря среди льда и снега в самом начале холодной и ветреной весны высокогорья.

16 марта. Мы были на месте базового лагеря в 11.30. Я знал, что лагерь будет располагаться не на зеленой поляне с серебряным ручьем, но то, что увидел, превзошло мои худшие представления.

Никакого намека на площадки. Чрезвычайно неровный ледник, заваленный крупными камнями вперемешку с залежами старых консервных банок и другого мусора. Все это остатки многочисленных экспедиций. Даже для установки высотной палатки пришлось серьезно поработать ледорубами и лопатами несколько часов. Не говоря уже о кемпинге. С шатром легко: его можно сначала поставить, а потом ровнять площадку, находясь под крышей.

Едва мы успели установить три высотных палатки и шатер, как начался обильный снегопад. Вечер провели в шатре. Ложась спать, нам пришлось раскапывать палатки, которые были завалены на одну треть.

Планировалось, что все участники экспедиции будут жить по одному-два человека в больших польских палатках типа "кемпинг". Палатка очень удобная, имеет небольшой тамбур, где можно сложить снаряжение, и просторную комнатку. Кемпинг достаточно высок, и в нем можно ходить во весь рост. Для альпинистского снаряжения и для аппаратуры нашей киногоруппы мы использовали небольшие шатровые палатки, с дном типа "Зима", изготовленные специально для экспедиции. В качестве кают-компаний и продуктового склада у нас были большие шатровые палатки без дна. Каждому из офицеров связи была выделена маленькая высотная каркасная палатка типа "Салева". Стены кухни сложили из камней, а сверху накрыли большим сигнальным полотнищем из каландрированного капрона.

Вскоре в базовом лагере появился парнишка с грузом и запиской от Мысловского. А через два-три часа и сам Эдик и Коля. Они проделали тот же путь, что и мы, за четыре дня. Настроение у всех хорошее. Самочувствие нормальное. Все рады, что завершился важный этап.

Ребята принесли новости.

17 марта. Второй день пребывания в базовом лагере. Вышли на небольшую прогулку к ледопаду. Связка Мысловский — Черный проработала часа три, мы трое — не больше часа. Забойщики (Альпинист, работающий впереди, прокладывающий маршрут) вернулись в оптимистическом настроении: дорога ясна, победа будет за нами. Однако уже на следующий день наступило отрезвление. Слишком рано Мысловский взял вправо, — они оказались на ледовых стенках и довольно долго прокопались на одном месте. Мы с Овчинниковым, глядя на их мытарства, от скуки сунулись влево вверх и удивительно быстро по простому пути поднялись веревок на семь. Однако при вечернем обсуждении все единогласно утверждали, что мы пошли не туда, что я взял слишком влево. Я сначала оправдывался, потом огрызнулся, даже грубо что-то сказал Эдику, но Эдик молодец, быстро отошел.

— Похоже, что простой путь — влево вверх, а потом под большим сколом траверс вправо, — говорил я.

— Это только кажется. Посмотри, сколько веревок, флажков и даже остатки палатки правее нашего пути, — без тени сомнения отвечал Эдик.

— Но ледник сдвигается на метр в сутки. Все это еще год назад находилось гораздо выше, то есть как раз там, где я предложил делать траверс.

— Нет, ты не прав, — вступил в разговор Коля, — вспомни литературу: все пишут, что нужно уходить к правому борту гораздо раньше.

— Но может быть, в этом году ледовая обстановка изменилась? Надо руководствоваться логикой, а не догмами. Судя по общему характеру трещин и сераков, несложный и безопасный путь, мне кажется, левее центра до высоты 5800.

— Тебе кажется, а я здесь ходил в позапрошлом году, — уже тоном рассерженного начальника Эдик выдвинул главный аргумент.

— И поэтому залез на стены! — резко бросил я, обиженный ущемлением демократии в теоретической дискуссии.

Наступило молчание. Эдик смешался, удивленный моей внезапной резкостью и не в силах что-либо возразить. Анатолий Георгиевич попытался разрядить обстановку:

— Конечно, старые веревки и флажки ни о чем не говорят, но мне представляется, что простота слева обманчивая, помню, что поляки траверсировали ниже. Во всяком случае, надо посмотреть оба варианта.

— Я спрашивал Наванга, — добавил Володя, — он говорит, что надо уходить вправо.

Оставшись наедине со своим мнением, я больше не спорил. Пусть нашим арбитром будет время.

“Почему они все время ссылаются на чей-то опыт? — думал я вечером в палатке. — Ведь у каждого из нас за плечами огромное количество самых разнообразных ледников. У нас самый длинный в мире (77 километров) ледник Федченко на Памире и не очень уступающие ему ледники Тянь-Шаня в районе пика Победы — самого северного семитысячника планеты. У нас есть сложные ледопады, например на Кавказе, в Безенги, и многокилометровые ледовые лабиринты с бездонными трещинами, например ледник Бивачный под пиком Коммунизма. Причем многие маршруты мы проходили сразу, без разведки и предварительного изучения по книгам (их просто не было), руководствуясь только чутьем и общими закономерностями строения ледников. Особенно богатый опыт у таких старых высотников, как Овчинников, Мысловский, Черный, которые одними из первых бывали во многих труднодоступных местах Памира и Тянь-Шаня. А что имеют болгары и югославы, поляки и испанцы? Ледники в Альпах, где размечен каждый поворот, каждый камень? Самые протоптанные маршруты Памира, где они ходили по нашим следам, под руководством наших тренеров-инструкторов? Почему мы должны доверять им больше, чем себе, своей интуиции, своему опыту?”

20 марта. Четвертый день работы на ледопаде. Из них два — впустую.

Вчера Эдик и Коля спустились с ледника часа в четыре. С восторгом рассказывали, как они проходили трудные участки ледника, какие там страшные трещины и сложные стены. Вернувшись на мои следы, они прошли еще шесть веревок, в некоторых местах повесили перила. Вышли на пологую среднюю часть ледопада, но пути на склоны Нупцзе не нашли.

Во время ужина начался сильный ветер. К середине ночи он настолько усилился, что свалил один шатер, а второй устоял только потому, что в нем спали шерпы, которые лихорадочно сдерживали метания своего дома. Внутри палатки все было перевернуто и разворочено, низ шатра порван почти по всему периметру. В конце концов Дава и Наванг оставили попытки закрепить шатер и уже под утро пошли спать в высотную палатку. К этому времени (около шести часов) ветер как будто начал стихать. Наш кемпинг выстоял.

Помня, как летали наши кемпинги прошлым летом в базовом лагере в Ванч-Даре и на “Грузинских ночевках”, я поставил более прочные растяжки и привалил низ кемпинга большими камнями. Порвалась только одна растяжка. У кемпинга Анатолия Георгиевича тоже порвалась растяжка, и вся конструкция уже собиралась взлететь. Шефу пришлось выскочить на улицу в чем спал и звать на помощь. Помог Эдик, который лежал в соседней палатке.

Я выглянул из палатки и решил, что сегодня выход не состоится: на улице творилось что-то страшное. Однако погода постепенно наладилась, и мы в этот день очень продуктивно поработали.

Уже при надевании кошек Анатолий Георгиевич заявил:

— Я с вами пойду только полпути и потом вернусь, потому что мне не выдержать ваш темп, а обрабатывать можно вдвоем.

Я сразу возразил:

— Нет никакой необходимости гнаться за нами. Вы нас догоните, пока мы меняем веревки на перилах. Зато в случае любых разногласий по прокладке маршрута нам будет тяжело принять решение, имея два равноправных голоса. Кроме того, возможно, нужна будет консультация стратегического характера.

Шеф быстро согласился.

К большому сераку мы подошли практически одновременно. Я опять стал засматриваться налево. Предложил оставить весь груз и разведать. Веревки через три вышли на тропу Эдика. Пройдя по их маршруту, мы совершили полукруг и вышли на три веревки выше своих рюкзаков.

В этот момент даже Володя, который отличается очень сдержанным характером и до сих пор тщательно пытался сгладить наши противоречия по выбору маршрута и как-то защитить или оправдать действия забойщиков, не выдержал и сказал открытым текстом все, что думает. Анатолий Георгиевич постарался смягчить обстановку и показать объективные причины этой ошибки.

Завершающим маневром был наш с Вовиком бросок в сторону склонов Нупце. Кажется, дорога ясна.

Вечером Анатолий Георгиевич дал нашей двойке ответственное задание — найти выход на плато. (Эдику и Коле предложил снять свои “кружева”).

21 марта. Очень хотелось проложить дорогу на плато за один день, поэтому вышли пораньше, в 4.15. Однако не взяли фонарь, надеясь, что дорогу знаем достаточно хорошо, и в нижней части полчаса поплутали по леднику. Надев кошки, довольно быстро проскочили обработанный кусок. Казалось, что выход на 6100 не представит трудностей. Но, пройдя несколько веревок по простым подушкам выше средней пологой части, уперлись в систему трещин и стен, отделяющих ледник от склонов Нупце. Во многих местах путь оказался опасным. Венцом всего была 60-метровая стена, в некоторых местах совершенно отвесная, а главное, состоящая из смерзшихся ледяных глыб, на которые нет никакой надежды.

Проходя ее, я натерпелся страха за себя и за Вовика, который стоял внизу: я мог засыпать его одним неловким движением. После этого прошли еще одну стенку метров пятнадцати и по увалам подошли вплотную к северным скалам гребня Нупце.

Отсюда ледник Кхумбу просматривается весь до западных склонов Лхоцзе, левее видна вершина Эвереста и верхняя стенка нашего контрфорса. Я долго бродил по леднику в поисках следов лагеря 6100 предыдущих экспедиций, консультировался с базой по рации, но никаких остатков лагеря и даже намека на них найти не удалось. Со времени предыдущей экспедиции прошло меньше года, но ледник движется так быстро и со склонов валят снег и лед так интенсивно, что все скрывается в толще льда. Ветры завершают работу, заглаживая поверхность ледника.

Оставили палатки на 6100 и пошли на спуск. Опять поволновались на “живой” стене, хотя спускались по веревке, но без спусковых приспособлений, и на маятнике мне стоило большого труда встегнуть узел в промежуточный карабин.

“Живыми” мы называем отдельные, свободно лежащие камни, которые представляют особую опасность при восхождении. Случайно сдвинутый неосторожным движением, веревкой или сильным порывом ветра, такой камень может вызвать цепную реакцию и привести к камнепаду или обвалу. Ужасно чувствуешь себя, когда сверху со свистом и воем артиллерийских снарядов несется целый залп камней самого разного

калибра. Возможные места камнепадов мы стараемся предусмотреть и прокладывать маршрут по гребешкам или под стенками, чтобы иметь прикрытие.

Самое неприятное, когда все-таки приходится идти по “живому”, когда невозможно обойти по монолитной скале или по прочному льду. В этом случае стараешься вообразить себя мухой, как будто в тебе совсем нет веса. Идешь крайне осторожно, медленно, плавно, без рывков, осматриваешь каждый камень, считаешь каждое движение, старательно укладываешь идущую за тобой веревку, которая тоже может сдвинуть камень. На “живых” стенках, как правило, невозможно организовать надежную страховку: нет монолитной скалы, некуда забить крюк, которому ты доверил бы свою жизнь.

Альпинисты очень не любят такие места, и никакая самая крутая, отвесная или даже отрицательная, но прочная стенка не может сравниться по сложности прохождения с некрутым, но разрушенным участком.

Вспоминаю восхождение сборной команды Ленинграда на чемпионате страны. 1979 года по центру северной стены, пика Революции (6975). Один из участков маршрута — стена всего сто метров, крутизной 80 градусов — занял у меня день работы, и все это время я не знал, что будет в следующую секунду: рухнет подо мной вся эта многотонная масса или мне удастся шагнуть на более прочную опору, выдержит ли только что забитый крюк или вылетит, едва я на него стану ногой. После того как по перилам прошла основная команда и мы сняли веревки, оказалось, что все они пробиты, камнями и для работы уже непригодны.

Поэтому когда альпинисты изучают маршрут, они интересуются не только крутизной и протяженностью сложных мест, но и тем, что за порода, насколько она разрушена, какие крючья в ней лучше держат. И высшей квалификацией альпиниста является умение пройти по “живому”, не сбросив ни одного камня.

Технический прием “маятник” используется в альпинизме и скалолазании довольно широко, в основном на отвесных стенах. Например, при переходе с одной вертикальной щели на другую, между которыми невозможно пройти свободным лазанием. В щели забивается крюк, продевается веревка, альпинист спускается на несколько метров и, вися на веревке, отталкиваясь и раскачиваясь вдоль стены, перелетает на параллельную щель.

На среднем плато выдернули желтую американскую веревку, которая прошивала четыре-пять сераков на глубине одного метра.

Ледопад, как и место базового лагеря, — музей истории покорения Эвереста. Эта гигантская ступенька ледника Кхумбу — как грандиозная витрина с постоянно меняющейся экспозицией, на которой демонстрируется разнообразнейшее снаряжение десятков экспедиций. Хронологически распределение экспонатов напоминает геологический срез: на нижних полках следы пионеров ледопада — британцев и швейцарцев, наверху — богатая коллекция болгарских и японских вещей, оставленных в 1981 году. Там, где ледопад прекращает свое не заметное глазу падение и переходит в спокойный долинный ледник, нам даже удалось найти свидетельства пребывания экспедиции сэра Джона Ханта (1953 г.). Выше, где ледопад открывает и закрывает свои трещины, повторяя изгибы скального ложа, встречались то французская пластиковая банка, то испанская веревка, то итальянский карабин. Перед выходом на 6100 обнаружили болгарскую лестницу в хорошем состоянии. Иногда эти вещи путем сложного перемещения слоев выносятся на поверхность или даже на верхушку серака, иногда их замечаешь в стенках трещин на пяти-, десятиметровой глубине. Есть они и глубже, но там темно.

К сожалению, ни капли огромного труда, затраченного альпинистами на прокладку дороги через ледопад, не может быть использовано их последователями. Подвижки

ледника и разрушительное действие солнца за три-четыре недели приводят дорогу в полную негодность.

22 марта. Общий день отдыха. Хотя до сих пор минуты свободной не было.

Итак, наконец-то собралась почти вся экспедиция, кроме Ефимова, Ильинского, Кононова, Трощиненко. Они до сих пор идут с караваном. Вчера полдня мы “отходили” от работы на маршруте. Надо заметить, что после каждого выхода устаешь так, что последний подъем к палаткам — три метра перепада — преодолеваешь в несколько приемов. Особенно изматывает палящее солнце среди царства снега и льда.

В лагере обычная суета новоселья. Устанавливаются палатки и антенны, сортируются продукты и снаряжение, распаковывается и “перенюхивается” личное барахло.

Под личные вещи нам с Володей выделили три баула на двоих, и они были забиты, до отказа. Все мы. впервые участвовали в подобной экспедиции, не имели опыта и четкого представления о том, что же конкретно нужно брать с собой. Какие кошки будут лучше держать на этом льду? Какие рукавицы потребуются на леднике, какие на скале и какие на самом верху? Все взяли по две-три пары ботинок, большое количество теплого белья, носков, солнцезащитных очков. Мы получили абсолютно все снаряжение, необходимое для жизни и работы, но, конечно, каждый привез или свою любимую рубашку, или исключительно удобные штормовые брюки, или кошки собственной конструкции, проверенные на многих сложных восхождениях. Я в основном ориентировался на то, что было выдано, но некоторые вещи переделал еще дома (беседку, рюкзак, ветрозащитный костюм), а другие подгонял уже в базовом лагере.

Между делом, под шумок, нам четверым, занятым на продуктовом складе, удалось помыть головы. Это событие произошло впервые за последние две недели, и мы прямо блаженствовали. А если все пойдет нормально, то мы и баню устроим.

Ребята, только что пришедшие в базовый лагерь, чувствуют себя по-разному. Большинство нормально, у некоторых болит голова. Хуже всех приходится Володе Воскобойникову, который впервые на такой высоте. Вчера почти не вставал. Сегодня отдает кое-какие указания шерпам на кухне.

Владимир Александрович Воскобойников — заместитель генерального директора Всесоюзного научно-исследовательского института пищевой промышленности и концентратов, кандидат наук, очень грамотный специалист своего дела. Мы познакомились с ним на летнем сборе 1981 года на Памире, куда он приезжал для отработки “гималайского меню”. Он сразу нам понравился, а когда встал за плиту и приготовил несколько блюд, мы были в восторге и приложили все силы, чтобы уговорить его поехать в экспедицию. И не ошиблись. Безвылазно находясь в базовом лагере в течение двух месяцев, он не устал придумывать новые блюда, удивлять каждого его любимым лакомством, находить теплые слова для уставших, расстроенных, огорченных...

В первые дни на Володю кроме горной болезни обрушилось еще одно несчастье. Губы его от ультрафиолетового облучения настолько обгорели и потрескались, что на них было страшно смотреть.

Сегодня обсуждался выход передовой группы на 6500. Мы с Колей Черным убедили Анатолия Георгиевича, что завтра выходить в столь серьезный поход рановато, надо подготовиться. Решили идти послезавтра с одной или двумя ночевками.

Ужин был праздничным — в честь дня рождения Миши Туркевича. От имени руководства Евгений Игоревич подарил очки “окула”, а от передовой группы мы преподнесли трофеи с ледника Кхумбу — веревку и карабин. К сожалению, не было ни гитары, ни запевалы, поэтому весело было, только пока ели. Пытались спеть пару песен, но быстро поняли, что без аккомпанемента это безнадежно. Вдруг вспомнили про записи

Высоцкого. Слушали в полной тишине. Может быть, это внимание — признак наступающей ностальгии? Впрочем, вряд ли. Слишком рано.

Между прочим, впервые с момента вылета из Катманду так поздно (уже 23.00) не ложусь спать. Завтра подъем в 8.00, да и тот не обязательный. Завтрак в 9.00. Не узнаю Овчинникова — как же без зарядок? Кстати, на мой взгляд, шеф заметно сдал за прошедший год, стал хуже слышать и быстрее уставать, а главное — нет той жесткости, непреклонности в отстаивании собственной позиции, которая раньше так бросалась в глаза и вызывала много неудовольствия со стороны наших ребят.

Интересно менялось мое отношение к нему. При первом знакомстве на сборе 1980 года в Ачик-Таше он мне явно не понравился своей сухостью, педантичностью и требовательностью, которая, казалось, доходила до абсурда.

Постепенно я стал узнавать его глубже. Сначала по некоторым поступкам, потом в наших разговорах, из его рассказов и воспоминаний и, наконец, по совместной работе в походе и на маршруте. Теперь я думаю, что это человек не только очень волевой и целеустремленный (что было ясно с самого начала), но и добрый, бескорыстный, кристально честный. Я бы сказал — глубоко порядочный. Очень импонирует мне его спортивность, способность “заводиться”. То есть тот спортивный азарт, без которого невозможно добиться больших успехов в спорте. А часто и в жизни.

Возможно, мое мнение изменится. Возможно, будут конфликты, но хочется надеяться, что в главном я не ошибся.

У Евгения Игоревича виски совершенно седые, чего я еще в Москве не замечал.

23 марта. День подготовки к выходу. Кажется, ничего существенного не произошло, если не считать небольших разногласий с Шопиным по поводу рации.

При распределении груза я, с согласия Эдика, взял себе рацию.

— Рация должна быть у руководителя, — возразил Володя, — получается, что мы проявляем неуважение к нему.

— Но ведь он сам согласился.

— Ну и что? Просто он мягкий человек и не смог тебе отказать.

Рация перешла к Эдику. Но ненадолго. В дальнейшем логика работы заставила меня все-таки взять ее себе.

Вечером написал письма маме и друзьям-ленинградцам. 24 марта вышли в 5.15. Вместе с нами вышла группа Онищенко (Хомутов, Голодов, Москальцов). На два часа позже — группа Иванова. Обе группы должны были работать на ледопаде, не выше промежуточного лагеря, и возвратиться в тот же день. Прошли ледопад за семь часов. Мы в связке с Анатолием Георгиевичем шли неплохо. Эдик немного отставал. На 60-метровой стенке Шопину пришлось вытаскивать рюкзаки Коли и Эдика и их самих. Я тоже немного помог Анатолию Георгиевичу. Он сказал, что это второй случай в его жизни, когда его вытаскивают на веревке. Первый раз ему помог Миша Хергиани где-то в Альпах или в Шотландии.

Поднявшись на 6100 очень рано, в 12.00, стали думать: идти дальше или ночевать? Пока готовили чай, погода сильно ухудшилась, и само собой пришло решение подождать до утра. Вечер провели в разговорах. Жалели, что не взяли с собой “Эрудит”. К нашему изумлению, утром погода оказалась не лучше, чем вечером. Видимость сто метров или меньше, ветер, переменная глубина снега. Вышли часов в девять, Эдик шел впереди. После первого привала, через час, видимо, заметив, что Эдик выдохся, Анатолий Георгиевич предложил мне выйти вперед. Я с радостью согласился и шел первым до самого конца.

В часе ходьбы от лагеря 6100 виден весь Западный цирк от склонов Лхоцзе до ледопада. Хотя слово “цирк” предполагает круглое формирование, в альпинизме этим

термином обозначается область, окруженная гребнями, как правило, с трех сторон. Западный цирк ограничен горами в форме буквы “П”, или, как раньше говорили, “покоем”. С востока вздымается мощный скальный склон Лхоцзе (8501) — четвертой по высоте вершины мира,— который образует перекладину “П”. От нее почти ровным гребнем в несколько километров тянется массив Нупцзе (7900), который обрывается к леднику Кхумбу напротив базового лагеря. Это южный “забор” цирка. А с севера — грандиозная пирамида Эвереста с его великолепной южной стеной и длинным западным гребнем до перевала Лхо-Ла. Между Эверестом и Лхоцзе есть перемычка на высоте 8000 метров — самый высокий в мире перевал. Это знаменитое Южное седло, через которое по пути первовосходителей на Эверест шло абсолютное большинство экспедиций. Западный цирк — почти ровная ледяная река шириной один и длиной пять километров. Здесь, в средней части этой реки, и расположился лагерь-1.

В Западном цирке начинается ледник Кхумбу, который, обрываясь 800-метровым ледопадом к базовому лагерю, резко поворачивает на юг и течет еще несколько километров по широкой холодной долине. Нижняя часть его так сильно завалена камнями, что язык ледника почти не виден.

Ледник, по оценке старших, в хорошем состоянии, трещины закрыты плотным снегом, и мне удалось проложить совершенно прямую дорогу на несколько километров. Шли четыре с половиной часа. Сначала наткнулись на остатки болгарского лагеря 6500 посередине ледника. Нашли много крючьев — ледобуры, фирновые и несколько банок продуктов — джемы, соусы, брынзу и др. Еще минут через тридцать пришли в лагерь 6500 на морене вблизи южной стены Эвереста.

Я снял рюкзак у жалких лохмотьев какой-то каркасной палатки и пошел искать место поровней.

Морена — несколько десятков метров длиной и несколько метров шириной — почти не возвышается над уровнем ледника. Крутые камни во льду, совсем нет горизонтальных площадок. Много газовых баллонов, консервных банок, пара очень больших желтых баллонов из-под кислорода. По обилию и ассортименту мусора — базовый лагерь в миниатюре.

Через несколько минут подошел Анатолий Георгиевич, тоже побродил, не очень довольный увиденным. Чуть позже собрались остальные. Как часто бывает в таких случаях, сиюминутная усталость заслонила интересы общего дела. Не нашлось сил, чтобы погулять десять минут по морене и найти удобное место для палатки, которой предстояло стоять здесь два месяца. Плюхнулись, куда дошли. В итоге работы сделали больше, так как пришлось выравнивать снежно-ледовый склон.

Итак, на 6500 мы установили “Зиму” и в хорошем настроении устроили обильный ужин из трофейных продуктов. Я опять кашеварил. Все были довольны. Улеглись в благодушном настроении.

Проснулись в полночь от сильнейшего ветра и громкого хлопанья палатки. Несколько резинок на растяжках порвалось, и это грозило разрывом всей палатки. Поднялся Эдик, за ним я, оделись и привязали растяжки. Едва успели влезть в спальники, как порвалась еще одна резинка. Нам показалось, что ветер стихает, и мы решили ее не привязывать. Лень взяла свое: очень не хотелось выходить в эту кутерьму, где голые руки мгновенно коченеют, а дыхание перехватывает от ураганного ветра. Видимо, прошел час или два, когда я проснулся оттого, что в лицо сыпал снег. Снег был на спальнике и по всей палатке. Посмотрел на форточки — завязаны. И тут увидел, что около двери зияет огромная дыра вдоль пола и разрыв грозит увеличиться. Не вылезая из спальника, подполз к дыре, закрыл ее спиной. Я надеялся, что скоро рассвет. Почему-то мне казалось, что с восходом солнца ветер прекратится или ослабнет, как это было во время

урагана в базовом лагере. Сначала мне было не холодно, спать не хотелось, шум почти не утомлял. Потом я стал мерзнуть и, поймав паузу между порывами ветра, дотянулся до второго спальника (у нас были двойные состегивающиеся). Влезть в него я не мог и только подпихнул под себя. Еще через полчаса опять стало холодно. Мерзла спина, прижатая к дыре, и тянуло холодом от пола.

Подтащил пустой рюкзак, проложил его между собой и дырой. Иногда забывался во сне, потом просыпался от холода, переворачивался, пытаюсь согреться. Не знаю, спали ли остальные, но никакого движения я не замечал. Видимо, это продолжалось часа четыре. Мне показалось, что дальше без помощи не справиться.

Стараясь перекричать шум ветра и хлопающей ткани, стал будить мужиков. Я хотел, как и предлагал вечером, чтобы все легли с наветренной стороны и держали палатку. Однако Эдик и Коля только повалили центральную стойку. Хлопанье еще больше усилилось, а я остался на своем посту. Приходилось прикрывать голову руками, потому что удары ткани по ней напоминали тренировку боксера с грушей. Наконец подтянул к себе каримат и, окончательно измотанный бессонной ночью, ненадолго провалился в сон. Проснулся, когда было уже светло. Вся палатка засыпана снегом и беспорядочно разбросанными продуктами, посудой, одеждой. Дыр в стенах как дверей в пассажирском вагоне и через каждую свободно может пролезть человек (что мы и сделали впоследствии). Эдик велел одеваться, оставить вещи под этой рваной тряпкой, привалить ее камнями и уходить. Коля через дыру вылез наружу, притащил наши наружные ботинки и кое-какие вещи, которые оказались не слишком летучими (а вот пуховка Шопина упорхнула бесследно). У меня, к моему удивлению, пропал только чехол от спальника, хотя все вещи лежали как раз у дыры. Не особенно надеясь на надежность такого своеобразного склада, я захватил свои вещи на 6100. Когда мы покидали эту "гостеприимную" морену, ветер был настолько сильным, что приходилось ложиться на него. Хорошо, что спиной.

Через две трети пути встретили Хрищатого, Валиева, Чепчева и Наванга, которые с тяжелыми рюкзаками пробивались вверх через эту стену ветра и снега. Ребятам досталось.

На 6100 пришли в 13.00. Все лежали утомленные. Я топил снег на газе. Чуть раньше двух часов появился Иванов, у них было задание в тот день подняться на 6500, но из базового лагеря они вышли поздно и теперь дойти до стены было уже нереально. С другой стороны, промежуточный лагерь на 6100 совсем не оборудован для ночевки — нет спальников и кариматов. В конце концов они все-таки решили ночевать здесь, а мы начали спускаться домой. Дорога через ледопад обработана неплохо.

Анатолий Георгиевич так вымотался, что в базовом лагере даже не пришел на ужин. Здесь только что появились Сережа Ефимов и Эрик Ильинский с очередной частью каравана. У них масса впечатлений о путешествии по тропической части Непала, которую нашей группе увидеть не удалось: мы пролетели над ней на самолете.

28 марта день отдыха для нашей группы. На 6100 вышла группа Онищенко.

Сегодня стирали, шили, принимали прибывающие снизу грузы. В базовый лагерь поднялись последние члены экспедиции — Трошиненко и Кононов. Что-то непонятно с грузами. Не хватает поролонов, веревок, у Ильинского пропал двойной вибрам.

Группа Иванова сегодня обработала четырнадцать веревок, причем почему-то слева от кулуара. Завтра должна была выйти на отметку 7200, но работать отказалась и спускается вниз.

Прогулявшись с Володей из лагеря 6500. под маршрут мы наметили путь правее небольшого кулуара по слабо выраженному контрфорсу. Бершов и Туркевич, которые первыми начали обработку стены, пошли левее этого кулуара, и только через

шестнадцать веревок маршрут перешел направо. Впоследствии мы убедились, что такое решение было совершенно правильным.

После того как группа Иванова повесила свои четырнадцать веревок, у них почти не осталось снаряжения для дальнейшей обработки. Им не имело смысла ради трех-четырех веревок подниматься на 400 метров и терять день. Это было первым сбоем в наших планах.

Группа Онищенко сделала за день две ходки от 6100 до 6500 и завтра собирается подняться на маршрут, установить временную палатку и продолжить обработку.

Обсуждался вопрос, когда выходить нам. Видимо, с “подачи” Эдика мы будем отдыхать еще и завтра, хотя Евгений Игоревич очень расстроен срывом плана и ему хотелось бы отправить нас пораньше. Я тоже ввязался в эту дискуссию, не столько в надежде изменить решение тренерского совета, сколько показать нашу позицию, напомнить о том, что участники не пешки в этой игре, а тоже думают, считают, переживают.

Вчера появилась американка в штанах из мешковины, длинном платье и какой-то куртке-халате. Коля с ней оживленно беседовал, но после того, как она, показав на подошедшего длинного парня, сказала: “Мой друг Малькольм из Великобритании”, интерес у Коли погас.

29 марта. Вечером провели разбор выхода группы Иванова. Он обвинял руководство во всех грехах: что был запланирован слишком большой объем работы для группы, не имеющей акклиматизации, из-за чего им пришлось ночевать на 6100 без спальников; что не хватило снаряжения для обработки; что проявилось недоверие к их решению спускаться на день раньше. Руководство оправдывалось и почти извинялось перед ним. В конце концов приняли решение считать выход успешным.

Пожалуй, только после экспедиции мы смогли, оценить, насколько мудро и дипломатично проводил разборы Евгений Игоревич. Безусловно, в таком сложном, многоплановом деле, как гималайская экспедиция, не могло обойтись без конфликтов. Здесь собрались люди, каждый из которых имел свой богатый опыт проведения крупных экспедиций на первенствах страны, опыт руководства коллективами людей в горах и в альпсекциях. Каждый был лидером своей команды и имел четкое мнение о том, как надо решать тот или иной вопрос. Однако эти мнения не всегда совпадали. К тому же здесь положились дополнительные трудности — плохая погода, маршрут сложнее, чем предполагали, отсутствие опыта работы в гималайской тактике. Каждый предлагал свои решения, каждый был уверен в своей правоте, а начальнику надо было либо найти компромисс, либо отдать предпочтение одним, не обидев других, либо отстоять свою позицию. Евгений Игоревич удивительно тонко сглаживал разногласия, умудряясь твердо проводить главную линию, не используя нажим, избегая приказной формы. Многие гималайские экспедиции, составленные из ярких индивидуальностей, провалились потому, что отдельные “звезды” не смогли духовно объединиться, не нашли общего языка. Нам счастливо удалось направить все усилия в одно русло, и заслуга в этом не только советской альпинистской школы с ее твердой дисциплиной, но и мудрой, тактичной, предусмотрительной политики нашего начальника.

30 марта. Весь день простояла идеальная погода. На полпути из промежуточного в лагерь-1 было даже жарко, но вверху подул ветерок, и похолодало. Придя на 6500, я занялся восстановлением нашей многострадальной “Зимы”, а Володя поставил воду на примус и не заметил, как уснул.

Попили чаю. Часа через два появились остальные. На этот раз самочувствие у всех нормальное, правда, Анатолий Георгиевич сильно устал. Я побродил по леднику,

осматривая места стоянок предыдущих экспедиций, а потом начал заглядывать в трещины, надеясь найти пуховку Шопина, унесенную ветром неделю назад.

Не прошло и десяти минут, как моя затея увенчалась успехом. Вовик надел кошки, взял ледовое снаряжение и на моей страховке спустился за пуховкой на дно десятиметровой трещины.

Завтра надо найти место и поставить лагерь-2. Уже пройдено и провешено 20 веревок в направлении лагеря и осталось еще приблизительно восемь. Еще пару дней надо таскать грузы в этот лагерь, а дальше обрабатывать нам пока не разрешают. Боюсь, что так и не удастся поработать на маршруте первым.

31 марта. Утром мы с Володей, взяв в рюкзаки приблизительно по пятнадцать килограммов груза, двинулись из лагеря-1. Первые четырнадцать веревок я проскочил за полтора часа. Взял оставленные там две веревки, тридцать крючьев и молоток. Когда дошел до конца перил, Володя был на две-три веревки ниже, поэтому, как я и предполагал, пришлось работать в технике одиночного хождения. Впрочем, маршрут был достаточно прост, и я закреплял перила, особенно не заботясь о соблюдении самостраховки. Неудобство состояло в том, что после навешивания веревки приходилось снимать рюкзак, доставать следующую, разматывать ее аккуратно на площадке, чтобы не запуталась, опять надевать рюкзак и идти вперед с верхним концом.

Отвлекали лишние разговоры по рации, которые, впрочем, я старался предельно сокращать. Эдику я посоветовал ставить палатку на четырнадцатой веревке, потому что более удобного места мне пока не попало, а на подготовку площадки требовалось время. Было уже 13.00, и сколько мне придется идти до хорошей площадки, было совершенно неизвестно.

Из-за обработки маршрута темп моего движения, конечно, упал, и Володя начал меня догонять. Когда я повесил все свои семь веревок, мы начали работать в связке. Скалы стали круче, поиск приемлемых вариантов усложнился, и работа замедлилась. Перепад высоты от лагеря-1 достиг по альтметру 800 метров. К тому же день шел к вечеру и пора было заканчивать работу на маршруте.

Володя уговорил меня остановиться на двух небольших площадках, которые впоследствии с большим трудом удалось приспособить под палатки на двух человек каждая. Мы оставили снаряжение и заторопились вниз.

Уже в темноте я подходил к лагерю. Недалеко от палатки я почувствовал полное изнеможение и лег на лед лицом вниз (рюкзак не позволил лечь на спину). Через несколько минут поднялся, боясь уснуть здесь на ночь глядя, и, тщательно обходя трещины, благополучно доплелся до "Зимы". Володя грел воду на газовой плите, Анатолий Георгиевич лежал в спальнике. Тут мы вспомнили, что ничего не ели и не пили с восьми утра, что наш рабочий день продолжался десять часов, что завтра нам опять предстоит тащить по пятнадцать-двадцать килограммов на высоту 800 метров.

Есть совершенно не хотелось, но я заставил себя поесть довольно плотно. Володя только пил. Зато утром я вообще ничего не ел, не мог, а Володя, наоборот, позавтракал. Еще раз я убедился, что нет смысла заставлять себя есть, когда нет аппетита. Возможно, что это даже ухудшает сон и восстановление мышц. Как двигатель внутреннего сгорания не способен развить достаточную мощность при нехватке воздуха, сколько ни увеличивай подачу бензина, так неакклиматизированный организм не может усвоить пищу, если не получает соответствующего количества кислорода.

Вставать и выходить не было ни малейшего желания. Зная, что за день мы все равно пройдем эти тридцать веревок, решили выйти попозже.

Только сейчас я заметил, что все дыры в нашей палатке тщательно зашиты: Анатолий Георгиевич зря времени не терял.

Стартовали в 11.00. В 13.30 я был уже у четырнадцатой веревки, взял дополнительный груз (всего около семнадцати килограммов). В это время Эдик по связи с площадки лагеря-2 пожурил нас за поздний выход. Когда я поднялся к ним, было около 17 часов.

Оказалось, что в лагере-2 опять вчетвером ночевать негде: палатка не установлена. “Мы перевернули несколько кубометров породы, но площадка получилась только на двоих”. У меня екнуло сердце: неужели опять идти на 6500? “Если вы не против, мы спустимся, а вы сами поставите палатку и переночуете здесь”. Я облегченно вздохнул: лишь бы больше никуда не идти!

Ребята спустились к Анатолию Георгиевичу уже в темноте. Им в предыдущую ночь не повезло. Не послушав рекомендации Иванова, они поставили палатку под камнеопасным кулуаром и, конечно, “поймали” несколько камней. К счастью, обошлось без травм.

Час возился с палаткой, закрепляя растяжки понадежнее. Мы с Шопиным неплохо разместились на трех кариматах среди четырех спальников. Хорошо поужинали.

Ночью порывы ветра были настолько сильными и резкими, что казалось, нас поднимет и унесет вместе с палаткой. Голова у меня оказалась очень низко и вплотную к выходу. Было холодно и неприятно от ударов ткани, рукав входа постоянно шлепал по лицу, и никуда от него было не деться. Я провертелся всю ночь и к утру почувствовал страшную головную боль. А я считал себя хорошо акклиматизированным.

Головная боль на высоте — признак горной болезни и преследует каждого альпиниста в период акклиматизации. Часто ее появление невольно связываешь с какими-то неудобствами. Мне казалось, что голова болит оттого, что она очень низко лежала и что я не выпался из-за шума ветра. Помню первый подъем на пик Коммунизма — ночевку на 6500 перед выходом на вершину. Под голову попал какой-то твердый предмет, от которого я никак не мог избавиться. Наутро именно в этом месте ощущалась сильная головная боль. Теперь я понимаю, что дело не в неудобствах. Японцы всю жизнь спят на деревянных полешках вместо подушек — и голова не болит.

Уже давно пора вставать и улучшать площадки или хотя бы идти вниз, а мы лежим, не в силах это сделать.

Наконец потихоньку начали греть воду. Кружка кофе сразу вывела меня из оцепенения. Правда, это “сразу” произошло к часу дня.

Мы видели, как снизу к нам подходит группа Валиев — Хрищатый — Чепчев — Наванг... Еще ниже шли Мысловский — Черный — Овчинников.

Начали спуск. При встрече Овчинников сказал, что они решили нести грузы до 16 часов, чтобы успеть засветло спуститься в лагерь-1. Таким образом, получилось, что Коля оставил груз, не дойдя четырех веревок до лагеря-2, а Эдик — семи-восемью веревок.

Анатолий Георгиевич оставил свои тринадцать килограммов на площадке, которая везде фигурирует под названием “четырнадцатая веревка”. Шеф спустился, как я понял, в смешанных чувствах. С одной стороны, для него было неожиданным, что он не смог дойти до лагеря-2, и это его расстроило. С другой — он все-таки получил удовольствие оттого, что побывал на стене самого Эвереста.

Во время дополнительной вечерней связи было принято решение — завтра нашей группе спускаться вниз. Казбеку хватит снаряжения для обработки маршрута до подхода следующей группы.

Вечером кухней занимались Коля и Эдик. Надо заметить, что, хотя мы уже третий день ничего не ели, острого голода я не испытывал. Заставлять себя есть не было нужды, так как завтра — вниз, в лагерь. Там отъедемся.

3 апреля. Однако события закрутились несколько по-другому. До 6100 мы с Володей добежали за час, а дальше начались осложнения. Оказалось, что за последние дни дорога через ледопад сильно ухудшилась, а 60-метровая стенка стала предельно опасной. Мы занялись переделкой дороги, и возвращение в лагерь затянулось до вечера. Пришлось поднять все лестницы с опасного участка и перенести метров на двести правее. Установили мягкую десятиметровую лестницу из репшура, жесткую в один пролет и две трехпролетных на отвесной стене и еще один пролет внизу через трещину.

Требуются, конечно, еще доработки, но в целом вариант смотрится не так страшно, как раньше. Лед крепкий, монолитный, и сверху ничего не висит.

Из-за этой задержки мы оказались на ледопаде в самое пекло. Желание выбраться из этой белой печки было так велико, что я обошел на очередном вираже колонну Мысловский — Черный — Овчинников, для порядка попросив разрешения.

В лагере все мы, конечно, накинудись на сок. Причем Володя выдал по паре кружек сока манго, которые после разведения превратились в четыре-пять. Хорошо пообедали и еще лучше помылись в гелиобане. Отличная вещь. На улице холод, а в бане теплынь и вода почти пригодная для мытья.

Гелиобаня, сделанная на одном из омских заводов специально для нашей экспедиции, представляет собой круглую палатку из темной ткани, покрытую полиэтиленовым чехлом. Солнце нагревает воздух внутри бани и воду в черном резервуаре на крыше. К сожалению, мы так и не дождались хороших, солнечных дней, но все-таки в бане было достаточно тепло, чтобы раздеться, а воду мы грели тут же на примусах. Наша баня была предметом зависти многочисленных туристов, вынужденных в путешествиях по Непалу неделями обходиться без мытья.

4 апреля. Хотя погода плохая, но все-таки дело движется к лету: заметно теплеет и ледник интенсивно тает. Сегодня спускали озеро, которое грозило затопить нашу палатку, переносили продукты в новый холодильник (старый оказался затопленным), выполнили строку плана киногоруппы — медосмотр. В перерывах ели, играли в домино.

Казбек сегодня прошел еще веревок двенадцать. Не совсем ясно, где он находится, но похоже, что уже можно устанавливать лагерь-3. Это где-то на 7800. Кажется, самая трудная часть маршрута пройдена. Кстати, Валиев, Хрищатый, Чепчев — первые из советских восходителей, превысившие потолок 7500, хотя, впрочем, трудно сказать, превзошли ли они Конгур, на котором были К. Кузьмин и другие.

Иванов опять вышел сегодня на заброску поздно, в 10.00, и неизвестно, занес ли грузы на 7350.

Сегодня же в лагерь-1 прибыл Онищенко с группой. Их там теперь десять человек. Шумно и весело. Хозяйственный Сергей Ефимов сразу начал наводить порядок с питанием и снаряжением.

Завтра Трощиненко и Шопин собираются снимать шерпов на ледопаде. Венделовский, Коваленко, Мысловский, Черный и Кононов планируют пойти на Калапату. Я пока не при деле.

6 апреля. Состоялся разбор выходов всех групп, побывавших в высокогорной зоне.

Иванов опять возмущался. На этот раз еще и тем, что его группе не дали переночевать на 7350, хотя я лично слышал, как Евгений Игоревич на связи предлагал ему сделать это двойками.

Действия нашей группы, установившей лагерь-2 и обеспечившей работу четверки Валиева, были признаны успешными. Как и действия группы Казбека, которая прошла семнадцать веревок выше лагеря-2.

Сегодня наверху работала группа Онищенко. По плану они должны были доставить все необходимое из лагеря 7350 до 7800 для жизнеобеспечения лагеря-3. Однако сделали немного: заболел Слава.

Перед нашим выходом Евгений Игоревич провел опрос участников нашей группы — готовы ли мы выходить на день раньше. Я в этом опросе не участвовал, но тоже наверняка ответил бы положительно. Нам поручено найти место для лагеря-4. При этом считалось, что лагерь-3 практически поставлен. Мы вышли в хорошем настроении, сознавая важность поставленной задачи и в полной уверенности, что выполним ее.

Из радиоразговоров с лагерем-2 чувствовалось, что группа Онищенко работает как-то не очень хорошо. Сам Слава вообще не выходит из палатки. Погода наверху плохая.

Придя на 6500, узнали, что Славу спускают. В наступающей темноте сначала мы с Эриком, который в это время был комендантом лагеря-1, а потом и Володя Шопин вышли навстречу. Слава шел все время с кислородом, но чувствовал себя очень плохо.

На следующий день мы не спеша поднялись на 7350 с небольшим грузом. Вместе с нами поднялся Эрик и ночевал в палатке с Эдиком и Колей. Последний был недоволен этим обстоятельством, — очень тесно. Мы с Володей в своей старой знакомой палатке поспали неплохо. Утром Эдик выразил желание идти со мной впереди, сказал, что на этот раз очень хорошо себя чувствует.

— Не знаешь, почему это ему захотелось идти в первой связке? — спросил Володя, когда мы остались одни, видимо, несколько огорченный решением руководителя.

— Наверное, возникла острая потребность руководить, принимать решения, выбирать маршрут. Вообще-то я боюсь этого, не знаю, как мы сработаемся.

— Да, лучшего партнера по связке, чем я, тебе трудно будет найти.

Я горячо согласился с ним. Действительно, мы понимали друг друга с полуслова. Володя, лидер ленинградского “Зенита”, много ходил первым и отлично разбирается в психологических аспектах работы ведущего в группе. Поэтому он никогда не навязывал мне своего мнения, прекрасно понимая, что первому виднее.

Работа в связке при кажущейся простоте (первый лезет, второй страхует) таит в себе много сложностей и неожиданностей. Причем первый испытывает в основном технические и физические трудности, а на второго ложится главная психологическая нагрузка. Он должен мысленно слиться с ведущим, одинаково с ним видеть, чувствовать, думать. Его обязанность не просто держать веревку на случай срыва первого, а тонко понимать состояние партнера, предвидеть его действия (в том числе и срыв) и всячески помогать в работе. Казалось бы. как можно помочь на расстоянии десяти-двенадцати метров, иногда даже не видя напарника за выступом? Но веревка при этом — не просто сплетение капроновых нитей, но и связь между людьми, нерв, соединяющий два организма в единое целое.

Взаимоотношения в связке со стороны, почти не заметны. Минимальное количество стандартных команд (“выдай”, “выбери”, “закрепив”), скупой набор движений, — но точность действий и понимание должны быть, пожалуй, не меньше, чем у воздушных гимнастов. Страхующий должен чувствовать прочность опоры ведущего, усталость его пальцев, надежность только что забитого крюка, хватит ли веревки до ближайшей удобной полки. Должен правильно оценить снизу сложность маршрута и вовремя подсказать направление движения. Страхующему приходится подолгу стоять или висеть неподвижно, в неудобной позе, на сильном морозе, на ветру или под струями воды, и при этом он постоянно находится в нервном напряжении, не может отвлечься и расслабиться. Ведь в любую секунду может произойти внезапный, непредвиденный срыв. А эта ситуация хотя и редкая, но чрезвычайно опасная. Страхующий должен успеть оценить силу рывка и рассчитать свои усилия. Ни в коем случае нельзя зажимать веревку

намертво,— при этом либо вылетают крючья, либо веревка режется о выступ. Для смягчения рывка надо выдать несколько метров, постепенно затормаживая веревку до остановки.

Особенно хорошо чувствуют партнера люди, которые сами много ходили впереди. На пике Октябрьской Революции мне посчастливилось работать на страховке мастера спорта международного класса Толи Носова и мастера спорта Юры Борзова, на пике Коммунизма — Коли Степанова, на Эвересте — Володи Шопина. Все они великолепные альпинисты, прошедшие много сложнейших стен, и у нас сразу появлялось полное взаимопонимание, хотя мы впервые оказывались вместе в одной связке.

Самые напряженные моменты возникают, когда связке приходится спускаться по сложному маршруту, не используя продергивание сдвоенной веревки. При этом первый, спустившись по закрепленной веревке, организует страховку и принимает второго. Последний в случае срыва пролетает расстояние, вдвое превышающее отрезок свободной веревки, то есть до восьмидесяти метров. А это — гарантия травмы, если не больше. Здесь страхующий должен быть особенно чутким, чтобы не сдернуть товарища при выборе провиса. Такая опасность часто возникает при спуске по гребню, где небольшие стеночки чередуются с простыми участками, которые притупляют бдительность, провоцируют нижнего на ускорение движения.

Место, намеченное для лагеря-3, мне не понравилось, несмотря на настойчивые рекомендации Голодова ставить лагерь именно здесь.

Мы с Эдиком взяли четыре веревки, крючья и стали работать дальше. Действительно, до подходящего места оказалось три с половиной веревки.

Район лагеря-3 (7800) — единственное место на всем маршруте, где постоянно лежит снег, то есть крутизна скал здесь поменьше. Это снежное плато протяженностью три-четыре веревки как бы разделяет два самых тяжелых участка нашего контрфорса. Снег здесь хотя и держится, но плохо, а из-под его тонкого слоя во многих местах просвечивает лед. Поэтому нам с большим трудом удалось отвоевать маленькую площадку под нависающей скалой. В двух метрах от палатки юго-восточная сторона контрфорса обрывалась стенами в кулуар Боннингтона.

Вообще-то в этот день планировался спуск на 7350, но к концу рабочего дня снегом так присыпало скалы, что спускаться стало опасно, и группа решила переночевать здесь.

Площадку делали на скорую руку. Завалились все в одну палатку, усталые и злые.

Чувствовалось отсутствие акклиматизации — все мы впервые на высоте 7800 не только в этом сезоне, но и в жизни. В палатке страшно тесно и холодно. Не хочется двигаться, но в скрюченной позе долго не просидишь. Надо срочно разуваться, — пальцы на ногах онемели, но снять утеплители и ботинки — проблема, так как окоченевшие руки не гнутся. Вся одежда и рюкзаки в снегу. Приоткрыв вход, получаешь новую порцию в лицо. Коля с Эдиком начали разводить примус, но он никак не хотел правильно работать, фыркал и коптил. Палатка наполнилась удушающим дымом. Я высунул нос наружу, — лучше холодная метель, чем эта “газовая камера”. Зато когда “Фебус” наконец ровно и мощно загудел, в палатке сразу стало тепло, приятно, и мы занялись приготовлением ужина.

Утром мы с Эдиком пошли посмотреть наверх, а Коля и Володя остались улучшать площадку и ставить вторую палатку.

Очень холодно. Надели на себя все, что было с собой, но не могли избавиться от ощущения, что стоим голыми на морозе. Сразу онемели пальцы рук и ног.

Наш путь идет по западной стороне контрфорса, поэтому солнце здесь появляется только в середине дня. А по календаре, между прочим, только 11 апреля, то есть зима еще окончательно не покинула эти высоты.

Хорошо, что не надо было сразу лезть. Первые две веревки прошли по кромке скал и снега, обходя слева бастионы на гребне контрфорса. Но и путь по снегу оказался не простой ходьбой. Слишком много ледовых участков, причем лед настолько твердый, что ледобурный крюк не входит, кошки не держатся, а ледоруб отскакивает или скалывает тонкие линзы. Видимо, особенно трудно приходилось Эдику, который, стоя на страховке, не имел возможности согреться движением. Мой темп замедлялся еще и потому, что надо было время от времени стучать ботинками друг о друга, чтобы восстановить кровообращение, раскачивать ногой, подпрыгивать на носочках. А лучше всего интенсивно сгибать и разгибать пальцы. Вот почему ботинок должен быть достаточно просторным. Лучше не надеть лишний носок, но иметь свободу движений для пальцев.

Небольшой камин, полка, еще камин — и, протиснувшись через разлом, я оказываюсь на гребне контрфорса. Восприятие жизни резко меняется. Здесь солнце! Сразу стало теплее. Насколько сильно все мы зависим от него, особенно остро понимаешь только в горах. Слишком жидкая здесь атмосфера, чтобы аккумулировать лучистую энергию. Светило признает только личный контакт, только прямую сиюминутную связь. Его щедростью с другом не поделишься и впрок не заготовишь. Да и самому-то едва хватает. Пожалуй, немного было в тот момент людей на земле, так близко находившихся к всемирной “грелке” и не экранированных от нее обшивками самолетов и космических кораблей. Мы получали от солнца тепла больше любого другого человека и в то же время мерзли, может быть, сильнее любого другого. Промороженный воздух тут же высасывает из тебя капли тепла, подаренные солнцем. Но все-таки это уже не тот мертвящий холод, что минутою назад. Я невольно остановился, выбирая веревку, блаженствуя и любуясь великолепной панорамой. Прямо передо мной — профиль южной стены Эвереста, правее — громадина Лхоцзе, у ее подножия — истоки ледника Кхумбу. От меня вниз на несколько сотен метров — обрыв к кулуару Боннингтона. Влево вверх, чуть левее гребня контрфорса, просматривается сравнительно простой широченный скальный желоб. А дальше вздымаются стенки.

Мы прошли пять веревок и вернулись, так как в этот же день надо было спуститься на 7350 за грузом. Мужики к этому времени кое-как поставили, скорее подвесили, вторую палатку и в 14.30 все вместе начали спуск. Снега на скалах стало еще больше. Видимо, уже в этот день стало заметно, что самочувствие Коли и Володи похуже, чем у нас с Эдиком, хотя они с утра наверх не ходили. Однако тогда я не понял этого. Мне казалось, что Вовик в порядке.

На спуске главная опасность — “живые” камни. Группа развешивается на веревках, непрерывной ниткой соединяющей лагерь, и довольно быстро скользит по ним, контролируя скорость с помощью специальных тормозящих приспособлений. При этом можно случайно задеть свободно лежащий камень, который, стукаясь о выступы, описывает замысловатую траекторию и может либо попасть в человека, либо перебить перильную веревку. Поэтому самый нижний старается спускаться как можно быстрее, чтобы уйти из-под обстрела, а верхний — как можно осторожнее, ведь под ним вся группа.

Вечером Коля Черный сказал: “Если мне думать о вершине, то завтра надо спускаться”. У него совсем пропал голос, хотя общее самочувствие нормальное. Полночи с кислородом не принесли облегчения, и утром он пошел вниз.

А мы должны были поднять как можно больше груза в третий лагерь и попробовать обработать дорогу до четвертого. В этот момент все участники экспедиции были уверены, что самый сложный кусок маршрута уже пройден, что после 8000 окажется сравнительно простой ступенчатый гребень с невысокими стенками. Поэтому, оставшись без Коли, мы все-таки надеялись выполнить план втроем.

12 апреля. Вышел в 11.00, минут через двадцать — Вовик, в 12.00 — Эдик. Все взяли по десять килограммов общественного груза. Несли много личных вещей, чтобы оставить их в третьем лагере для восхождения. В 16.10 я был в лагере-3 и занялся улучшением площадки. Палатка встала великолепно, можно ночевать даже вчетвером. За работой незаметно пролетели два часа. Никого из ребят не было. В конце вечерней связи я попросил Казбека, который только что пришел на 6500, посмотреть в бинокль — не видно ли моих партнеров. Он долго не мог никого обнаружить на стене, тем более что наступили сумерки. Вдруг сообщает, что Шопин пришел к нам. Я был поражен. Вместо 7800 он оказался на 6500. Потом я узнал подробности. Володя, пройдя пять веревок, почувствовал себя не очень хорошо: его беспокоила непроходящая боль в левом подреберье. Решил спускаться.

Так мы остались вдвоем с Эдиком. Группа раскололась, причем, как оказалось, окончательно. Этот внешне незначительный эпизод имел далеко идущие последствия для хода всей экспедиции, а особенно для Володи и Коли. Тогда Володя не знал всего, что произойдет, но чувствовал: исход может быть печальным. Он даже сказал об этом Эдику при встрече. Но, понимая все, он не мог ничего поделать: во-первых, были сильно подморожены ноги, во-вторых, он вдруг ощутил страшную слабость. Слишком тяжелая работа выпала на нашу долю, а Володя не привык жалеть себя и надорвался. Еще утром я заметил какую-то вялость в его движениях, рассеянность внимания. Видимо, он почувствовал неладное, но надеялся, что обойдется.

Они разошлись с Эдиком на перилах, и Мысловский проследил, как больной Володя спустился до палаток 7350. Сам Эдик тоже не летел по перилам, а шел уже с кислородом.

13 апреля. Мы с Эдиком вышли из лагеря-3 в 10.00, имея восемь веревок, массу железа и полную уверенность, что все это развесим на маршруте. Опять было невероятно холодно. Надели все, что было, включая пуховые штаны, но ничего не согревало. Между прочим, работа на этой высоте тоже не согревает, а наоборот — отнимает тепло. Не хватает кислорода, чтобы развить необходимую мощность для согревания мышц. Останавливаешься через каждые несколько шагов, чтобы отдышаться, и продолжаешь мерзнуть дальше.

Только пройдя почти три веревки и заглянув в кулуар Боннингтона, ощутили потепление. Та сторона нашего ребра имеет юго-восточную ориентацию и прогревается раньше. Однако нет ни малейшего желания снять пуховку или пуховые брюки. В какой-то момент приморозил палец на руке.

Шли очень медленно. Все покрыто свежим снегом — не видно, за что братья, куда становиться, куда бить крюк, что “живое”, что надежное. Очень холодно — рукавицы не снимешь. Для работы первым в связке десятикилограммовый рюкзак слишком тяжел, да и высота как-никак 7800—8000.

При подходе к 8000 общая крутизна маршрута стала заметно возрастать. Одна за другой возникали сложные стенки, требующие серьезной работы. В середине четвертой веревки требовалось решиться и сделать несколько трудных шагов по заглаженным “бараньим лбам”. Я оглянулся посмотреть, насколько надежна страховка. Эдик сидел ко мне спиной, подняв капюшон, и, видимо, спал. Веревка свободно шла ко мне у него из-под мышки. Мелкие комки снега, которые я сбрасывал, очищая зацепки, падали на его спину, но не могли нарушить его покой. Мне стало не по себе. Как будто, на две трети перепилив сук, я вдруг обнаружил, что сам на нем сижу. Приспустился, забил крюк и пошел в технике одиночного хождения.

К 16 часам у нас еще оставались свободными пять веревок, но Эдик заговорил о возвращении, хотя планировали работать до 17 часов. Конечно, час больше, час меньше — сейчас ничего не решит. Однако я остался и еще с часик побарахтался, пока наконец не

потерял рукавицу. Меня мгновенно охватило отчаяние, потому что в этих условиях оказаться без рукавицы — все равно что остаться без руки. К счастью, в карманах пуховки завалились верхонки, которые Коля дал мне еще в базовом лагере. Я решил оставить попытки в одиночку влезть на гребешок, хотя был близок к этому. Спускаясь, увидел свою потерю в тридцати метрах ниже перил, но бросать туда веревку, спускаться, а потом лезть по стене без зажима мне уже не хотелось.

Не хотелось мне и выходить на связь в 18.00 на этом жутком морозе. До палатки добрался около 18.30 (Эдик — к 18.00). Извинились перед базой, которая еще раз настоятельно напомнила, что завтра спуск. Уговаривать нас не было нужды. Эдик еще одну ночь проспал с кислородом. Говорит, что кашель пропадает при расходе кислорода один литр в минуту.

На спуске все встречавшиеся ребята группы Валиева и Иванова очень тепло приветствовали нас, поздравляли с преодолением рубежа 8000 метров. Приятно было, что внизу внимательно следили за нами, переживали, когда мы остались вдвоем, радовались нашим скромным успехам. Подробно спрашивали о самочувствии днем и ночью без кислорода. Я, конечно, больше всего предупреждал о холоде.

В лагере-1, куда я спустился к 14.00, все засыпано свежим снегом, но все-таки тепло и приятно, проглядывает солнце. Иногда в “Зиме” даже жарко. До сих пор (17.30) ничего не ел и не очень хочется, только пью соки и сиропы. Вокруг галдят шерпы, — трое ходили в лагерь-2, пятеро пришли из промежуточного. Один “сачок” — в который уже раз! — бросил свой груз где-то на пятой веревке и сидит весь день в лагере, ест и спит.

К шерпам у нас не было никаких претензий. Все работали честно — без надрыва, но и без забастовок. Мы не сразу уяснили себе их статус в экспедиции и подсознательно ожидали от них чего-то большего. Наверное, мы думали, что они будут так же “пахать”, выкладываться через “не могу”, как мы. Но надо помнить, что это их работа, а не увлечение. Мы впервые столкнулись с этим явлением — “наемная рабочая сила на восхождении”. Словосочетание, абсурдное для советского альпиниста, так же как наемный игрок на футбольном поле или третий боксер на ринге, нанятый одним из соперников. Остается ощущение, что победа не чистая, команда зашла не сама. Но это, конечно, не говорит о ее слабости. Будь у нас еще пять-шесть советских альпинистов, мы могли бы, обойтись без наших десяти шерпов.

Но самый высокогорный в мире народ всегда имел альпинистов не только по профессии, но и по духу. Яркий пример — первовосходитель на Эверест Норгей Тенцинг. С детства он мечтал об Эвересте и соглашался участвовать не только в невыгодных, но даже в рискованных и безнадежных экспедициях. У нас таким был Наванг.

В этот вечер состоялся разговор офицера связи с шерпами, от имени которых говорил Наванг. Пытались заставить их работать с большей отдачей. Трудно обвинять этих ребят в недобросовестности, и тем более в саботаже. Слишком уж технически сложна для них работа на нашем маршруте. Даже простейший участок 1—2 вызвал у них страх. На этих некрутых скалах много свободно лежащих камней, и любой неосторожный шаг грозит твоему товарищу внизу тяжелой травмой. До сих пор, поднимаясь на восьмимысячники по снежным склонам, они привыкли бояться только лавин, мороза и гипоксии, а здесь понадобилось срочно осваивать приемы скалолазания. К чести шерпов надо отметить, что большинство быстро их усвоило. После нескольких “обстрелов”, вызванных товарищем сверху, и нескольких, к счастью небольших, травм они научились ходить мягко, расчетливо, чисто. Однако чувствовалось, каким усилием воли они заставляют себя идти на работу, с каким страхом и молитвами смотрят на стену. Обычно веселые, подвижные, говорливые, они резко меняются на склоне. Движения скупые и даже скованные, лица напряженно-суровые, в глубине глаз притаился ужас перед

великой горой — обителью богов, которая в любой непредсказуемый момент может стереть со своего лица надоедливых букашек...

15 апреля. Утром мы переждали, пока шерпы с шумом и толкотней собирались на работу. Не спеша позавтракали. Хотя понимали, что ледопад надо проскочить пораньше, сборы проходили вяло, сонно. Сказывалась усталость.

На спуске пришлось несколько погулять по ледопаду в средней части, так как блоки плато опустились без всякого порядка на разную глубину. Правда, в самом сложном месте ситуация даже улучшилась. Большая трещина, через которую была проложена трехпролетная лестница, сбоку оказалась засыпанной, и хотя лестница теперь торчала в небо, мы спокойно обошли все в десяти метрах левее по дну.

В базовом лагере нас встречали как героев, хотя, на мой взгляд, мы не только не сделали ничего выдающегося, но даже не выполнили программу, то есть не поставили лагерь-4. Правда, условия были довольно тяжелые, и старались мы как могли.

За полтора дня пребывания в базовом лагере я только и успел, что доделать шахматы. Было постоянно холодно, временами шел снег, даже не помылись, на постирали. Все надежды возлагали на отдых в Тьянбоче, куда наша группа спустилась на следующий день.

Всю дорогу, особенно до Перечи, было очень холодно, встречный ветер со снегом, а я по глупости даже не взял ветрозащитного костюма. Шел в одной олимпийке совершенно окоченевший.

Практически без остановок за 6,5 часа дошли до полянок перед монастырем Тьянбоче и уже в темноте нашли подходящее место. В первую же ночь пошел небольшой снег, и это стало традицией последующих дней и ночей. И здесь не удалось помыться и постирать.

Первую ночь на полянке перед монастырем спали как убитые часов до девяти утра и надеялись так делать и впредь. Но уже на следующее утро нас обнаружила одна чрезвычайно бдительная ворона. В шесть часов утра она уселась на ветку над нашими головами и принялась очень громко высказывать свое неудовольствие в адрес непрошенных гостей. По сигналу хозяйки леса собралось несколько ее товарок, и они бурно обсуждали происшествие, перелетая всей оравой с дерева на дерево. Мы долго делали вид, что нам на это наплевать, пытались опять заснуть, но в конце концов нервы мои не выдержали и я, позабыв правила поведения в гостях, запустил в эту орущую компанию несколько камней. Они сочли на этом свою миссию законченной и удалились. Однако так повторялось каждой утро.

Проснувшись от вороньего гвалта, мы втроем обычно копошились у костра, детально, со смехом обсуждали, что приготовить на завтрак, когда устроить следующее чаепитие. Начальник, блаженствуя в спальнике, как-то сказал:

— А вот когда мы были здесь в разведке в восьмидесятом году, нам Романов и Тамм подавали кофе в постель...

— Ну, а поскольку теперь ты самый главный среди присутствующих, может быть, получать кофе по утрам будем мы? — внес я свое предложение.

— Это было бы очень логично! — с воодушевлением присоединился Коля.

Эдик промолчал, задумавшись над таким поворотом наших мыслей. Приготовление пищи нас, конечно, не тяготило. Скорее, это доставляло удовольствие, потому что после "обедов" на высоте, в палатке, где каждая варка превращалась в серьезное мероприятие, было даже приятно посидеть у костра в теплом лесу, жарить свежее мясо и яичницу, подкоптить ломтик колбасы.

Я по собственной инициативе прихватил радиостанцию УКВ, и мы постоянно имели связь с лагерями от первого до четвертого, кроме базового. Были в курсе всех событий.

Наши высотные карманные УКВ-радиостанции свободно перекрывали расстояние в несколько километров в зоне прямой видимости. Поэтому чем выше находилась группа на маршруте, тем лучше мы слышали ее со своей лесной полянки. А вот базовый лагерь хотя и был ближе всех по расстоянию, но располагался на дне ущелья. Поэтому приказы базы нам транслировала стена, в основном — Валера Хомутов.

За время нашего отсутствия группа Валиева челночила на отрезке 2—3, а группа Иванова доделывала путь к лагерью-4. Всего между лагерями-3 и 4 получилось шестнадцать веревок. Однако с площадки лагеря-4 (8250) еще не просматривалась дорога до западного гребня, и что там будет на пути к лагерью-5, неизвестно.

К нашему огорчению, на второй день пребывания мы получили сообщение, что вызываются Коля и Володя для выхода наверх 22 апреля. Я был склонен остаться еще на денек вдвоем, но Эдик решил возвращаться и, видимо, правильно сделал.

Тяжелый маршрут и неблагоприятная погода сильно осложнили ситуацию. Мощная машина гималайской экспедиции, прекрасно спроектированная, хорошо исполненная и сносно работавшая, вдруг забуксовала. Резко снизилась эффективность использования ее главной движущей силы — энергии людей. Группа Хомутова за неделю работы наверху подняла в лагерь-4 кислорода меньше, чем израсходовала в процессе работы. Срочно созданная дополнительная группа Шопин — Черный — Хергиани с шерпами тоже не выполнила задачу. Шерпы отказались ходить в лагерь. В результате лагерь-2 был завален кислородом, снаряжением, продуктами, а верхние не были укомплектованы даже наполовину.

Логика требовала: во-первых, послать целую группу для обработки участка 4—5 и установки штурмового лагеря-5; во-вторых, организовать другую надежную четверку для решающего штурма. Но такой вариант отодвигал первый выход на вершину еще дней на семь. А погода по прогнозу должна была ухудшиться.

Евгений Игоревич в смятении ходил по базовому лагерью, пытаясь найти решение. Выход был только один — рассчитывать, что люди, наполовину сократив расход всего необходимого, сделают вдвое большую работу.

Сразу решили иметь в лагерях-4 и 5 только по одной палатке. Соответственно уменьшался вес предметов жизнеобеспечения. Но это не решало проблему. Тогда начальник предложил группе Иванова пройти участок 4—5 и попробовать штурмовать вершину.

“Мы недостаточно отдохнули, вряд ли у нас хватит сил для этого”, — было единодушное мнение группы.

Его группа очень устала, обрабатывая самый сложный участок всего маршрута от 8000 до 8250.

— За три-четыре дня отдыха мы не восстановимся, — сказал Иванов.

Работа действительно предстояла сложная. Ведь сначала планировалось, что одна группа обрабатывает участок 4—5, а вторая четверка устанавливает лагерь-5 (8500) и переносит в него кислород и продукты для штурма.

Аналогичный итог и после консультации с группой Валиева.

Наша группа, руководимая Эдуардом Мысловским, всегда первой начинала каждый новый цикл выходов наверх. Мы уже отдохнули и по плану должны были идти на вершину первыми. Это наше право и большая честь. Но вразрез с планом предстояло еще и обработать маршрут до 8500, и установить лагерь-5. Вразрез с планом от нашей четверки осталось только двое — Эдик Мысловский и я. Володя Шопин и Коля Черный работали наверху. Поэтому Евгений Игоревич даже не рассмотрел нашу двойку в качестве претендентов на штурм. Нам предложили посидеть дней десять, пока кто-нибудь решится на этот тяжелый вариант.

Десятидневное сидение меня никак не устраивало. Я сразу предложил Эдику идти в двойке. Ясно было, что на вершину мы не взойдем, но хотя бы обработаем участок 4—5. Он сомневался: с одной стороны, хотелось подождать ребят, с другой — мы оказывались в хвосте длинной очереди желающих подняться на вершину. Я продолжал попытки склонить его к своему варианту.

Однажды, когда мы сидели в палатке Эдика, к нам зашел Овчинников. Не успел старший тренер раскрыть рта, как я выложил ему свой план. “А я с этим к вам и шел”, — обрадованно сказал Анатолий Георгиевич, до этого, видимо, не рассчитывавший на успех разговора.

Стали обсуждать технические детали, и вдруг выяснилось, что он планирует не совсем то, что я. Варианты отличались на “самую малость”: он предполагал обязательный подъем нашей двойки на вершину в этом же выходе.

24 апреля. Вот уже третий день наш выход на вершину назначают на послезавтра.

Сегодня спустилась группа Хомутова. Они только благоустраивали лагерь-4 и немного подняли кислорода — два баллона в лагерь-4 и два баллона на пятнадцатую веревку. Юра Голодов не смог донести свой груз: на одном из участков перил вылетел крюк и он, пролетев восемь метров, получил небольшие ушибы. В остальном все нормально.

Ребята считают, что участок до лагеря-5 можно обработать за день, конечно с кислородом. Сами они работали и спали с кислородом постоянно, начиная с лагеря-3. После лагеря-4 гребень выполаживается, но много “жандармов” (Отдельно стоящая скала на гребне), и оценить сложность маршрута трудно.

Нам с Эдиком сегодня вручили в торжественной обстановке вымпелы — флаги СССР, Непала и ООН. Наконец-то у Димы Коваленко была работа: он снимал для кино и телевидения. Остальные снимали для себя на фотопленку.

Вручение вымпелов штурмовой двойке.

Ушла на отдых в Тянгбоче группа Ильинского.

Володя Шопин сидит в лагере-1, руководит работой шерпов на участках 1—2 и 2—3. Правда, первая группа шерпов, которая пыталась пройти в лагерь-3, вернулась, оставив груз на шестой веревке из-за большого количества снега на этом и без того сложном маршруте. На 7800 поднялся только Хута с очень небольшим грузом. По пути он подправлял перила. Ночуют они с Колей Черным на 7350 вместе с тремя шерпами, которые завтра попытаются все-таки пробиться с тем же грузом наверх.

В общем, все происходит чрезвычайно медленно, планы регулярно срываются, урезаются и опять срываются. Как долго будет происходить загрузка лагере-3 кислородом и снаряжением, сказать невозможно. Завтра у шерпов день отдыха, а послезавтра уже наш выход. Коля предложил организовать на участке 2—3 две тройки шерпов, которые работали бы в противофазе. Но я сомневаюсь, что найдется такое количество способных на это.

Хотя я как можно дольше хотел бы обойтись без кислорода, никто не знает, как сложатся обстоятельства. Если без этого будет невозможен подъем на вершину, то придется взять “железяку” и “намордник” (Баллон с кислородом и маска).

Недавно Пемба Норбу говорил, что погода установится после обильного снегопада. Вчера в глубине души все надеялись, что сегодня будет перелом, однако и этот день как две капли воды похож на все предыдущие: с утра — солнце, в середине дня — снег, поздним вечером — прояснение до утра.

Вечером отметили день рождения Володи Пучкова. Он достал шампанское. Главным украшением стола были жареное мясо и только что принесенные яблоки.

Ребята, только что пришедшие сверху, отмечают отличный аппетит на всех высотах. Сказывается акклиматизация и регулярное пользование кислородом. Вопрос с кислородом беспокоит меня постоянно, и все время происходит борьба противоположных желаний.

25 апреля. 22.00. Наш выход опять откладывается как минимум на день. Наверху ничего не продвигается. Коля жалуется на острые боли в брюшной полости. Сейчас он на 6500 и собирается спускаться. Хута Хергиани под предлогом сломанной кошки тоже вдруг спустился в лагерь-1 и поговаривает о возвращении в базовый лагерь, хотя в лагере-2 еще три пары кошек. Только Володя Шопин сохранил рабочий настрой и предлагает пойти в двойке с кем-нибудь из шерпов до 7800 или даже выше. Шерпы жалуются на усталость. Завтра отдыхают. Наверху, как и здесь, обильные снегопады. Лхоцзе совсем белая. Таким образом, наш выход завтра не имеет смысла по всем причинам — плохая погода и совершенно не обеспечен кислородом и снаряжением лагерь-3.

Я уже не рвусь выйти вверх как можно раньше. Уж если идти на вершину, так нужно дожидаться погоды и маломальского обеспечения кислородом. Сегодня Овчинников велел нам с Эдиком подробно расписать наш график движения по весу рюкзаков на каждом переходе. Получается, что самое “узкое” место, то есть самые тяжелые рюкзаки, на участке 3—4. Придется нести по 17—20 килограммов. Но при этом в идеальном варианте нам даже не понадобится помощь Иванова. Мы в состоянии занести для себя все необходимое для обработки и штурма, включая кислород.

Дни тянутся исключительно однообразно. Сегодня весь день играли в “Эрудит”, иногда развлекаемся шахматами и домино.

Приходил гость из Намибии, немец по происхождению. В этом сезоне туристам не везет. Приехать черт знает откуда, чтобы увидеть густую облачность вместо знаменитых гор — невелико удовольствие.

Проклятая погода, когда же, наконец, улучшение?

26 апреля. 22.30. Наконец-то завтра выходим.

Хотя наверху работа отнюдь не кипит, тем не менее кое-что уже занесли. А главное — сегодня впервые днем не было снега. За последние сутки заметно потеплело. Вот и паста в ручке не замерзает. Может быть, это долгожданное улучшение погоды?

Володя Шопин с одним шерпом поднялись в лагерь-3. Занесли веревку, восемьдесят метров, и кислород. Хута и Коля спускаются вниз. Иванов пришел из Тьянгбоче после отдыха.

Вечером Евгений Игоревич на всякий случай попрощался с нами (если завтра проспит) и, главное, сказал: “Обещаю вам, что без вашей попытки восхождения экспедиция отсюда не уйдет”. Эти слова мне как бальзам на душу.

Евгений Игоревич в который раз настоятельно напомнил мне: “Идти только в связке. Постоянно следи за самочувствием Эдика”. Его беспокоило то, что на предыдущих выходах Мысловский, как правило, делал переходы на два-три часа дольше других участников. Выходя из “хижины дяди Тамма”, я заверил хозяина, что на пути к вершине, где отсутствуют перила, ни о каком разрыве, конечно, не может быть и речи.

27 апреля. Взвесили рюкзаки: у меня семнадцать килограммов — продукты, рация, фотоаппарат, личное снаряжение.

Нас торжественно проводили Тамм, Овчинников, Воскобойников. Дима все это зафиксировал на киноплёнку.

Покинули базу в 6.00. Ледопад, покрытый свежавыпавшим снегом; в этот рассветный час представлял собой необычное и величественное зрелище. Без резких теней и ярких бликов, в мягких оттенках сплошного белого цвета. Снежный бархат перепутал привычные ощущения глубины и перспективы, покрыл протоптанные тропы, сделал неузнаваемыми хорошо знакомые участки. К тому же в последнее время происходило интенсивное таяние льда, особенно в нижней части. За время нашего почти двухнедельного отсутствия на леднике появились новые ручьи и озера, которые теперь замерзли и тоже покрылись равномерным пушистым ковром.

Через двести метров провалился в ледниковую лужу по колено обеими ногами. Вместо того чтобы сразу отжать носки, шел до того места, где надевают кошки. За это время воду из носков перекачало во внутренний и наружный ботинки. Эдик дал запасные носки, но они, конечно, тут же намокли. До лагеря-1 дошел без проблем, хотя ноги мерзли.

На прошлом выходе свой ледоруб оставил на 7800, а лыжные палки — на 6500. Решил, что дорога через ледопад настолько комфортабельна, что обойдусь без дополнительных точек опоры. И вот теперь по свежему снегу с не очень легким рюкзаком идти оказалось тяжеловато. До 6100 шли пять часов — это очень долго.

В промежуточном лагере полтора часика посидели, попили чайку. В лагерь-1 пришли к 16 часам.

Там было несколько шерпов. Они накормили нас рисом с добавкой цампы. Это традиционная непальская еда — болтушка из поджаренной ячменной муки. Поговорили с Навангом, который был прикомандирован к нам в помощь до 7800. Намекнули, что в случае его хорошего самочувствия он может попасть вместе с нами и на вершину. Он весь загорелся от этой перспективы.

Еще раз посчитали кислород. Получилось, что в принципе хватает на троих. Мне хотелось поднять как минимум по две веревки вдобавок к тем восьми, которые уже имелись на 8250. Иначе их могло не хватить для обработки участка 4—5 и обеспечения самого восхождения.

Правда, Валя Иванов утверждал, что до 8500 хватит десяти веревок, но я настаивал на двенадцати, чтобы иметь запас. Никто не знает, что нас ждет, и лучше занести лишнюю

сороковку, чем остановиться в сорока метрах от хорошей площадки из-за отсутствия веревок.

Около 18 часов к нам в лагерь спустился Шопин, который делал с шерпами ходки на переходе 2—3. Занесли они не очень много: шерпов пугают крутые заснеженные скалы. Володя чувствовал себя отлично, готов был идти и до лагеря-4, но не с кем, и ему было ведено спускаться.

Володя был уверен, что при теперешней акклиматизации без труда дойдет и до вершины. Поэтому с легким сердцем он отправился на отдых. Я испытывал что-то вроде угрызений совести оттого, что вот мы идем на вершину, а Володя встает в конец длинной очереди на восхождение. Под влиянием этого чувства я даже пообещал ему составить компанию, если у него не окажется партнера. Я чувствовал себя отлично, надеялся, что этот выход всех сил не отнимет и для повторного подъема мне достаточно будет короткого отдыха на 6500. Как здорово было бы зайти наверх ленинградской связкой! Реальны или нереальны были эти планы, судить трудно: слишком неправильно все сложилось в нашем с Эдиком восхождении.

В бодром настроении 28 апреля в 10.00 мы втроем вышли наверх. К сожалению, рюкзаки были тяжеловаты. Я нес слишком много продуктов, без которых, как потом оказалось, вполне могли обойтись. А усталость уже начала накапливаться.

Но тогда мы этого еще не замечали, казалось, что сил навалом, и даже не было мысли попросить у базы еще одного-двух шерпов в помощь хотя бы до лагеря-2. Мы даже прихватывали лишнюю пару фирновых крючьев, мешок с рационами да еще снимали на маршруте свободные карабины. В итоге нагрузились гораздо больше расчетного веса.

Сложилось впечатление, что до самого конца экспедиции мы так и не смогли перестроить свою психологию по отношению к нашим друзьям — высотным носильщикам. На протяжении всей жизни в альпинизме мы воспитывались на принципах полного самообеспечения, привыкли всегда рассчитывать только на собственные силы. Поэтому стеснялись попросить шерпов поднести что-нибудь из личных вещей или группового снаряжения, даже когда это было необходимо. И если на предыдущих выходах тяжелая работа оправдывала себя, давая полноценную акклиматизацию, то на последнем подъеме все-таки следовало экономить силы.

По связи в 14.00, где-то на двадцать пятой веревке, передали телеграмму от Пахомовой — Гурьяна. Я был удивлен и растроган. Значит, ленинградский “Спартак” помнит и переживает.

В лагере-2 вечером мы, как могли, поговорили с Навангом о прошлых экспедициях (поляки, баски, болгары, японцы), сравнили их с нашей. Мы явно выигрывали в физической и спортивной подготовке, не говоря уже о сложности маршрута. Наванг дал каждому из нас священный шнурок на шею и несколько каких-то зерен, предназначенных к немедленному съедению. Потом он еще час молился своим богам, прося погоды и здоровья.

Полужинали втроем, но спальных мест было только два, да и то не очень удобных. С сожалением покинул я эту палатку, согретую примусами и нашим дыханием. Чтобы дойти до второй, мне пришлось полностью одеться, так как ночью на таком ветру и морозе даже к этой дороге в пятнадцать метров по узкой полочке надо относиться серьезно.

Уже уходя из лагеря-2, мы имели груза больше запланированного: пришлось взять веревки и кислород, который шерпы так и не занесли в лагерь-3, а впереди предстояла самая тяжелая работа на участке 3—4. Там даже по плану должно было быть приблизительно по восемнадцать килограммов груза.

В 18.00 слушали большую передачу из базового лагеря — записи голосов родных и знакомых. Эдик попал в теплую домашнюю обстановку, в окружение своих трех женщин.

Я вспомнил эту чудесную семью и не мог не позавидовать ему. Сколько нежности было в словах и сколько старания в песнях под пианино его жены и дочерей. Приятно было и мне услышать голоса друзей-ленинградцев.

Утром собирались медленно, но в лагерь-3 пришли засветло. Вначале путь проходил так, что случайно сброшенный камень мог упасть на товарища, идущего в двух-трех веревках ниже, поэтому приходилось особенно тщательно рассчитывать каждый шаг, пытаясь угадать “живые” камни под свежавывпавшим снегом. Громко проклинал я косые траверсы через кулуары, когда верезка закреплена концами, а середина провисает над обледеневшим желобом. Если здесь поскользнуться и зависнуть на зажиме, то долго будешь барахтаться с таким грузом.

Наванг, к моему удивлению, устал больше меня, хотя нес меньше.

Позднее я узнал, что Наванг к этому времени отработал наверху больше недели, не спускаясь в базовый лагерь. К тому же на днях, идя без очков по заснеженным скалам, получил снежную слепоту, и теперь резь в глазах отнимала дополнительные физические и моральные силы. Становилось ясно, что даже с его железным здоровьем вряд ли удастся долго пробыть здесь. Но я все-таки надеялся, что он придет хотя бы в лагерь-4.

Опять пересчитали груз. Мы и раньше знали, что переход 3—4 будет самым тяжелым, но не предполагали, что завтра случится такое.

30 апреля. Долго не могли понять, как же нам все ухватить. Наконец нагрузились приблизительно так: я — 27—29 килограммов, Эдик — 25—27, Наванг — 25—26 килограммов.

Помня адский холод (впрочем, в аду, кажется, жарко), который мы испытали, выходя из лагеря-3 три недели назад, я надел все, что было с собой. На этот раз мороз оказался слабее, но ни одна одежда лишней не была.

Палатки лагеря-3 прилепились к монолитной нависающей скале, и от них уходил вниз крутой снежно-ледовой склон. На стыке склона и скалы удалось вырубить неширокую площадку, на которой одна палатка встала целиком, а вторая на две трети. На таком крутом склоне удобно надевать тяжелый рюкзак, под который всегда приходится садиться.

Я вышел на час-полтора раньше и, дойдя до седловинки, занялся киносъемкой. Это было ошибкой, так как и без того мы вышли только в двенадцатом часу. Через некоторое время появился Наванг, но ко мне не поднимался. Полчаса спустя я продолжил свое довольно медленное движение вверх. Я был в двух веревках выше по кулуару от Наванга, когда к нему подошел Эдик.

Я надел маску, установил ручку редуктора на расход одного литра в минуту и стал искать подходящий камень, чтобы поставить рюкзак повыше. Просто поднять на плечо я его не мог — слишком тяжел, и приходилось садиться под рюкзак, надевать лямки и плавно вставать. Было уже два часа дня, а до лагеря-5 осталось еще одиннадцать веревок. Я надеялся, что кислород позволит увеличить темп. Ругал себя за то, что утром опять долго готовился к выходу. Хотелось взять как можно больше баллонов, веревок, крючьев, а рюкзаки уже и так трещали. Ругал себя за то, что затеял киносъемку. Уж очень хотелось использовать краткие часы хорошей погоды. Отлично смотрелся со стены Наванг, поднимавшийся по снежному взлету, а левее нашего контрфорса кулуар Боннингтона виден был почти до самого ледника Кхумбу.

Кислородная маска на лице сразу вызвала массу неудобств. До сих пор я только примерял ее, сидя за столом в “кают-компании”, и не предполагал, что на маршруте с ней возникнут сложности. Резиновая трубка с индикатором поступления кислорода висит перед грудью и грозит зацепиться за выступ или запутаться в самостраховках, маска сильно сокращает главный сектор обзора — не видно зацепок для ног. А когда

наклоняешь голову, маска упирается в пуховку и совсем сдвигается на глаза. Я промучился минут двадцать, пройдя всего треть веревки, и решительно снял маску. Облегчения от кислорода не почувствовал, зато неудобства сильно осложнили работу. Сняв маску, ощутил, как резко охватило морозом влажную кожу лица, но через пару минут привык.

Этот путь был мне знаком, я навешивал здесь веревки 13 апреля, но тогда шел хоть и с нижней страховкой, но с меньшим грузом. В рюкзаке лежали только веревки для обработки маршрута, а на груди и на поясе развешаны крючья, карабины и молоток. Идя свободным лазанием, я мог выбирать на стене простейший вариант пути, а теперь закрепленная веревка диктовала кратчайшую, но не всегда самую удобную дорогу. Хорошо, что крутизна скалы еще позволяла идти на ногах, придерживаясь за перильную веревку и пристраивая носочки ботинок на мелкие полочки.

Я посматривал вниз, где в ста двадцати метрах от меня Эдик о чем-то долго совещался с Навангом. Ждать их не имело смысла, так как по перилам все равно каждый идет независимо, а чем раньше я приду в лагерь-5, тем лучше для всех.

Подошел к стенке, на которой при обработке затратил довольно много времени и совсем заморозил страховавшего меня Эдика. Перестегнул зажим и попытался пройти по тем зацепкам, что и две недели назад. Однако стенка "отбрасывала". Лезть с таким рюкзаком по мелким трещинам и выступам было невозможно. Веревка шла по диагонали, с небольшим провисом. Когда я вынужден был ее нагрузить, меня качнуло маятником вправо метра на два, и я оказался под выпуклой частью стены, почти не находя опоры для ног. Я висел на зажиме достаточно надежно и даже удобно, длина страховки и точка закрепления ее на грудной обвязке гарантировали от опрокидывания и потери контроля за ситуацией. Все это было отработано на скальных тренировках и стенных восхождениях, и оставалось только выбрать один из способов движения по вертикальным перилам на отвесе. Мешкать было нельзя, так как рюкзак, несмотря на удобную конструкцию, был все-таки слишком тяжел и буквально переламинал позвоночник, выворачивал плечи. Можно было встегнуть второй зажим с петелькой для ноги и по очереди передвигать то верхний, то нижний, но, прикинув длину тяжелого участка, я решил, что обойдусь просто руками. Правда, пришлось снять рукавицы, так как они скользили по гладкой капроновой веревке. Сделав несколько быстрых шагов-подтягиваний, я влез на сравнительно пологую часть стены и прислонился к ней, с трудом восстанавливая дыхание и отогревая совершенно окоченевшие руки.

Маршрут приобретал все более гребневой характер. Отдельные стенки можно было обойти справа, иногда попадались полки и гребешки, которые позволяли немного отдохнуть. Средняя крутизна возросла, я подошел к самому сложному участку всего маршрута по юго-западной стене Эвереста. Веревки здесь навешивали Бершов и Туркевич неделю назад, и теперь я по достоинству оценил их безупречную работу на труднейших скалах.

Оказывается, участок 7500—7700, который снизу казался нам ключом маршрута, значительно проще того, что встретился на высотах 8000—8200. Как они лезли по этим микрозацепкам, присыпанным снегом, в тяжелой и громоздкой одежде, в рукавицах и кислородных масках, которые так мешают при тонком лазании! К тому же этот черный непрочный сланец плохо держит крючья, а трещины забиты снегом и льдом.

Наконец мы с Эдиком опять оказались в зоне прямой видимости. Он был метров на сто двадцать ниже, и я с трудом докричался:

— Светлого времени не больше двух часов! С таким грузом до темноты в лагерь не успеем. Давай оставим здесь по девять-десять килограммов, а завтра вернемся...

Эдик кивнул, не снимая маски, и поставил рюкзак. Я попросил только не оставлять веревки: кислорода на завтра ему хватит того, что есть в лагере-4, а без веревок, крючьев и карабинов мы не сможем обработать дорогу наверх.

Оставив три баллона в снежной нише, я продолжал подниматься, досадуя на себя, на маршрут и на тяжелый рюкзак. Знал бы я, что здесь будет так круто, не канителился бы утром и не тратил времени на киносъемку.

Стенка шла за стенкой. Я попытался торопиться, но от этого работал менее рационально и быстрее расходовал силы. Надвигались сумерки. Вот уже маршрут стал заметно выполаживаться, некрутые участки между взлетами становились все длиннее, а лагеря нет и нет.

Вдруг снизу совсем близко слышу голос. Эдик? Как он сюда попал? Ведь разрыв между нами постоянно увеличивался. Эдик спрашивал меня, как лучше пройти эту веревку. Я объяснил и подождал. Оказывается, он оставил рюкзак, и это позволило ускориться. Молодец! Лучше хорошо отдохнуть в палатке и утром сходить за грузом со свежими силами, чем карабкаться всю ночь по этим сумасшедшим стенкам.

Еще тридцать метров — и мы на остром снежном гребне. Срублено несколько кубометров снега, и в этом проеме стоит палатка. Окоченевшими пальцами с трудом развязали рукав входа. В полном изнеможении вползли и некоторое время лежали в темноте...

Но уже через несколько минут я распаковал рюкзак и достал рацию. В назначенное время (18.00) мы не вышли на связь, так как находились на трудном участке. Внизу волновались, держали рацию на постоянном приеме. Мы сообщили, что у нас дела идут относительно нормально. Евгений Игоревич как мог ободрил нас и сообщил, что за нами поднимается группа Иванова, которая постарается помочь кислородом.

Сначала казалось, что в палатке тепло и хорошо, но скоро почувствовали, что пальцы на ногах онемели и надо срочно разуваться и отогревать их. Да и с ужином следовало спешить. Раньше ляжешь — раньше выйдешь... Но спешить не получалось. Усталость, холод и теснота — серьезные помехи даже в этом нехитром деле. Эдик лег, стараясь мне не мешать, а я присел на корточки перед примусом и газовой горелкой поближе ко входу, чтобы удобнее было доставать снег снаружи. Есть почти не хотелось, но пили много — сначала растворяли сублимированные соки, потом заварили чай. Эдик с удовольствием пил молоко из порошка. Движения наши из-за усталости и объемной одежды были неуклюжими, и мы иногда опрокидывали кастрюли и кружки. Приходилось опять топить снег и кипятить воду.

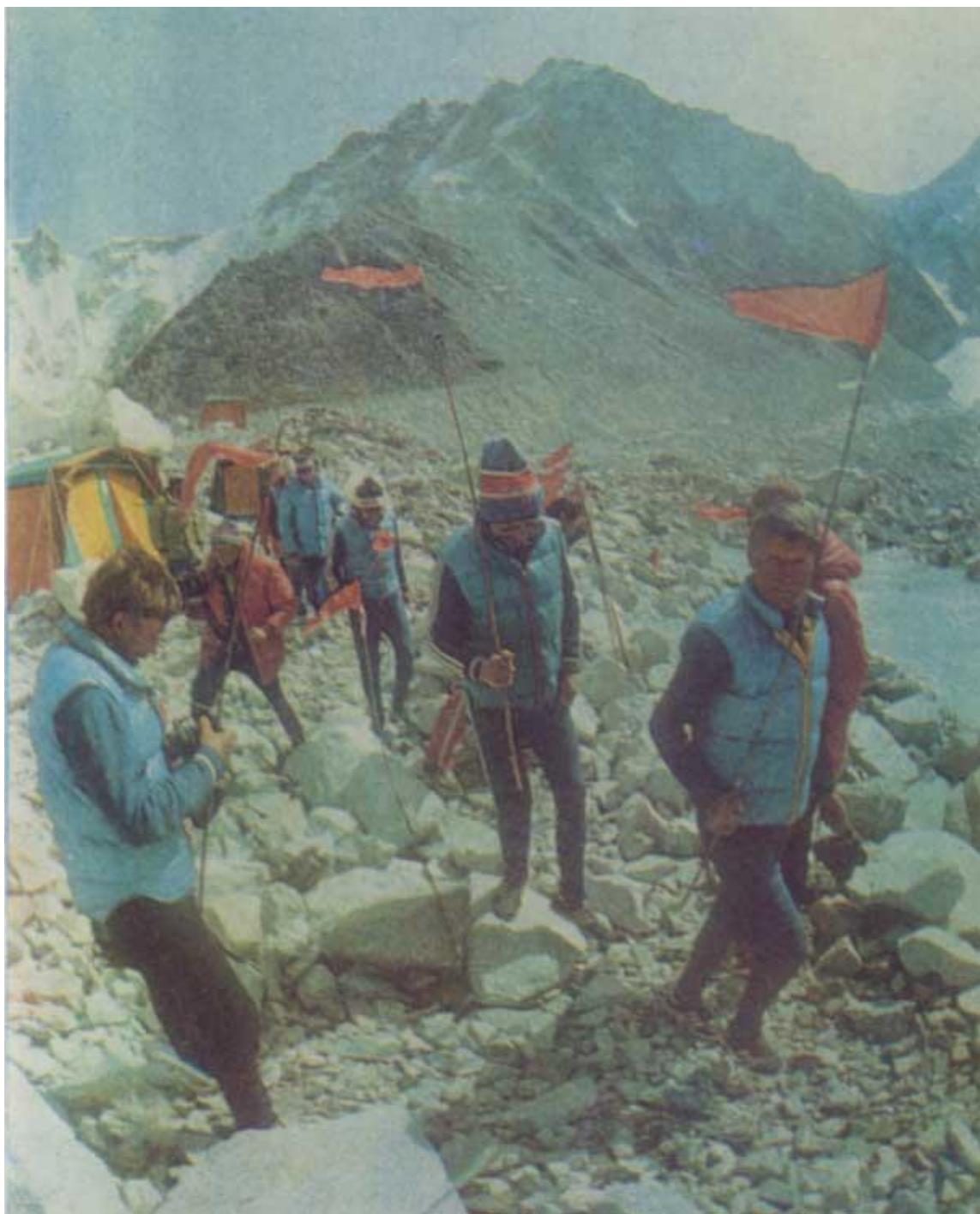
Я впервые был на высоте 8250. Обычно после первой ночи на новой высотной отметке болит голова и утром тяжело включаться в работу. А работа предстояла сложная, к тому же совсем неизвестная: дальше этого лагеря никто не ходил.

Чтобы исключить утренние неприятные ощущения, я решил попробовать спать с кислородом, расходуя 0,5 литра в минуту.

По связи вечером мы сообщили базе, что завтра возвращаемся за грузом, однако утром я предложил не терять рабочий день сразу двоим. Пока Эдик ходит за своим рюкзаком, я смогу начать обрабатывать маршрут. Эдик согласился.

Я взял пять веревок, крючья, молоток, карабины. Подойдя к концу перил, оставил груз, повесив на себя только железо. Закрепил конец веревки, пристегнулся к ней зажимом и пошел, организуя промежуточные точки страховки. В случае срыва я повисал на системе "зажим — веревка — промежуточный крюк". К счастью, срывов удалось избежать. Этот метод — так называемая система одиночного хождения — конечно, менее удобен, чем работа в связке, но все-таки он позволил нам выполнить дневной план. Неудобство заключалось в том, что каждый участок приходилось преодолевать трижды —

вверх, вниз, вверх. Навешивая веревку, я лез, конечно, без рюкзака, потом возвращался, чтобы поднять его к подножию очередной стенки и достать следующую веревку. Если спустить эти скалы на высоту кавказских вершин, то они не представят особых трудностей для опытного скалолаза.

1 Мая в базовом лагере. В это время передовая двойка находилась на пути к лагерю-5.

Сложенные из горизонтальных слоев черного сланца, с большим количеством трещин, они удобны для лазания при любой крутизне. Но здесь приходится работать не в легком свитере и не в галошах. На ногах тяжелые двойные ботинки, по два килограмма

каждый, с утеплителями, на руках толстые шерстяные рукавицы. Даже в этих условиях, не будь снега на каждой полочке, каждой зацепочке, можно было бы идти быстрее. И в довершение всего — трещины слишком мелкие, а скалы непрочные, — трудно найти место для надежного крюка.

Путь к лагерю-5. Острый снежный гребень.

Заканчивая обрабатывать третью веревку, вдруг услышал крик. Замер, стоя на мелких зацепочках, пытаюсь сдержать дыхание. Прислушался. Тихо. Неужели слуховые галлюцинации? Кто здесь может кричать? Сейчас на этой высоте я один со всем миром. Альпийские галки иногда кричат очень пронзительно, но даже они не в состоянии сюда залететь. Ближайшая живая душа — Эдик, но он далеко внизу и за несколькими изгибами гребня. Значит, показалось. Тревожный симптом. До сих пор не замечал за собой отклонений от равнинных норм. Выдал себе веревку, сдул пушистый снег с очередной полочки. Скорей бы выбраться на эту снежную шапку, подвигать пальцами в ботинках, на несколько минут сунуть руки под пуховку. Сколько же мне еще здесь вертухаться? Под стенкой в рюкзаке последняя веревка. Но каким окажется рельеф дальше?

Вдруг опять крик. Что за чертовщина? Теперь уж точно не ослышался. Лихорадочно ищу место, где можно закрепить веревку. Как назло, ни выступа, ни трещин. В эту труху забить бы “морковку” (Универсальный ледово-скальный крюк). Может быть, вот сюда зайдет швеллер? Хотя бы временно. Быстро встегиваю карабинный тормоз. Съезжаю со стенки. Дальше несколько участков — просто держась за веревку руками. Надо спешить. Наконец отсюда маршрут виден далеко вниз. Ниже палатки на стенке замечаю Эдика. Видно только его голову и плечи.

— Что случилось?

Эдик не сразу поднял голову. Молча смотрит на меня, тяжело дышит.

— Что с тобой? Ты кричал? Молчание. Я переминаюсь на месте в замешательстве.

— Мне спускаться? Нет?

Эдик отвернулся от меня и, кажется, начал двигать зажим по перилам. Внешне с ним все нормально. Так ничего и не поняв, я опять поднимаюсь к верхнему концу перил. Наваждение какое-то. Может быть, он хотел, чтобы я помог ему вытащить рюкзак, а потом передумал? Надо бы успеть сегодня навесить еще веревку. Как-то медленно у меня движется обработка. Скоро сумерки, опять холод собачий...

К семи часам я навесил четыре веревки, в добавление к той одной, что успела навесить группа Голодова, то есть как раз до половины пути к лагерю-5.

На этом участке отдельные вертикальные стенки чередовались с длинными острыми снежными гребнями. На снегу сложность была не в прохождении, а в опасности улететь с внезапно обвалившимся карнизом и в неудобстве организовать страховку. Приходилось вырубать из снега тумбы диаметром полтора-два метра и обвязывать их веревкой. Вернулся я в палатку уже в полной темноте, около восьми вечера, опять страшно уставший.

Эдик лежал, не зажигая свечи и не разведя примуса, постанывая от боли. В двух словах он сообщил мне, как завис на стенке уже при подходе к палатке. Пытаясь застегнуть второй зажим, он сделал что-то не так, и зажимы проскользнули по веревке. Самостраховка, на которой висел, была закреплена слишком низко на груди, и рюкзак опрокинул его. Эдик изо всех сил старался вернуться в нормальное положение, голой рукой хватался за мелкие зацепки, обмораживая пальцы до волдырей, но ничего не получалось. Груз был тяжел: ведь он захватил еще и часть того, что не принес Наванг, вернувшийся в лагерь-3. Рюкзак душил поясным ремнем, а до перил было не дотянуться. В это время кончился кислород, и наступил момент, близкий к потере сознания. Ради спасения жизни надо было жертвовать рюкзаком. Расстегнув ремень, Эдик еще пытался как-то спасти груз, держа рюкзак за лямку на руке. Но удержать такую тяжесть, вися вниз головой, было трудно, — ведь даже стоя на площадке, дыша кислородом, он едва мог надеть его на себя.

Рюкзак распоролся по всем швам от первого же удара о камни. Ближе всего, метрах в ста пятидесяти, зацепилась веревка, которая находилась на самом дне рюкзака,

остальное — крючья, карабины, кислород, продукты, два фотоаппарата — навечно затерялось в снегах кулуара Боннингтона. На лице осталась кислородная маска с рваной дырой в том месте, где к ней подходила трубка от баллона.

Мы еще раз посчитали наше снаряжение и кислород. Получалось, что завтра мы еще сможем работать, а дальше остается только надеяться на заброску веревок и кислорода группой Иванова.

Я взялся за примус. Опять легли очень поздно

2 мая. Утром Эдик “раскачивался” часа четыре, и вышли мы поздно. Эту ночь я проспал с кислородом, а утром отдал маску Эдику. Соорудил ему рюкзачок из чехла палатки и укрепил в нем кислородный баллон для работы на маршруте.

Мы взяли шесть веревок и двинулись по моим вчерашним перилам. Не успели повесить две веревки, как пошел снег, и работать на скалах стало крайне трудно. А я как раз вышел на сложнейшую стенку участка 4—5. Хорошо, что порода в этом месте оказалась довольно прочной,— пришлось почаще бить крючья и переходить с лесенки на лесенку. Вдруг мы услышали голос и увидели Сережу Бершова. Я не мог понять, как он здесь оказался. Группа Иванова делала запланированную ходку из лагеря-3 в лагерь-4, ребята отдыхали в нашей палатке, а Сережа решил подбросить свой груз прямо к тому месту, где мы работали. Для великолепного скалолаза, отлично акклиматизированного, с кислородом и небольшим грузом, в девять килограммов, лишние шесть-семь веревок не представляли большого труда. Сережа всегда весел и разговорчив, у него бесконечный запас острых шуток и поговорок, и его присутствие на время смягчило нашу чересчур деловую обстановку. Он заметил, что с кислородом я мог бы обрабатывать быстрее. Это верно, но мы и так не выбиваемся из графика, а мне все-таки хочется дойти без кислорода до самой вершины. Ребята принесли и запасную маску, так что теперь в любой момент и я мог бы дышать этим чудесным газом, если бы почувствовал себя неважно и стал бы тормозить Эдика.

Высота 8350.

Через пару веревок мы наконец ушли с этих коварных снежных гребешков и стали подниматься по крутому узкому кулуару с тонким слоем снега на льду. Очень не хотелось снимать рукавицы, чтобы надеть кошки, руки и без того сильно мерзли, но без кошек было просто не пройти. Начались сложности с закреплением веревок: выбор крючьев становился все беднее, а карабины давно кончились — 20 штук улетело с рюкзаком Эдика. Сначала мы поснимали с себя все те, без которых как-то могли обойтись, а потом приходилось просовывать веревку прямо в ухо крюка и завязывать узел.

Приближаясь к гребню, где намечалось поставить лагерь-5, мы вышли на простой скальный маршрут. Здесь Эдик, организуя мне страховку, попытался забросить веревку за выступ. К несчастью, на выступе оказался невидимый снизу камень, который тут же свалился мне на голову. Я не надевал каску, так как в последние дни мы работали на гребневом маршруте, где не бывает внезапных подарков в виде камней на голову. Несколько минут я стоял, приходя в себя от сильной боли. На затылке образовалась гематома в пол-ладони, но боль постепенно спала, и я пошел вверх, больше озабоченный технической работой, чем наблюдениями за собственным самочувствием.

К шестичасовой связи развесили свои шесть веревок и стояли на пологом снежно-скальном гребне, самой верхней части нашего контрфорса, который еще через сто пятьдесят метров упирался в основной, западный гребень массива Эвереста. В этот момент я окончательно поверил в реальность варианта, предложенного Анатолием Георгиевичем Овчинниковым: мы не только обработали участок 4—5, но и можем попробовать сходить на самый-самый верх.

Окончательное решение о месте будущего лагеря 8500 оставили на завтра и быстро “посыпались” вниз. В палатку лагеря-4 прибыли опять в темноте.

По альпинистским понятиям, жить вдвоем в хорошо поставленной высотной палатке очень удобно и просторно. Однако в полном высотном обмундировании и на фоне общей усталости о ловкости и точной координации наших движений не могло быть и речи. Эдик, забравшись в спальный мешок в пуховке, занимал половину палатки. Видимо, он страдал от боли в обмороженных пальцах, постоянно ворочался и своими неловкими движениями непрерывно опрокидывал примус, горелку, кастрюлю и прочее. Мне, сидя на корточках перед всей этой кухней, стоило большого труда успевать контролировать ее равновесие (один раз я пролил кипяток себе под спальный), готовить пищу и высовываться из палатки за новой порцией снега.

3 мая. Этот день был начисто лишен какого-либо творческого начала — просто работа по перетаскиванию груза. По расчетам, каждому доставалось нести по семнадцать килограммов. В рюкзачок Эдика мы положили баллон и палатку для лагеря-5. Еще один баллон Эдик взял для работы в течение дня. Остальной груз — три баллона, принесенные вчера Бершовым, — он возьмет после половины пути.

Мой груз в рюкзак не поместился — кинокамеру пришлось повесить на шею. Пока шли по снежным “ножам”, это не вызывало неудобств, но на отвесных стенках приходилось ее снимать: сначала поднимал рюкзак, потом возвращался за камерой. Оставлять ее не хотелось: пробовал снимать в районе лагеря-4 — камера работала безотказно, несмотря на сильный мороз. Все понимали, что кинокадры с вершины — венец будущего фильма об экспедиции, и поэтому жертвовали кислородом, снаряжением, продуктами, но упорно поднимали “Красногорск-2” из лагеря в лагерь.

К концу одиннадцатой веревки мы подошли как раз во время вечерней связи в 18 часов. Пока я разговаривал с базой, Эдик прошел немного дальше, но и там хороших площадок не просматривалось. Решили здесь же срубить часть снежного надува и разгрести осыпь. Всего за полтора часа активной работы удалось подготовить неплохую площадку.

Давно стемнело. Я в своем углу копался с примусом, как вдруг услышал какой-то металлический стук.

— Что такое?

— Кислородный баллон,— ответил Эдик.

Оказывается, он положил один из баллонов у входа и случайно задел его, лежа в спальнике. Баллон юркнул в незавязанный рукав входа и лихо прогремел по сложному рельефу южной стены Эвереста. Это было существенной потерей, так как у нас совсем не оставалось резерва на спуск. И как мы будем себя чувствовать — неизвестно. Я тут же бросился проверять, не толкнул ли он мой ботинок. К счастью, из всех наших ошибок не было ни одной роковой.

Примус никак не разгорался в полную силу, хотя еще вчера работал нормально. Вода закипала долго, и нам не удалось напиться вдоволь.

Водный баланс очень важен на высоте, так как из-за большой сухости воздуха кровь густеет и возникает опасность закупорки кровеносных сосудов. Если это происходит в ноге, то она перестает двигаться, а если такая пробочка появится в сосудах, питающих сердце, то оно может отказаться работать.

Но мы не могли позволить себе топить воду всю ночь, надо было немного поспать.

Я знал, что тяжело будет утром надевать ботинки, но все-таки снял их, так как пальцы ног онемели от холода и надо было как следует восстановить кровообращение перед завтрашней работой.

Эдик во сне стонал, кряхтел и ворочался. Обмороженные пальцы постоянно причиняли ему сильную боль, а расход кислорода 0,5—1 литр в минуту не давал возможности глубоко заснуть. Ночь почти не снимала дневную усталость, но большего расхода мы себе позволить не могли.

В этот день группа Иванова поднялась в лагерь-4 и решала трудный вопрос — идти завтра в лагерь-5 или ждать сутки, пока мы начнем спуск вниз. По связи Иванов пытался добиться от меня, куда мы собираемся спуститься после восхождения, но ни я, ни кто-либо, кроме господ бога, на этот вопрос ответить не могли. Ночь провел в полудреме, боясь проспать.

Сколько времени займет у нас восхождение, было неизвестно, поэтому хотелось пойти с первыми лучами, чтобы иметь побольше светлого времени. Начал будить Эдика в два, потом в три часа. Безрезультатно. Наконец в пятом часу приступил к этому серьезно (заорал). Он стал подниматься.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— Не очень, но я пойду.

Ну что же, его упорство и умение терпеть были известны. Если он решил идти, значит, выложится без остатка, но дойдет. Даже на одной силе воли.

Починил насос примуса, сделал чай. Готовить было некогда. Долго надевал ботинки с утеплителями. Вышли только в 6.10. Эдик — с двумя баллонами, у меня — кинокамера, фотоаппарат, кошки, молоток, крючья, карабины. Рация, как всегда, у меня.

Сначала у Эдика стоял расход — один литр в минуту. Шел он тяжело, но, зная, что с утра ему всегда трудно, я надеялся, что он постепенно втянется. Так оно и оказалось. Едва прошли последние сто пятьдесят метров нашего контрфорса и перевалили за основной западный гребень, как с севера ударила жесткая волна ледящего ветра. Вершина держала нас в тени восходящего солнца, но не прикрывала от дыхания далекой стратосферы. Сразу еще больше начали мерзнуть руки и ноги. Сняв на пару минут рукавицы при сложном лазании, я потом больше четверти часа отогревал онемевшие пальцы до появления боли — свидетеля вернувшегося кровообращения.

Я явно недооценил сложность маршрута. Да и все мы считали, что большая часть его окажется пешей ходьбой. На самом деле почти нигде не было проще троечного (По принятой в СССР пятибалльной шкале) лазания, не говоря уже о большой протяженности пути. Видимо, следовало сразу поставить Эдику 1,5—2 литра, а самому работать как можно быстрее. К 8.30 мы еще не прошли пояс рыжих скал. Видя, что Эдику очень тяжело, поставил ему два литра в минуту. Он сразу ожил и почти не тормозил меня до самой вершины. Не зная рельефа, я до конца тащил молоток и крючья и слишком тщательно выбирал маршрут, просматривая варианты. Надо было просто переть и переть, так как почти всегда варианты оказывались одинаковыми по сложности, а путь, в общем, довольно логичен и однозначен.

Сколько времени мы идем, я не считал, но нутром чувствовал, что дело затягивается. Несколько раз спрашивал Эдика, какой перепад высоты по альтиметру от лагеря-5, не он ничего вразумительного не отвечал. То ли он не посмотрел исходную высоту, то ли забыл ее.

Слева просматривался северный гребень, который по мере подъема приближался к нашему западному. Когда же, наконец, они сойдутся? “Жандарм” следовал за “жандармом”. Поднимаясь на очередную скалу, мы видели перед собой следующую. А вершины все не видно. Казалось, так будет бесконечно. Неожиданно для меня появилась довольно крутая стена высотой метров сорок. К счастью, просматривался вариант с хорошей страховкой за выступы.

— Как думаешь, далеко еще? — спросил я, уже совсем разуверившись в скорой победе. Эдик теоретически знал маршрут, видимо, значительно лучше меня и сказал совершенно уверенно:

— После этой стены уже простая дорога. Здесь можно оставить “железо”.

Я был настроен не столь оптимистично, но с удовольствием снял с себя ответственность и выложил кошки, крючья, карабины, молоток, оставив только рацию, кинокамеру, фотоаппарат.

Поднявшись наверх и выбирая веревку Эдика, я действительно увидел пологий заснеженный склон, но все еще боялся поверить своему счастью. На двухчасовой связи с базой я на всякий случай не стал их обнадеживать, а сказал несколько раздраженно: “Каждый следующий взлет принимаем за вершину, а ее все нет и нет...”

Только тут, при монотонной ходьбе по снегу, когда не нужно было искать зацепки, выбирать простейший варианты лазания, организовывать страховку, я почувствовал, как устал.

Постоянная техническая работа отвлекает от наблюдений за собственным организмом, поэтому выматываешься до предела, не замечая этого. На снегу после нескольких шагов истощается кислородный запас организма и останавливаешься отдыхать; навалившись руками на колено, можно опустить голову, закрыть глаза и думать о чем угодно. Вместо анализа технических сложностей наступает время анализа своего физического состояния. Здесь начинаешь считать шаги, пытаешься пройти как можно больше до следующей остановки. Здесь замечаешь, как сильно замерзли ноги и руки, и стараешься интенсивнее шевелить пальцами. Ни в коем случае нельзя давать им потерять чувствительность. Сердце бешено колотится, легкие лихорадочно перекачивают огромные массы воздуха, пытаешься высосать из него редкие молекулы кислорода, а ты в этой чистой, разреженной атмосфере движешься медленно, как сквозь густую, вязкую массу, опутанный невидимыми сетями и обвешанный гирями. В этом исключительно сухом воздухе организм теряет огромное количество влаги, но пить не очень хочется, потому что холодно. Организм незаметно обезвоживается до опасных пределов. Есть тоже не хочется: все равно нет кислорода для окисления пищи. Водяной

пар при выходе (без кислородной маски) превращается в кристаллики льда еще в гортани и оседает на ее стенках. Горло воспаляется так, что, глотая свою слюну, испытываешь жуткую боль, как будто глотаешь битое стекло. Одна мысль об этом вызывает не только панический страх, но и рефлекторное слюноотделение. И пытка продолжается.

Почти не возникает желания смотреть вокруг, любоваться панорамой великолепных гор. Никаких лишних движений, никаких эмоций. Короткий переход — остановка. Переход — остановка. Монотонный, бесконечный ритм.

Наконец склон стал выполаживаться. Последние камни уступили место плавно поднимающемуся чисто снежному гребню с крутыми скатами на север и юг. Верхняя видимая точка не отдалялась, как раньше, по мере подъема, а стала понемногу опускаться. Еще чуть-чуть — и глаза окажутся на одной с ней горизонтали.

Перед выходом на вершину была мысль подсказать базе включить магнитофон, но потом я решил, что у них уже все готово, настроено. Они же сидели в столовой за обедом и не догадались притащить туда аппаратуру.

Уже значительно позже я узнал, что как раз в этот день в восемь утра Леша Москальцов сорвался с лестницы в трещину, и весь день у них прошел в заботах по его эвакуации. В этих условиях простительно было забыть о записи.

Я стоял на самой высокой точке. Следующий шаг — начало спуска на восток. Там, в двух метрах от меня и немного левее верхней кромки гребня, едва виднеется круглый набалдашник из светлого металла (Верхушка триангуляционного знака, установленного в 1975 году. Тренога высотой 2,5 метра теперь занесена полностью и оказалась ниже верхней точки снежного надува на вершине) с обрывками выцветших флагов.

Признаться, какое-то честолюбивое чувство оттого, что здесь стою именно я, все-таки шевельнулось в глубине души. Оно не было резким, внезапным, как не была внезапной сама победа. Слабая надежда на нее, видимо, безотчетно зародилась, еще когда было принято решение о выходе нашей двойки из базового лагеря. К утру 4 мая надежда переросла в уверенность, а желание — в обязанность. Поэтому, глядя на Тибет, я не ощутил приступа бурной радости. Я подумал: “Ну вот, наконец-то. Вверх больше не надо. Можно отдохнуть. И что бы теперь ни случилось с погодой, с маршрутом и даже с нами — все равно, русские побывали на Эвересте”.

Я достал рацию и вызвал базу.

Я сказал:

— Во все стороны пути идут только вниз, прямо передо мной торчит из снега небольшой металлический пупырь. Что будем делать?

Евгений Игоревич, не слишком склонный понимать шутки в такой ситуации, начал подробно объяснять, что этот пупырь и нужно заснять, а также снять окружающую панораму и прочее. При этом даже не поздравил с победой.

— Сегодня, кажется, четвертое мая. Время — четырнадцать сорок?

— Да, да. Нет. Сейчас четырнадцать тридцать пять.

— Понял. Четырнадцать тридцать пять.

— Как вы себя чувствуете? Где Эдик?

— Нормально. Эдик подходит. Уже после нашего разговора Леша Трощиненко крикнул в микрофон:

— Поздравляем от имени хоздвора!

Во все стороны пути идут только вниз. Фото Э. Мысловского.

Я специально не дошел до треноги, чтобы заснять девственный снег и подход Эдика. Однако не успел я настроить камеру, как Эдик, несмотря на мои просьбы, не останавливаясь и почти наступая на меня, прошел к треноге и плюхнулся рядом, испортив мне весь сюжет. Пришлось снимать так, как есть. Облака к этому времени поднялись настолько высоко, что окрестных вершин совсем не было видно. Иногда просвечивала

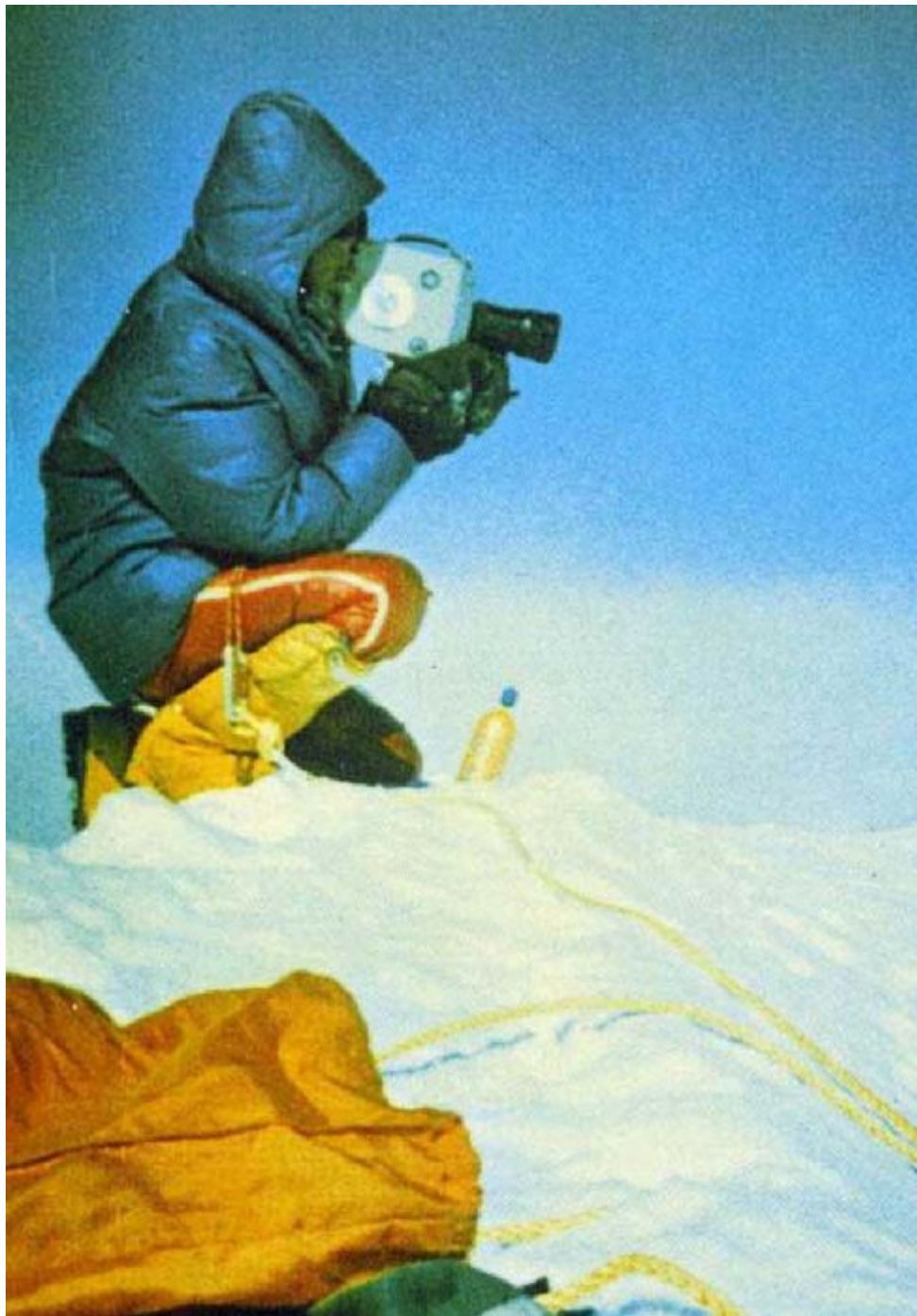
Лхоцзе. На севере — необозримые коричневые пространства Тибета, на юге — сплошная облачность. Два плана снял Эдик. Потом фотографировали.

Эдуард Мысловский достиг цели. Фото В. Балыбердина.

Безусловно, я был счастлив. Оттого, что зашел, оттого, что первый. Здесь была и гордость за успех экспедиции, и за славный ленинградский альпинизм, до обидного малочисленно представленный в Гималаях. Рад, что обошелся-таки без кислорода и до сих пор в хорошем самочувствии и при ясном сознании. Но все эти мысли толпились в

глубоких подвалах мозга, подавленные конкретными делами — радиосвязь, кино- и фотосъемка.

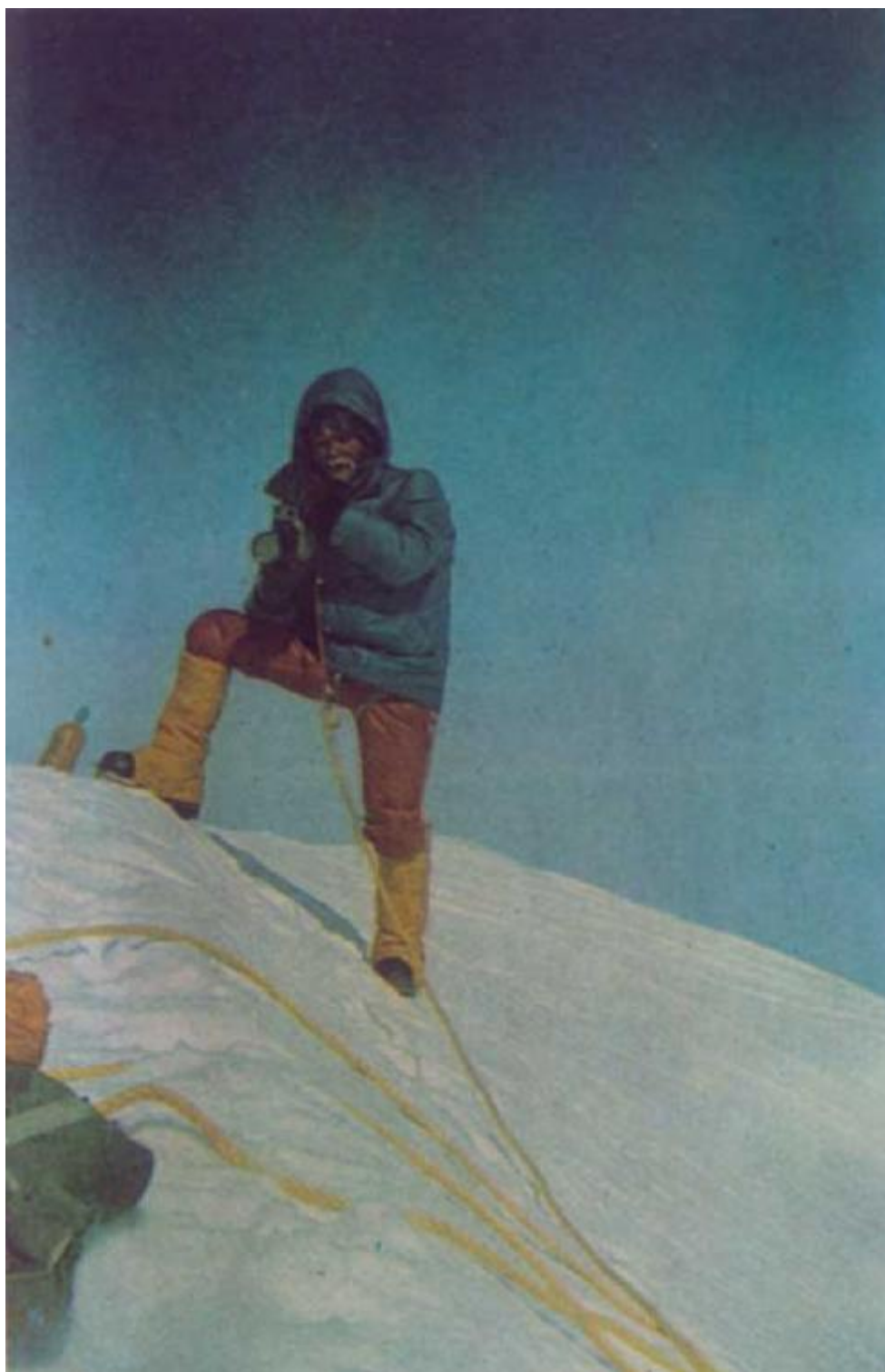

Владимир Балыбердин на вершине Эвереста.

Будь я человеком более эмоциональным, может быть, воздел бы руки к небу, крикнул бы или заплясал. Впрочем, на высоте обычно нет сил для этого. Во всяком случае, посидел бы в задумчивости, прислушиваясь к ощущениям и наслаждаясь счастьем. Но работала стандартная программа — быстро сделать необходимое и вниз. Вниз без оглядки. Кажется, мы даже не поздравили друг друга. Хорошо, что Эдик, думая дальше сегодняшнего дня, остановил меня на спуске:

— Что ты скажешь, когда придешь домой? Ведь тебя спросят: камень привез?

Я на лету подхватил эту мысль и накидал в рюкзак несколько килограммов известняка.

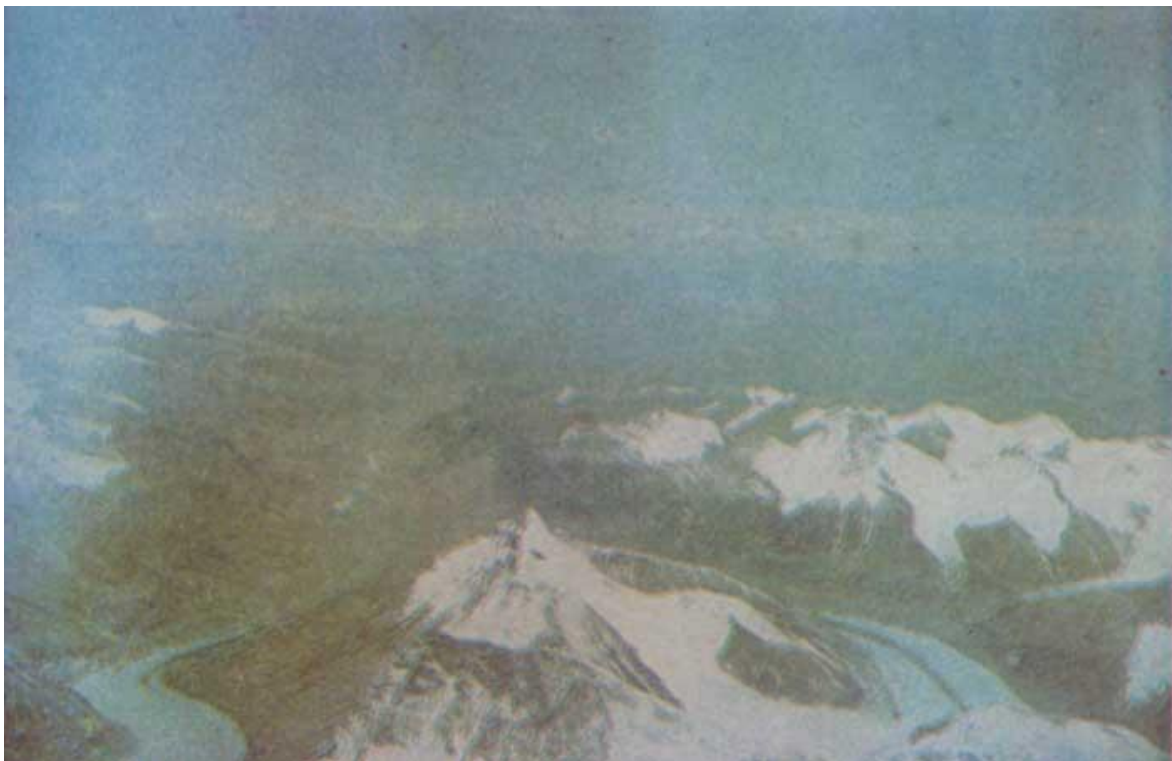

Даже на ветру и морозе "Красногорск-2" работал неплохо.

Спуск начали через час — в 15.35.

С вершины. Панорама в сторону Непала.

С вершины. Панорама в сторону Тибета.

Пошел снег. Мы и без того шли медленно, а когда стало скользко на скалах, вовсе поползли. В 16 часов я понял, что при таком темпе засветло не успеем вернуться на 8500.

Сказал об этом Эдику. К моему изумлению, он почему-то заговорил о том, что в ста метрах ниже у нас лежат молоток и крючья.

До сих пор я даже отдаленно не представляю, что он хотел этим сказать. В конце концов я убедил его, что нужно сообщить о положении базе и Иванову. Иванов ответил, что светлого времени еще достаточно, однако Евгений Игоревич насторожился. Мы оставили их решать этот вопрос и продолжали спуск. Как назло, на первой же крутой стене Эдик забурился на тридцать метров левее маршрута, и я последним никак не мог спуститься по заснеженным скалам. Здесь пришлось оставить рюкзак. Я искренне думал, что завтра быстренько сбегаю за ним. У меня стерлось ощущение расстояния и сложности маршрута. Однако утром ребята меня разубедили в реальности, да и в необходимости этого шага. Рюкзак спустил Сережа Ефимов, предварительно на 90 процентов облегчив его геологическую коллекцию. Он же прихватил мои кошки.

Через пару часов, когда уже стемнело, я вышел на связь с базой.

— Володя, двадцать минут назад к вам вышли Бершов и Туркевич с большим количеством продуктов, горячего питья, медикаментов и кислорода.

— Зачем нам лекарства? Мы вроде пока здоровы.

— Не понадобятся — и хорошо. Тебе тоже несут кислород и маску.

— Да мне-то кислорода, наверное, не нужно. Вот попить бы горячего...

— Ничего, ничего. Не нужно так не нужно. На месте решишь.

Евгений Игоревич говорил мягко, без нажима, верный своему правилу — убеждать, а не приказывать и даже не уговаривать. Так говорят с ребенком, который вдруг начал слегка капризничать. Стараются избежать окрика и плавно подвести к тому, чтобы он сам принял желаемое решение.

Вскоре я связался с Мишей Туркевичем. Далеко внизу, на пологой части гребня, на фоне свежего снега я увидел двойку. В лунном свете мне показалось, что они уже близко.

— Бэл, где вы находитесь, сколько до вас?

— Миша, я думаю, за час вы дойдете. На самом деле они шли два с половиной часа.

— Бэл, как вы шли?

— Миша, старайтесь держаться правее. Как можно ближе к гребню. За гребень вы все равно не уйдете — там стены, а влево по склонам путей много, можем разминуться.

Однако Миша, кажется, не понял и несколько раз переспрашивал. Рация у него висела на груди сверху пуховки и была на постоянном приеме. Естественно, аккумуляторы сели очень быстро.

Так мне на помощь пришла группа, которую я когда-то называл “хилой компанией” и высказывал сомнения в ее надежности.

С одной стороны, сообщение о помощи нас обрадовало, с другой — мы, видимо, совсем расслабились. Пожалуй, и соображал я плохо, так как прошел мимо собственных кошек, вместо того чтобы надеть их. Очень не хотелось останавливаться и снимать меховые рукавицы на таком морозе. Одна из них была сильно порвана, рука в ней мерзла, поэтому я постоянно менял рукавицы.

После того как в последние недели начались регулярные обильные снегопады, большинство ребят постоянно ходило в кошках от лагеря-2 и выше. Я почему-то очень неохотно надевал кошки на скальном маршруте и всегда тянул до тех пор, пока не станет совсем уж тяжело. Возможно, эта привычка стоила мне дополнительных затрат энергии и ее следует считать недостатком тактической грамотности. То есть не было твердо усвоенного правила: заснеженные скалы — надевай кошки, даже если тебе кажется, что можно идти и так. Но пока сил было в избытке, это не замечалось, а специальных сравнений на скорость прохождения я, конечно, не проводил. Это первая причина, по которой я, пройдя в сорока метрах ниже оставленных кошек, не стал к ним подниматься.

Во-вторых, в этом месте нам предстоял спуск по гребню из крупных скальных блоков с участками снега. Здесь кошки совершенно не нужны. А о том, что через пару часов мы выйдем на скользкие плиты, я не думал. Я помнил, что на подъеме кошки нам не понадобились, а насколько изменилась ситуация сейчас, правильно оценить не смог. К сожалению, это типичный случай. От общей усталости, под действием кислородного голодания, тяжелой физической работы притупляется способность мыслить перспективно, снижается возможность все предусмотреть. Здесь скрыта основная причина абсолютного большинства несчастных случаев в альпинизме.

У Эдика кончился последний баллон.

С парнями мы встретились в 21.00 где-то на 8700. Видя, что они показались из-за перегиба в сорока метрах ниже, мы остановились на ближайшей удобной площадке. Эдик сел. Подошел Миша, как всегда шумный, энергичный, уверенный. За ним Сергей Бершов. Дали нам поллитровую фляжку теплого компота. Серега достал три инжиринки. Я с тоской подумал о "большом количестве горячего питья и пищи", обещанных Таммом. Вид у нас был, видимо, далеко не бравый, потому что ребята энергично принялись нам помогать. Видя такую активность, мы и вовсе опустили руки.

К этому времени я уже свыкся с мыслью, что надо взять кислород, и, кажется, даже не сопротивлялся. Рюкзака у меня не было, поэтому решили повесить баллон на веревочке через плечо. Руки мои в порванных рукавицах настолько заоченели, что завязать узелки мне было очень трудно. Сергей быстро и ловко помог мне.

"Лунная" связка С. Бершов — М. Туркевич.

К этому времени голос мой из-за многосуточного пребывания на большой высоте без маски стал совсем слабым и хриплым, в горле как будто застрял комок бритвенных лезвий. Кожа на лице онемела от мороза, губы еле шевелились. Наверное, в базовом лагере казалось, что с ними говорит чуть ли не умирающий человек. Однако разборчивость моих передач, по заключению нашего радиста Ю. В. Кононова, всегда оставалась высокой.

— База! База! Я — группа один. В моей рации кончается питание — отвечайте быстро. Ребята хотят идти на вершину. Мы чувствуем себя нормально, спустимся самостоятельно. Можно им идти?

— Нет, — мгновенно ответил Евгений Игоревич. Сергей тут же выхватил у меня рацию.

— Почему нет?! Почему нет?! — закричал он, волнуясь и нечетко работая кнопкой “передача”.

— Сколько у вас кислорода?

— У каждого по два баллона.

Наступило молчание, в течение которого темпераментный Сережа пытался еще что-то добавить. Томительно тянулись мгновения, быть может, важнейшие за всю его альпинистскую биографию. Он это прекрасно понимал, и сразу бросалось в глаза, что он нервничает.

— Хорошо, — сказал Тамм через несколько секунд, и Бершов преобразился. Опять обычный Серега — веселый, говорливый, добродушный.

— Сколько до вершины?

— Наверное... часа два-три.

В тот момент я был о нас лучшего мнения. Мне казалось, что мы спустились гораздо ниже. На самом деле ребята проскочили последний кусок всего за час.

С кислородом (я поставил 1 литр) стало легче, но спуск продолжался вяло, так как оставалась главная сложность — заснеженные скалы при отсутствии кошек.

Когда мы подошли к месту, где следовало искать прошлогодние японские перила, я оказался в затруднении. Ночью, после снегопада, все выглядело незнакомо, и я не знал, куда податься. На наше счастье, в это время я услышал голоса. Ребята уже спускались. Я предложил Эдику подождать их. Он был в каком-то полубессознательном состоянии, но все же после нескольких обращений остановился и сел. Вскоре и Сережа нас заметил и стал кричать, чтобы мы не двигались. Ему показалось, что мы идем к пропасти. Но мы и без уговоров рады были посидеть, отдохнуть.

Дальше во всех сложных местах мы спускались по их перилам. Эдик шел медленно, тяжело, но шел сам. А вот руки его уже совсем не действовали, он не мог встегнуть карабин. Сережа и Миша всячески старались помочь, взяли на себя все операции с веревкой. Работали быстро, четко и, как всегда, весело.

Я спускался последним и по перилам, и в тех местах, где связки шли независимо. Пройдя японские перила и вернувшись на западный гребень, ребята решили отдать нам кошки. Путь предстоял сравнительно простой, но длинный. Не имело смысла идти “связкой по связке”. А самостоятельно идти без кошек нам было тяжело. Особенно опасно мне, так как я спускался последним — свободным лазанием и практически без страховки. К этому времени рукавицы мои были в дырах, а мороз, пожалуй, под 30 градусов, поэтому руки, окоченели и я не мог бы сам надеть кошки. Оказывается, у Сережи Бершова с собой были запасные меховые рукавицы, но я не догадался спросить или хотя бы пожаловаться.

После того как ребята надели нам кошки, мы почти не пользовались их веревкой. Они шли впереди и выбирали маршрут. На скальных стенках мне очень мешал

кислородный баллон, который идеально исполнял функцию ботала. Казалось, что особой пользы от кислорода нет, и я ждал, когда же он кончится, чтобы бросить баллон. Время от времени я смотрел на манометр.

— Слушай, здесь почти ничего не осталось, можно снимать?

— Ты что? Еще на часик хватит.

После этого пошли простые места, и я забыл про баллон, приспособился. Через пару часов глянул на индикатор подачи — в крайнем нижнем положении, посмотрел на манометр — ноль. Снял маску и вздохнул с облегчением. Она давно уже не помогала, а только затрудняла дыхание. С радостью скинул веревочку с баллоном. Маску и редуктор взяли в рюкзак, а я пошел совсем налегке. Это было очень кстати, потому что опять показались стеночки, требующие аккуратного лазания.

Вдруг стало темно: зашла луна. Только теперь мы оценили, как нам повезло с лунным освещением. Спускаться в полной темноте, на ощупь — значит играть в жмурки с опасностью. Поэтому обычно ночью не спускаются, стараются пересидеть до рассвета, борясь с холодом. В такой борьбе на высоте человек, как правило, проигрывает. Но мы уже не боялись холодной ночевки: во-первых, до лагеря недалеко и путь несложный, во-вторых, до рассвета всего час.

Этот час я шел совсем уж медленно, постоянно притормаживая Эдика, который так и норовил сдернуть меня с какой-нибудь стенки. Наверное, он плохо слышал мои команды через свой меховой шлем и капюшон пуховки.

Рассвело так же внезапно, как стемнело. Я узнал место стыка гребней. От западного, где мы находились, влево вниз уходил наш контрфорс. Еще сотня метров пути. Спало нервное напряжение, на котором только и шел. Поплелся, присаживаясь в снег, через каждые десять — двадцать метров.

Не знаю, сколько еще времени я мог бы идти. Не было ощущения, что вот-вот кончатся силы. Они давно уже кончились. Организм вошел в режим какого-то безразличного состояния, когда непонятно — то ли он будет работать бесконечно, как вечный двигатель, без притока внешней энергии, то ли внезапно откажет. Казалось, что в палатку я вполз на самом последнем пределе. Но где этот последний предел? И что после него? Пожалуй, никогда за всю альпинистскую жизнь я не был так близок к концу. И до сих пор не могу толком понять, в чем причина, где ошибка...

В лагере-5 мы пробыли недолго. Поели, попили, почти не спали. Иванов и Ефимов, встретив нас и напоив, отправились на вершину. Сережа связался с Орловским. Эдику сделали уколы сосудорасширяющих лекарств. Нам обоим дали таблетки компламина. Хотя на руках и ногах пальцы у меня онемели, цвет их был нормальный, — я знал, что они восстановятся через несколько дней, и отказался от уколов.

Спускались плотной группой. Кислород я больше не применял с тех пор, как он кончился у меня еще ночью. Здесь его было мало, а я не настолько плохо себя чувствовал. Эдику дали полный баллон и поставили на два литра в минуту. Боялись, сможет ли он самостоятельно спускаться по перилам, но все обошлось: хотя и очень медленно, но он шел сам. Часто останавливался, просил переодеть его или поправить снаряжение, говорил что-то не всегда понятное.

Я спускался последним, наблюдая за ним сверху, при длительных остановках садился на какую-нибудь полочку и дремал по несколько минут, пока Эдик и Сережа не освобождали мне следующую веревку. Шлось легко — все-таки вниз, в тепло, к тому же без груза и при хорошей погоде. А на солнце даже приятно, только клонило в сон. Вторые сутки на ногах, да и ночь перед восхождением я почти не спал.

Когда Эдик миновал острые снежные гребешки, где даже перила в случае срыва не спасут от травмы, мы облегченно вздохнули. В лагере-4 не задерживались, чтобы успеть в лагерь-3 засветло.

Миша спустился сюда гораздо раньше и уже приготовил чай. Попили не раздеваясь. Миша тут же рванул вниз. Сережа помогал Эдику — снимал и надевал кислородную маску, поил и кормил. Эдик, попав в палатку, лежал почти без движения, и как только его переставали тормошить — тут же проваливался в сон. Уже пора было выходить. Сережа суетился вокруг Эдика и нервничал: вынуть его из палатки и заставить идти было трудно. Наконец он начал выползать.

По крупицам я собирал силы для заключительного спуска. Скорей бы вниз. Еще двадцать веревок — и спать, спать...

Эдик после каждого движения вдруг замирал, как будто на минуту уходя из этого мира, а потом медленно возвращался к действительности. Чувствовалось, как много он дал бы, чтобы продлить эти краткие мгновения полной расслабленности.

— Эдик, надо идти. Уже поздно. Мы не успеем до темноты.

— Да... Да... — бормотал он, делая еще одно движение, и замирал.

Доходил ли до него смысл наших слов, или срабатывала только простейшая реакция — ответ на приказ: “Вставай! Выходи! Спускайся!”?

Наконец он появился весь.

— Ну что, готов? Пошли. Как только я освобожу веревку — двигайся.

Он что-то пробурчал из-под маски и кивнул.

Уже где-то близко навстречу нам поднимались Валиев — Хрищатый, и следовало быть осторожным. Под свежеевыпавшим снегом много “живых” камней — как бы не побить ребят. Некоторое время я видел Эдика на одну-две веревки выше себя, потом ушел за перегиб.

Парни шли без кислорода, с огромными рюкзаками. Я как бы посмотрел со стороны — так выглядели мы на этом подъеме.

Казбек, еле переводя дух, бросил что-то короткое, но, как всегда, очень емкое. В двух словах и поздравление, и восхищение, и пожелание. Вроде: “Ну, Бэл, ты даешь!”

Валера шел легче, обстоятельно расспросил о маршруте выше 8500, о самочувствии Эдика. Он давно интересуется медициной в альпинизме, кропотливо собирает уникальную аптечку и, обладая огромным высотным опытом, знает, что спросить и чем помочь.

Скромный до замкнутости, он даже не обмолвился о своем желании идти до самой вершины без кислорода. Представляю, как трудно ему было через двое суток расстаться со своей мечтой.

В третий лагерь я пришел до темноты, а Эдик, видимо, позднее. Когда, точно не знаю, так как я уже спал, дорвавшись наконец до этого великолепного занятия после двух дней и одной ночи непрерывной работы.

К утру 6 мая Эдик чувствовал себя уже значительно лучше. Стало приходить сознание всего происшедшего, а может быть, и своей роли в этой драме.

Большое впечатление произвел на меня своим поведением Сережа Бершов. Он постоянно опекал Эдика, буквально нянчился с ним, как с ребенком, одевал и раздевал, кормил, выводил из палатки. Я так не смог бы.

Здесь нас догнал Иванов, успешно посетивший вместе с Ефимовым вершину 5 мая в 13.30. Сережа не рвался вниз так, как Валя, и остался ночевать в лагере-4. Наверное, ему не хотелось расставаться с горой, которая на протяжении многих лет сверкала вдали, как вожденная цель, то доверчиво подпуская, то предательски прячась.

Во второй палатке вместе с Мишей Туркевичем ночевали Ильинский и Чепчев. Утром Миша нас всех накормил завтраком. Чепчев собирался долго (больше трех часов), был вялым и выглядел очень утомленным или даже больным.

Довольно долго собирались и мы с Эдиком, несмотря на постоянные подталкивания со стороны Миши и Сережи. Но я-то знал свои силы, знал, что успею дойти до лагеря-1 засветло, а Эдику было тяжело заставлять себя спешить. Но Сережа вертелся вокруг него с предельной настойчивостью и, действуя то уговорами, то окриками (не злобными, конечно), наконец вытолкнул его наружу.

В лагере-5. Группа Иванова улучшает площадку.

В лагере-2 опять произошла задержка: Валера Хомутов очень гостеприимно встретил нас и вместе с Мишей отлично накормил рисом с жареным салом и луком. Вопрос о питании требует отдельного большого разговора, но вкратце я могу сказать, что лучше бы я ел только рис с луком и мясом и сгущенку к чаю, чем все эти сублимированные разносолы.

Очевидно, я был еще очень слаб, потому что к концу спуска опять еле тащился. Не доходя сорока метров до палатки лагеря-1, я провалился по грудь в трещину прямо на тропе, по которой в последние дни водила масса участников и шерпов. И почему снежный мост не выдержал именно меня? К счастью, трещина оказалась не очень широкой. Зацепился рюкзаком.

Со словами “Мужики, как я люблю этот лагерь”, вполз в “Зиму” и завалился у входа, испытывая одновременно изнеможение и блаженство.

Забыл сказать, что все эти дни я спускался без кошек — отдал свои Эдику, так как его кошки улетели в кулуар Боннингтона. А скалы были заснежены, как никогда раньше. К тому же стало теплее, во многих местах появился натечный лед. Иногда я зависал на горизонтальных перилах, беспомощно елозя ботинками по отвесным стенкам, покрытым корочкой льда. Видимо, у меня еще были силы, если я из всех положений выходил самостоятельно, сохраняя нормальную скорость спуска.

А в дальнейшем еще предстоял спуск по ледопаду, по которому ходить без кошек совсем неподручно. Но сзади в связке со мной шел Миша Туркевич в качестве якоря, и я получил (впервые после хождения с Шопиным) истинное наслаждение от работы с настоящим мастером спорта, когда мы понимали друг друга с полуслова, когда каждая команда исполняется мгновенно, четко, когда страховка всегда надежна и даже твои действия угадываются на ход вперед.

Давно мы не ночевали в “Зиме” одни, без шерпов, все радовались простору, теплу и просто жизни.

7 мая выход в 10.00, но в последний момент я вспомнил о том, что надо сфотографировать на фоне Эвереста киевский примус с керамикой, и задержал всю компанию на несколько минут (было решено идти только в связке: стали открываться трещины на леднике). Этим вызвал неожиданно бурный протест и даже гнев Иванова. Валя в обычной обстановке мягкий и внешне безобидный, но когда доходит до серьезного дела, становится жестким, требовательным, нетерпимым. Что ж, качества, порой необходимые руководителю.

Шли хорошо, ноги Эдика поморожены не так сильно, а самочувствие постоянно улучшалось. Немного “перекурили” в промежуточном.

Верхняя часть ледопада изменилась незначительно, а ниже плато дорога оказалась совсем незнакомая. Но шлось просто, где надо — перила. Спустились без проблем. Около большого серака Марк Трахтман снимал для телевидения постоянных киногероев Онищенко и Трощиненко. Здесь же Овчинников и еще кто-то. Леня снял с меня рюкзак, в котором было опять около двадцати килограммов, а взамен дал с одной лишь кинокамерой. Я почувствовал себя как на крыльях.

Земляки, друзья, напарники по связке.

Съезжал со всех ледовых лбов глассером, прыгал через трещины, в общем, получал удовольствие от тепла, солнца, густого воздуха, отсутствия груза и присутствия собственного здоровья.

В лагере кроме старых обитателей — начальства, шерпов, офицеров связи — появились Сенкевич и Лещинский.

Мы по-братски обнялись с Володей Шопиным. У внимательного наблюдателя оба мы вызвали бы жалость. Но по разным причинам. Я — обгоревший и обросший, с хриплым голосом и синими провалившимися губами, хлюпик, в чем душа держится, но счастливый до самозабвения и Володя — здоровый и сильный, готовый хоть сейчас бежать на вершину, но надломленный запретом, как будто страшная тяжесть сдавила его высокую гибкую фигуру. Что я мог сказать ему, кроме банальных слов сожаления и сочувствия? Когда я с тем же подошел к Коле Черному, он вяло махнул рукой, поспешно отвернулся, пряча влажные глаза, и ушел в палатку.

Обитателям лагеря хотелось раздвоиться: подсказывали к нам, чтобы облобызаться, и тут же отбегали — зафиксировать на пленку это событие. Однако, имея сугубо пессимистический характер, я на фоне этого ликования постоянно возвращался к мысли: только бы у остальных наверху все закончилось благополучно.

8 мая. 22.00. Сегодняшний день не отмечен чьим-либо выдающимся поступком, но наполнен накалом страстей.

Всю предыдущую ночь ждали сообщения от двойки Валиев — Хрищатый. Они вышли на штурм в 17.00 и получили указание связаться с базой с вершины в любое время суток. В половине третьего ночи прозвучало: “База, база” — и больше ничего, несмотря на многочисленные вызовы. Наконец утром, в 7.00, Ильинский из лагеря сообщил, что приближается двойка сверху. Ребята вернулись в палатку в 9.00. Кажется, все нормально, больших обморожений нет.

На двухчасовой связи Ильинскому и Чепчеву было предписано сопровождать Казбека и Валеру вниз; Эрик долго не хотел смириться с тем, что ему предстоит уйти из-под самой вершины, даже не сделав попытки подняться. Но Тамм был неумолим. Тогда Эрик предложил вариант — самому идти с двойкой вниз, а Чепчева подключить к группе Хомутова. Евгений Игоревич в принципе не возражал и оставил вопрос на усмотрение Валеры. Валера посоветовался с друзьями и ответил отказом, мотивируя тем, что Чепчев, и без того не очень готовый, чересчур ослабнет, проведя четыре ночи на 8500, дожидаясь подхода группы-4. Тамм поддержал это решение.

Четверка алмаатинцев готовилась отправиться из лагеря-4 вниз, когда в половине пятого появилась группа-4, полная сил и уверенности в себе. Эта уверенность подкреплялась пятью баллонами кислорода в каждом из рюкзаков.

8 это время на базе происходили важные события. Калимулин сообщил последние известия: всем участникам экспедиции, работавшим на маршруте, присваивается звание “Заслуженный мастер спорта”. Исходя из прогноза погоды и во избежание возможных неприятностей, дальнейший штурм вершины прекращается.

Все это было передано Хомутову во время шестичасовой связи. На этот раз уже Валера призывал Тамма взять на себя ответственность и разрешить выход на вершину, на что начальник ответил: “Я этого сделать не могу, а как поступите вы — решайте сами. Только тщательно все взвесьте”. Это прозвучало как намек на разрешение.

Ко времени очередной связи группа Хомутова уже прошла шесть веревок на пути к лагерю-5 и возвращаться не собиралась.

9 мая. 12.30.

Что за экспедиция! Каждое восхождение уникальное.

Хомутовцы, которые вчера сделали бросок из третьего лагеря в пятый, сегодня, час назад, взошли на вершину. К счастью, погода великолепная и можно надеяться, что и спуск пройдет нормально.

10 мая утром отсняли сюжет для "Клуба кинопутешествий". Ю. А. Сенкевич брал интервью у нас с Эдиком. В десять минут они хотели втиснуть все восхождение со всеми его сложными перипетиями. На мой взгляд, получилось неудачно. Пытались Эдика заставить говорить быстро, интересно, страстно, динамично, откровенно, но у него совсем другой характер, да и настроение сейчас не то. Это интервью частично вошло в телефильм "Вершина".

Отсняли сюжеты на скалах для фильма "Восхождение на Эверест". Дима доволен. Черный, Шопин, Онищенко, Трощиненко, Хергиани и несколько шерпов отправились эвакуировать лагерь-2, 1, промежуточный.

После обеда в "кают-компани" Валера Хрищатый немного рассказал мне о восхождении. До пятого лагеря он шел без кислорода, причем не применял его и ночью. 7 мая они вышли в семь часов утра. У него были баллоны, но маску не надевал. На западном гребне их встретил такой жестокий холод и ветер, что он почувствовал: долго так не протянуть. Пришлось вернуться. Выйдя второй раз в 17.00, они с Казбеком уже оба дышали кислородом. Ветер был слабее, но за шестнадцать часов работы у Валеры все-таки прихватило пальцы ног и рук. На руках все десять были синие. Лишь один укол компламина с гепарином сделал чудо: сейчас только один палец чуть темнее нормы. Валера чувствовал себя хорошо и практически всю дорогу шел первым.

После спуска Валера не удержался, чтобы не попенять Тамму за Ильинского и Чепчева, не допущенных к восхождению. Евгений Игоревич отвечал спокойно, без тени сожаления.

В день выхода из базового лагеря 14 мая приблизительно в 10 часов пошел снег, причем постоянно усиливающийся. Дима это зафиксировал. Должны получиться эффектные кадры. Метель была в полном разгаре. К счастью, она закончилась довольно быстро, когда мы еще не успели пройти ледник. В Лобучи попили чаю, перекусили. Поговорили с парой из Западной Германии. У парня порвались ботинки, и он сидел среди снегов в босоножках. К сожалению, у нас не было с собой ничего подходящего.

Билеты на самолет из Луклы заказаны на 22 мая. Поэтому мы не торопились вниз, иногда устраивали дневки.

На знакомую поляну на берегу (наша первая ночевка при подъеме из Луклы) пришли к вечеру 17 мая. Поставили кемпинги и набросились на газеты и телеграммы. Я был тронут: получил поздравления (пожалуй, больше всех) из Омска, Ленинграда. В дополнение к письмам и газетным статьям получилось много приятных впечатлений.

Здесь уже заметно теплее — можно ходить босиком, спать без спальника (под двумя пуховками) и даже позагорать с утра.

Одно плохо — постоянно хочется есть. Избыток кислорода (здесь около 3000) приводит к усилению обмена, и организм активно заполняет опустевшие жировые депо. А продуктов у нас с собой, как назло, мало — все идет караваном.

Перед ужином появилась какая-то шерпани и начала растаскивать костер, который только что с трудом разжигали Тамм, Овчинников и я. Как она заявила, этот лес, а значит и дрова, принадлежит ей. 20 рупий исчерпали "международный конфликт".

20 мая. Вчера вечером Тамм заговорил о новой экспедиции. После короткого совещания, по предложению Овчинникова, решили заявлять Канченджангу. Я не думал, что такие дела решаются так просто. Неизвестно, чем все это закончится, но сама идея съездить в Дарджилинг на разведку очень прельщает.

В воскресенье 23 мая нас повезли на экскурсию по Катманду. Сначала Боднатх — главный буддистский храм, а потом Пашупати — основной центр индуизма. Пашупати поражает богатой и разнообразной архитектурой и отделкой. Особенно интересна резьба по дереву. Посмотрели места, где сжигают умерших.

27 мая. Сегодня у нас в гостях был Рейнгольд Месснер. После ужина собрались в зале и говорили не меньше двух часов. Он спросил об общей тактике, о характере маршрута, о погоде, о трудностях ночных восхождений. Очень высоко оценил как класс советских альпинистов вообще, так и большой успех на Эвересте.

Поговорили о скалолазании, к которому он относится отрицательно, так как скалолазание воспитывает, по его мнению, качества ненужные и даже вредные для альпинизма: слишком быстрое передвижение не позволяет достаточно оценить маршрут и притупляет чувство опасности. Все мы, скалолазы, с ним не согласны.

Спросили о тренировках. Раньше он бегал в гору, теперь не имеет такого желания и ходит на природном здоровье, а там уж как получится. Имеет семь восьмимысячников, два из них покорил в этом сезоне.

Говорит, что у него прошла пора расцвета и о а вряд ли успеет выполнить свою программу — покорить все четырнадцать восьмимысячников. Это зависит от того, сумеет ли он нынче сделать еще два восьмимысячника. Сейчас он сходил на Канченджангу и Чо-Ойю. Однако подхватил какую-то инфекцию вместе с сырой водой или чангом и теперь ждет, пройдет болезнь сама или придется делать операцию.

Считает идеальным возрастом для высотных восхождений 35 лет (ему 37), а для скальных — 20—25 лет.

Из проблемных стен в Гималаях главной считает южную стену Лхоцзе по центру (500 метров отвеса), тот маршрут, который не закончили югославы. На Канченджанге тоже есть интересные маршруты, но значительно проще.

О своем одиночном восхождении на Эверест вспоминает с содроганием и говорит, что никогда больше не будет ходить в одиночку.

Интересовался возможностью посетить Памир и Кавказ (Рейнгольд Месснер побывал на Кавказе в августе 1983 года).

Говорит, что на высоте его тоже очень беспокоит кашель и он не видит возможностей это предотвратить. Кстати, это очень серьезный вопрос и надо о нем подумать.

Внешность; рост около 180 сантиметров, волосы темные, нос Слегка вздернут, хорошая улыбка, худощав, но крепок, крупные руки скалолаза. Держится просто. Разговаривает свободно, хотя и утверждает, что испытывает определенные трудности из-за необходимости говорить по-английски.

Питер Хабелер (Напарник Месснера по бескислородному восхождению на Эверест) после Эвереста перестал ходить на высоту, довольствуется Альпами.

Месснер жалуется, что очень тяжело собрать деньги на экспедицию, приходится много работать. Он читает лекции.

На Канченджанге они не использовали своих европейских продуктов, только рис и дал (горох). Из Италии привезли только один большой кусок мяса, которым питались его жена с шестимесячным сыном.

К проблеме питания относится без интереса.

До 1979 года делал пять попыток взойти на восьмимысячники в одиночку, но отступал, боясь возможных осложнений.

Фармакологией не пользуется, иногда применяет снотворное, иногда аспирин против головной боли, для профилактики простуды и для разжижения крови.

На высоту ходит в пластмассовых ботинках с авиалитовыми вкладышами. Их очень важно поддержать перед надеванием в спальном мешке, иначе они так и останутся замерзшими. Рукавицы шерстяные, а если очень холодно, то сверху пуховые.

Старается очень много пить на высоте — четыре — шесть литров в сутки. Проблема в том, чтобы напить такое количество воды. Утром выпивает по одному литру.

...Мы прожили в Непале до 2 июня. Все дни были заполнены экскурсиями и официальными встречами, отправкой грузов и беседами с корреспондентами. Как правило, приходилось повторять одно и то же, но иногда получались интересные разговоры. Например, с Аллой Левиной из "Комсомольской правды".

— Я не собираюсь описывать экспедицию. Тем более не хочу разбираться во всех сложностях ваших взаимоотношений,— сразу заявила она.— Мои вопросы, может быть, покажутся неожиданными. Это даже не вопросы, не интервью. Мне хотелось бы просто побеседовать, обменяться мнениями. Мы ведь тоже прошли довольно большой — для нас — поход и даже покорили вершину!

Из многих десятков встреч, интервью, бесед лишь в редких случаях я не только выдавал информацию, но и сам получал какое-то удовольствие от общения.

В частности, мы коснулись переживаний человека, который из последних сил поднимается в гору. Причем идет без жизненно необходимой цели, без материальной заинтересованности. Алла Яковлевна рассказала, как она лезла на пик Калапата (5545) — панорамную точку в районе Эвереста. Совершенно незнакомая с альпинизмом, абсолютно нетренированная, измотанная несколькими днями горного похода, впервые оказавшись на такой высоте, она при подходе к верхушке этого травянистого холма настолько выложились, что ползла почти на четвереньках. Обливаясь потом и задыхаясь от недостатка воздуха, испытывая страшную головную боль и тошноту, на грани галлюцинаций или потери сознания, она упрямо карабкалась вверх. "Должна же я влезть на эту проклятую Калапату! Ведь другие-то идут, почему я не могу? А что я потом скажу своим друзьям, детям? Да при чем здесь дети, просто я сама хочу туда залезть. И буду идти, пока не упаду".

— И вот теперь мне кажется,— говорила Алла Яковлевна,— что вы на своих высотах испытываете... — она замялась, то ли выжидая, то ли подбирая слова.

— То же самое, что вы на Калапате?

— Да... Мне кажется... — Она смотрела вопросительно.

— Совершенно верно!

Она обрадовалась, что наши мысли и переживания совпали и что я не обиделся на столь далекую аналогию.

Действительно, высота и глубина переживаемых чувств не зависят от абсолютной высоты подъема или глубины погружения. Каждый человек, преодолевая огромные физические трудности ради, казалось бы, непонятной цели, проходит ту же гамму чувств и приблизительно тот же строй мыслей.

"Я должен это сделать!" — мысленно твердит, стискивая зубы, новичок в альпинизме, из последних сил взбираясь на маленькую вершинку на теплом Западном Кавказе.

"Я должен ее пролезть", — бормочет опытный ас, заканчивая последние метры стены после десятидневной изнурительной работы почти без пищи.

"Я должен закончить, я должен закончить", — стучит в голове бегуна, впервые приближающегося к финишу марафонской дистанции.

Внешние объективные трудности несоизмеримы, требования к организму часто противоположны, но личные переживания очень похожи: "Что я могу? На что способен? Где граница моих возможностей?"

И, несмотря на то, что в данный момент человек испытывает невероятные неудобства, он в то же время получает истинное наслаждение. В эти краткие моменты он живет на самом высоком уровне, с предельной концентрацией своих физических и моральных сил. Каждый нерв его звенит, как струна перед разрывом, ощущения остры и в то же время тонки и глубоки, уставшее тело борется с тщеславным сознанием, страх — со стремлением познать неизведанное, жажда риска — со здравым смыслом. Из таких положений человек выходит с чувством облегчения и бешеной радости, что все кончилось, а через некоторое время еще долго вспоминает о них с восторгом и блаженством.

Я был рад, что Алла Яковлевна не стала задавать мне такой надоевший вопрос: “Что вы чувствовали на вершине?” Она сама ответила. И теперь, когда меня сотни раз спрашивают одно и то же, мне хочется сказать: попробуйте сами, это не так уж трудно, для этого не надо ехать в Гималаи.

Видимо, многих корреспондентов разочаровали наши ответы на этот традиционный вопрос. Они ждали если не общения с богом, то по крайней мере взрыва эмоций на грани экстаза. А на маршруте непременно должны быть лавины и камнепады, срывы и удары молний. Действительно, каждый из нас может вспомнить что-то подобное. Два-три случая за десять — пятнадцать лет занятий альпинизмом. Причем главным образом — во времена первых восхождений. Чем выше квалификация альпиниста, тем меньше у него романтического восприятия гор, так называемых “острых ощущений”. Он заранее старается устроить все с гарантией успеха и безопасности, избежать неожиданностей и риска.

На сложных восхождениях страх присутствует частенько, но не как следствие авантюрных действий, а как трезвая оценка ситуации. Опасность мобилизует, заставляет напрягать физические и моральные силы, но главная надежда в таких случаях — свои интеллектуальные ресурсы. Надо заранее все предусмотреть так, чтобы не ставить себя в положение, когда тебе страшно, когда остается только надеяться — авось пронесет. Чем выше квалификация альпиниста, тем лучше он чувствует грань, которую переходить нельзя. Весь наш опыт направлен на то, чтобы вероятность успеха и гарантия безопасности приближалась к ста процентам. С точки зрения стороннего, неподготовленного наблюдателя переживания мастера спорта гораздо бледнее, чем новичка, — он никогда не рискует, он все знает наперед. Но мастер получает наслаждение от блестяще выполненной технической и тактической работы, наслаждение оттого, что, пройдя сложнейший и опаснейший маршрут, он ни разу не подвергал себя опасности. А новичок и по безобидному маршруту идет как по лезвию ножа, постоянно по собственной глупости балансирует между жизнью и смертью. Возможно, мы обкрадываем себя, сводя риск к минимуму, но ведь не может же человек, десятилетиями занимаясь альпинизмом, постоянно чувствовать себя на грани срыва. В конце концов либо он бросит это дело навсегда, либо у него начнутся неврозы или душевные расстройства (простите за неточное применение медицинских терминов).

По пути в Москву на два дня остановились в Дели. Здесь тоже — встречи, приемы, пресс-конференции, короткие экскурсии по городу. Главное событие — прием у премьер-министра Индиры Ганди. Были приглашены руководители экспедиции и участники, поднявшиеся на вершину. Мы рассказали об особенностях и основных итогах экспедиции. Несмотря на официальность встречи, она прошла как простая дружеская беседа и оставила очень приятное впечатление.

Вылетели из Дели 5 июля в 8,30. Короткая остановка в Ташкенте — и к 16 часам мы уже в Шереметьево-2. Прием в аэропорту оказался грандиозным. У нас с Евгением Игоревичем взяла интервью Анна Дмитриева для программы “Время”. Потом нас

поставили на грузовик (вместо трибуны). Опять пришлось говорить Тамму, затем Сереже Ефимову. Меня встречали мама, сестра, друзья-ленинградцы.

Огромная площадь перед зданием аэропорта вся заполнена народом. Нас растаскивают по сторонам и “разрывают на части”. Родственники, друзья, знакомые и незнакомые альпинисты, корреспонденты, фоторепортеры. Через несколько минут мы потеряли друг друга из виду. Экспедиция закончилась. Теперь нас объединяют не общая большая цель, а только воспоминания. Мы пока не знаем, что еще долго нас будут приглашать на встречи, выступления, телепередачи и радиоинтервью, на официальные приемы и дружеские беседы. Проявился огромный интерес к экспедиции, к нашему виду спорта. Мы очень благодарны за это и всеми силами стараемся помочь людям понять и то, что происходило в Гималаях, и то, чем славен альпинизм у нас в стране.

Позади главное событие в нашей альпинистской жизни. Два года напряженных тренировок и тревожных ожиданий, два месяца изнурительной работы и краткие мгновения счастья на вершине. С нами осталась дружба, проверенная и выстраданная. А что впереди? Волна интереса и славы накатит и схлынет. Появятся раздумья. Чем была экспедиция для тебя? Лебединой песней? Последней вершиной, с которой ты аккуратно спустишься в лоно тихой, спокойной жизни? Или промежуточным лагерем на твоём бесконечном подъеме? Куда ведет этот подъем — неясно, но это и неважно. Важно видеть перед собой дорогу вверх. Не должно быть такой жизненной вершины, с которой бы ты сказал: “Во все стороны пути идут только вниз”.

Итак, опять напряженные тренировки и тревожные ожидания: когда будет следующая экспедиция, попадем ли мы в нее по возрасту? А пока — участие в чемпионатах СССР по альпинизму и скалолазанию, сложные зимние восхождения и непрерывная тренерская работа.

Растерявшись в аэропорту, мы ловили глазами друг друга, ища поддержку в людском водовороте. Разъехавшись по городам, мы внимательно следим за успехами друг друга, и это придает нам силы.

“Но куда же вы рветесь? — спрашивают нас.— Пройдена самая высокая гора в мире по самому сложному маршруту. Что вам еще надо?”

К счастью, в альпинизме, как и во всяком спорте, нет пределов. Ближайшая цель — более сложные стены на других восьмитысячниках Гималаев. Следующий этап — восхождения всем составом без кислорода и без помощи высотных носильщиков. Затем — восхождения в альпийском стиле, то есть без предварительной обработки маршрута. А там, глядишь, появятся и новые горизонты.

Гималайская комиссия при Федерации альпинизма СССР продолжает работу.

Шесть дней в мае

(Из записей Е. Тамма)

К вечеру ветер стих настолько, что Эверест перестал гудеть. Сразу исчезло ощущение, будто бы над головой летают самолеты. Взлохмаченные облака то и дело проносятся перед луной, и окружающие горы то надвигаются темными громадами на лагерь, то отступают, и тогда их четкие силуэты дополняются таинственным блеском ледовых склонов. Привычный аккомпанемент регулярных обвалов на ледопаде и лавин, срывающихся где-то по соседству, кажется тревожнее обычного.

Почти час как маятник слоняюсь между “Кхумбалаторией” (как в шутку называют палатку доктора) и палаткой ленинградцев. Это единственная приличная “улица” в лагере, который стоит на засыпанной камнями, сравнительно спокойной части ледника. Но и здесь, среди палаток, немало трещин — надо быть внимательным. Это хоть немного отвлекает от непрерывных, назойливых мыслей о событиях, развивающихся сейчас наверху. Маленькая рация, висящая на плече, издает легкое настораживающее шипение.

Для нас весь мир сжался теперь до размеров ледника Кхумбу и окружающих вершин. Не возникает мыслей ни о ком и ни о чем постороннем. Даже регулярные переговоры с “большой землей” кажутся лишними, отвлекая от того, что происходит здесь.

Луна вновь скрылась в облаках. В наступившей темноте в нижнем ярусе лагеря сказочным теремом засверкал огромный шатер “кают-компаний”. Его желтые и синие полотнища подсвечены изнутри мощной керосиновой лампой. Из шатра доносятся приглушенные голоса. Внешне в лагере все спокойно. Однако любой старожил заметит необычное напряжение, не покидающее сегодня ни нас, ни шерпов, ни офицеров связи. Сейчас еще 4 мая. Утром, в 6.15, из лагеря-5, с высоты 8500 метров, на штурм вершины вышла ударная двойка — Эдик Мысловский и Володя Балыбердин. Мы узнали об этом во время утренней связи. С тех пор в базовом лагере и в группах на маршруте рации оперативной связи включены на прием. В 14.15, когда мы были в “кают-компаний” на обеде, наконец-то послышался усталый и немного растерянный голос Володи. В отличие от других групп, в этой двойке на связь всегда выходит он, а не руководитель. Я не пытался докапываться до причин, но думаю, у него сохранялось больше сил и ему, как более инициативному наверху, Эдик перепоручил связь с базой. Мы уже привыкли к его спокойной и четкой информации. На этот раз все было необычно.

“Евгений Игоревич, идем и идем вверх, каждый пупырь принимаем за вершину, а за ним открывается новый. Когда же, наконец, все кончится?!”

Я попытался сказать что-то ободряющее, выражал уверенность, что скоро уже и вершина. Просил регулярно выходить на связь. В “кают-компаний” все сразу загудели. Возбуждение нарастало. Юра Кононов разъяснил обстановку офицерам связи. Минут через двадцать Володя вновь вызвал базу. Сразу воцарилась тишина.

“Впечатление такое, что дальше все идет вниз. Как вы думаете, это вершина?”

Такого вопроса я не ожидал. Стало ясно, что ребята первыми осуществили мечту наших альпинистов, что кусок жизни, заполненный неимоверно тяжелой, нервной работой, кажется, будет оправдан. Точнее, все это стало ясно чуть позже”, а тогда огромное напряжение последних лет нашло наконец лазейку и я с трудом сдерживался, чтобы не дать волю эмоциям. Проглатывая комок, застрявший в горле, поздравил Володю и спросил, где Эдик. Он ответил, что Эдик уже подошел или подходит — точно не помню. Поздравил обоих, просил описать и отснять все, что они видят кругом, и быть осторожными при спуске. Напомнил, что мы все время на прослушивании и ждем регулярной информации. С трудом закончил связь и бросился из палатки — не хотелось показывать слабость. По дороге кто-то поздравлял, обнимал, похлопывал по плечу, но я уже плохо различал окружающих.

В дневнике Балыбердина описание этого момента выглядит примерно так: “Тамм бесстрастным, сухим голосом, даже не поздравив нас с победой, потребовал точно описать, что мы видим вокруг”. Я-то хорошо помню, что поздравил, и не единожды за короткую передачу, ставших мне сразу еще дороже и ближе ребят. А что касается бесстрастного голоса, что же, даже он давался мне почему-то с трудом.

Первый сеанс связи с вершиной состоялся в 14 часов 35 минут. Перед спуском связались еще. Конец этого сеанса успел записать Кононов (магнитофон был подключен

только к той рации, которая находилась в радиопалатке). Из-за страшного холода на вершине аккумулятор в рации у ребят подсел, слышимость ухудшилась, и не все можно было разобрать.

Балыбердин. Нет, рация работает, просто надо было подойти пять метров к треноге (имеется в виду тренога, установленная на вершине).

Далее неразборчиво.

Тамм. Прием, прием, Эдик!

Мысловский или Балыбердин (голос неразборчив). Этой треноги китайской нету, снег поднялся над гребнем метра на два с половиной, наверное... и торчит какой-то кончик.

Тамм. Года четыре назад торчала она, по описанию, на двадцать сантиметров, так что вы можете ее и не найти... Действуйте по обстановке и, главное, снимите панораму. Ну, поздравляем вас. Эдя! Не задерживайтесь, спускайтесь вниз скорее. Потому что поздно будет и вы спуска, боюсь, не найдете.

Балыбердин. Все ясно. Сейчас немного панораму затягивает туманом. Крупа снизу. Оставляем баллон, кислородный баллон.

Двойка начала спускаться с вершины в 15.35. С этого момента в базовом лагере радость соседствовала с напряженным ожиданием. Спуск, даже на обычных маршрутах, бывает сложнее подъема. А ребята тратили уже последние физические и нервные силы. Прежде чем сегодня утром выйти из лагеря-5, они семь дней работали наверху. Обработка верхнего участка далась очень тяжело, особенно Эдику. Не избежали они и ЧП. Начиная с 29 апреля работали ежедневно до позднего вечера, до полной темноты. И это на трудных скалах, в холод и снег, на высоте 8000 метров и выше!

1 мая я записал: "Пока это был самый страшный день (точнее, ночь) во всей экспедиции. Мысловский и Балыбердин в 18.00 перенесли связь на 20.00, так как еще работали на маршруте. Но до 8.30 утра на связь не вышли. Я всю ночь "пролежал" с рацией. Что тут было! Но вида, кажется, не подал. "Сукины дети" эти двое!"

Последнее замечание вызвано тем, что в предыдущие дни они неоднократно переносили последний сеанс связи и он проводился не ранее 21—22 часов. Для нас это было связано с дополнительной нервной нагрузкой, а для них это было к тому же невероятно изнурительно. Но каждый раз такой ценой они "выжимали" дневное задание до конца, закладывая будущий успех экспедиции и свой успех.

Володя — кремень. Он должен все выдержать. А Эдик? Почему такой вопрос? Откуда он, разве есть сомнения? Нет. А все же? И тут выплывает, пролезает откуда-то мысль о запрете. Как же она должна мешать Эдику спокойно работать!

В Москве на последнем этапе медицинского отбора его вдруг забраковали. Сколько было споров и пересудов! Сколько раз, на всех уровнях, возвращались к этому вопросу. В результате у меня сложилось твердое мнение, что это ошибка. Да и сам запрет был не полный и категоричный, с ясным объяснением, а что-то половинчатое и расплывчатое. Эдик поехал с нами, но мне была дана директива (уже не медиками): не выпускать выше 6000 метров. Однако события требовали другого, они же подтверждали мнение об ошибочности запрета. И он не был отстранен от работы наверху. Это вызвало раздражение руководства в Москве. Наконец оттуда в Катманду с особыми полномочиями командировали Ильдара Азисовича Калимулина. Удивленный его неожиданным приездом и очередным запросом о Мысловском, 23 апреля я передал ему подробную радиограмму: "Хочу, чтобы вы четко поняли ситуацию. Мы всегда говорили, что основным препятствием может быть погода. В этом сезоне она отвратительная. До сих пор ежедневно идет снег, холодно. Говорят, даже в районе Тьянбоче еще не распустились цветы. Вам, наверное, уже сказали, что в Катманду лишь несколько дней

назад открылись горы — месяц их там не видали. Это внизу, а на маршруте условия сверхтяжелые — заснеженность, ветер и очень сильный холод. Создается впечатление, что в этом году нет предмуссонного периода, благоприятного для восхождений. Условия, близкие к зимним.

Я говорю это для того, чтобы стало ясно: ребятам приходится работать в тяжелейших условиях. Маршрут, как мы и ожидали, технически сложный даже для нормальных высот. Много участков высшей категории сложности. Убежден, что этот маршрут (если его не повторит кто-нибудь в следующем году, когда будут еще целы наши веревки) долго не пройдет ни одна группа. И если мы его одолеем, это будет действительно новое слово в высотном альпинизме.

Все участники работают на пределе возможностей: только так можно одолеть этот маршрут. А они, возможности, не у всех одинаковые.

В условиях, когда число выходов должно быть ограниченным, чтобы люди выдержали до конца, на первых порах не все справлялись с заданиями. Группы сократились из-за заболевших, а дело должно двигаться неукоснительно — иначе невозможен успех. Должны были появиться сильные лидеры, которые показали бы всем, что можно работать с запланированными заданиями. Такими лидерами оказались сначала двое — Мысловский и Балыбердин. Они, когда это стало необходимо, выполняли работу за четверых. Но надо было, чтобы в каждой группе появился такой лидер, способный доводить дело до конца. Иначе недоработка на выходе одной группы срывала все дело.

Итак, когда дорог был просто каждый участник, способный работать на высоте, не говоря уже о лидерах, я должен был либо слепо руководствоваться директивой и снять с работы одного из выявившихся лидеров и тем самым вывести из строя целиком одну группу (в ней оставалось в то время только двое полностью трудоспособных), либо исходить из здравого смысла, условий на месте и интересов основной задачи (опасность для здоровья Мысловского здесь такая же, как и у других). Я, естественно, выбрал второй путь, и менять решение не могу и не вижу оснований. Очень прошу до окончания работы не возвращаться к этому вопросу. Сейчас наступила ответственная фаза и надо сосредоточиться не на полемике по уже решенному делу, а на очень трудных моментах сегодняшней работы: все дается нам с огромным трудом. И сейчас я опять выпускаю связку Мысловский — Балыбердин.

Предвидеть заранее, что они составят основную двойку на этом этапе работы, мы, конечно, не могли. Это уже просто естественный отбор, который, как всегда, происходит в тяжелейших условиях”.

Ильдар Азисович все понял. Больше к этому вопросу никто не возвращался. Никто, кроме, наверное, нас с Эдиком. А вот теперь, ожидая вестей сверху, я думаю, что этот пресловутый запрет висит над ним как дамоклов меч и мешает спокойно работать.

Они вышли из базового лагеря 27 апреля с заданием обработать участок от 8250 до 8500 метров и установить лагерь-5, а если после этого хватит сил — выйти на штурм вершины. Оба проделали огромную работу и с чистой совестью могли сегодня утром начать спуск, но пошли вверх. И как бы ни было им трудно все эти дни, мы с Анатолием Георгиевичем верили, что так и поступят два этих очень разных, ярких человека, которых объединяет лишь высочайшее чувство ответственности и редкое умение “выкладываться” — отдавать всего себя без остатка, когда это нужно. А это бывает очень трудно делать изо дня в день, да еще когда тебя никто не видит! Когда почти все время под тобой многокилометровая пропасть. Когда ветер и стужа выдувают из тебя все живое и стремятся сбросить вниз. Когда любой неверный шаг... — но об этом не думают. Когда короткий сон — не сон, а не приносящее отдыха забытие. Когда каждое движение

(высота!) требует неимоверного напряжения. И когда к тому же никто не пожурит и ничего не скажет, если ты не выдюжишь и уйдешь вниз.

Итак, в 15.35 они начали спуск с вершины. А вскоре Володя понял, что сил у них может не хватить. У Эдика кончился кислород. Сам Балыбердин днем всегда работал без кислорода.

Около 17 часов вновь заработала рация. Балыбердин вызвал базу. Его слушала и группа Валентина Иванова, уже поднявшаяся к этому времени в лагерь 5. Володя информировал, что движение происходит чрезвычайно медленно. Если дело пойдет так и дальше, то не исключена холодная ночевка. Это уже был сигнал тревоги. Холодная ночевка вконец вымотанных людей, на высоте 8500 метров, без кислорода — практически невозможное дело. Вот отрывок записи этого сеанса связи.

Балыбердин. Я думаю, что до восьми тысяч четырехсот метров мы не спустимся. Вышли бы навстречу с кислородом, что ли. И если есть у вас возможность, то что-нибудь горячее, чай какой-нибудь. Как поняли?

Иванов. Хорошо, мы сейчас что-нибудь сообразим.

Тамм. А где вы сейчас? На сколько вы от вершины спустились?

Балыбердин. Я оцениваю высоту восемь тысяч восьмисот метров.

За два часа они спустились только на пятьдесят метров! На равнине это эквивалентно примерно одному шагу в минуту.

Тамм. Понял, понял. Как идет Эдик?

Балыбердин. У него кончается кислород.

Трудно не оценить деликатность ответа!

Тамм. Ясно, ясно! Имей в виду, что мы все время на связи, но главное — с Вале́й связь поддерживай.

Разговор между Таммом, Балыбердиным и Ивановым продолжался еще некоторое время, потом база вызвала Иванова.

Тамм. Валя, одной двойке надо выходить вверх. Второй, может быть, пока не двигаться. Запас кислорода взять из расчета спуска двоих. Как понял?

Иванов. Понял.

Кислород в баллонах был основным грузом, который каждая группа, ценой больших усилий, выносила в верхний лагерь для того, чтобы идти затем на вершину. Кислород был здесь основной ценностью и дефицитом. Группе, выходящей навстречу первой двойке и спускающейся с ней, не должно было хватить кислорода (даже если останутся силы!) для того, чтобы вновь пойти потом на вершину. И это понимал, конечно, Балыбердин.

Балыбердин. Мне, видимо, кислорода не надо. Мне бы попить или поесть что-либо горячее, слегка так, восстановить силы.

Тамм. Володя, это пока, а позже нужен будет кислород. Сэкономишь — очень хорошо. А немножко подпитаться нужно. Сложно будет спускаться, а если ночь холодная — совсем трудно будет.

Молчание.

Балыбердин. Валя, решайте сами, а мы пока продолжим спуск.

Темнело. Вскоре Балыбердин вышел на связь и узнал, что двойка Бершов — Туркевич движется к ним с кислородом, питанием и медикаментами. Володя беспокоился, что они могут разминуться в темноте, из-за ветра не услышать друг друга. Удалось связать их с Бершовым, и с тех пор все затихло.

Почти два часа от них ни звука. Я мотаюсь по лагерю и не могу отвести глаз от далекого предвершинного гребня. Как и луна, он время от времени пропадает в жутком вихре несущихся там облаков. Кое-кто уже потянулся из “кают-компаний” к своим палаткам. Очередной раз дойдя до “кхумбалатории”, собрался развернуться, когда

наконец-то шипение прекратилось. Раздался голос Балыбердина. Он заметно торопился. Сразу же попросил отвечать без задержки, так как "питание сейчас сядет и связи не будет". Сообщил, что они встретились, получили горячее и кислород. Теперь могут идти вниз сами. Потом неожиданно передал, что Бершов просит разрешить их двойке подняться на вершину: "Она здесь, рядом".

Промелькнула мысль: "Тоже мне, придумали! До лагеря-5 уставшей двойке еще идти да идти. Нельзя считать, что критическое положение миновало, ведь впереди ночь. А они — вверх!" Пока все это еще прокручивалось в сознании, ответил: "Нет!" И тут услышал голос Сережи Бершова, прервавшего Балыбердина: "Евгений Игоревич, почему нет, сейчас луна светит и ветер стих. Мы быстро наверх — и догоним ребят".

Действительно, почему нет? Надо подумать, но все время мешает, просто давит мысль, что связь сейчас может прекратиться. Чувствую, что кто-то, услышав наконец разговор, подошел и стоит рядом. Кажется, это Кононов. Так почему же все-таки нет? Допустим, они спускаются в пятый вчетвером, а там еще двое. Шесть человек в маленькой палатке. Двое из них предельно уставшие и беспомощные. Это не отдых перед тем, как одним продолжить долгий спуск, а другим идти на штурм. А кислород! Хватит ли его? Если первая двойка, как они говорят, спустится сама, то можно успеть отдохнуть, пока вернутся с вершины Бершов и Туркевич. А там уже будет время выходить вверх Иванову и Ефимову. В палатке вновь останутся четверо. Так же, как и мгновением раньше, это только "варилось" в голове и окончательно не созрело, когда задавал Бершову вопрос: "А сколько у вас кислорода?" Он ответил сразу: "По триста атмосфер на каждого".

Все стало на свои места — имеет смысл идти к вершине. Они получили "добро".

Итак, первое действие премьеры, которая подготавливалась всей труппой с таким трудом, еще не закончилось, а второе — началось. Не было никаких мыслей о том, что это будет первое ночное восхождение (в чем " до сих пор не уверен), ни тем более об ответственности за столь спорное решение. Анатолий Георгиевич, когда я рассказал ему о переговорах, как всегда в таких случаях, поддержал меня. Подобное единство взглядов было очень существенно для работы всей экспедиции.

Наши переговоры состоялись в 21.30. Примерно в 22.30 дежурные у рации и я в своей палатке слышали вызов: "База, база!" Потом еще раз. И все кончилось до утра, до плановой связи в 8.00. Казалось, мы начали привыкать и во сне прослушивать эфир. Правда, сном можно было назвать только те короткие периоды, когда побеждала мысль: "Все хорошо, просто у них питание рации село".

А в это время двойки встретились на предвершинном гребне, после того как спускавшиеся прошли фирновые участки. В скупом и обманчивом свете луны таинственным казался гребень, сложенный из плит черепичного строения. Он не очень сильно изрезан, однако оба склона, особенно обращенный в сторону Непала, круты и опасны. Эти склоны — как черные бездонные колодцы, из которых то выдувается со свистом снежная крупа, то слышится зловещий, с большими перерывами, стук уходящих вниз камней, — неотступно сопровождают идущих. И холодно, страшно холодно.

Предельно замученными и замерзшими казались Эдик и Володя. Их продвижение замедлялось не только отсутствием сил. Выходя утром на штурм, они взяли лишь самое необходимое, а поскольку погода была хорошей, оставили кошки. К вечеру пошла снежная крупа, и, сухие днем, скальные плиты превратились теперь для них в ловушку, — приходилось идти только с попеременной страховкой. От этого оба еще больше промерзали. И все же встреча с друзьями, горячее питье, которое под пуховками принесли Сережа Бершов и Михаил Туркевич, и, конечно, кислород, как посчитали все четверо, достаточно восстановили силы первой двойки. Безусловно, Сережа с Мишей казались по сравнению с ними свежими и энергичными. Разгоряченные подъемом,

воодушевленные, они стремились вверх, при условии, что их помощь сейчас больше не нужна. Со своей стороны Балыбердин и Мысловский тоже очень хотели, чтобы ребята попытались выйти на вершину. Это снимало с них груз моральной ответственности (не существующий на самом Деле): они прекрасно понимали, что для этих двоих повторный подъем сюда, для выхода на вершину, исключен. У Бершова и Туркевича было предусмотрено все необходимое. Покидая лагерь-5, они знали, что в этом их единственный шанс выйти на вершину, хотя не исключали ситуации, при которой и мысли такой не возникнет, — если нужна будет постоянная помощь и опека первой двойке. Поэтому и не просили раньше времени разрешения на штурм вершины.

Теперь, получив “добро” и уточнив у Володи детали дальнейшего подъема, они устремились вверх.

Вызов “База, база!”, который мы слышали примерно в 10.30, был безуспешной попыткой сообщить радостную весть о победе. Поняв, что рация на таком морозе работать не будет, они прекратили вызывать базу и попытались сфотографировать друг друга при лунном свете. Но сколько можно простоять неподвижно в таких условиях?! (Попытки хоть что-нибудь увидеть на этих снимках, несмотря на все старания специалистов, не увенчались успехом.) Пробыв на вершине двадцать пять минут, Бершов и Туркевич, по примеру первой двойки, привязали к треноге пустой кислородный баллон, вымпелы-сувениры и начали спускаться. Неожиданно для себя они очень скоро догнали Володю и Эдика. Те практически не сдвинулись с места. Надо было организовать их спуск. В таком состоянии, да еще без кошек, они не могли сделать этого самостоятельно. Помощь, оказанная им двумя часами ранее, не дала желаемого результата.

Началось медленное, изнурительное движение. По маршруту спуска между Мишей и Сережей растягивалась перильная веревка — 45 метров. Пристегнувшись к веревке и придерживаясь за нее, вниз уходили Эдик и Володя. Потом опять работала вторая двойка, опять на очередном участке спуска натягивались перила — и все повторялось вновь. И так много часов кряду. Временами, когда луна исчезала в облаках, приходилось двигаться в полной темноте. Ближе к утру луна скрылась совсем — работать стало еще труднее и опаснее. Но останавливаться нельзя; это был бы конец. Истекали сутки с тех пор, как первая двойка покинула лагерь-5. Оба были уже почти в невменяемом состоянии. Спасало только однообразие движения. Сережа Бершов отдал свой кислород и спускался теперь без маски. Около шести часов утра 5 мая они наконец добрались до палатки. Валя Иванов и Сергей Ефимов были уже готовы выходить им на помощь. Позже Балыбердин записал в своем дневнике, что так близко к концу он еще никогда не был. Друзья помогали ему влезть в палатку, когда силы, казалось, покинули его совсем.

И вновь возникает вопрос: где же предел человеческих возможностей? Всего через несколько часов все четверо продолжили спуск и еще два дня шли до лагеря-1, на отметке 6500 метров. Очень скоро Володя восстановился настолько, что никакая помощь ему уже не требовалась. Для Эдика же эти два длинных дня продолжали быть днями испытания духа и воли. Руки были обморожены. Кончики пальцев почернели, местами лопнула кожа. Они болели сами по себе, не говоря о мучениях, вызываемых рукавицами. А надо было спускаться по сложным и крутым скалам, пользуясь непрерывной цепочкой веревочных перил. Четыре километра веревок, на каждые пятьдесят метров минимум по три крюка, то есть минимум три раза надо этими руками отстегнуть и вновь пристегнуть страховочный карабин. Все четыре километра надо крепко держаться этими руками за жумар (Специальное устройство для подъема по страховочной веревке). Надо терпеть и терпеть. Никто не мог ему в этом помочь, никто не мог за него (этого он не хотел допустить) перестегиваться и держаться.

Во всем же остальном ему непрерывно помогали Сережа Бершов и Миша Туркевич. И конечно Володя Балыбердин.

Когда Эдик добрался до палатки, он не мог уже ничего делать сам. Ни разуться, ни переодеться, ни поесть, ни залезть в спальный мешок. Становился капризным, как ребенок. Но это никого не выводило из равновесия: дневной работой он заслуживал большого снисхождения.

Бершов и Туркевич сделали все, что было необходимо. Оба достойны высшей похвалы. Их выдающиеся способности скалолазов были хорошо известны и раньше. Здесь же, действуя все эти дни просто замечательно, они доказали, что являются и исключительно сильными альпинистами. В Сереже, спокойном, мягком и в то же время решительном человеке, никогда не теряющем чувства собственного достоинства, можно было заранее увидеть все те качества большого человека и альпиниста, которые так ярко проявились на Эвересте. А вот Миша — приятно удивил. Я не относил его к числу сильных альпинистов. Компанейский, веселый парень — это да. Но бывает несдержан, не всегда контролирует себя. Таким он мне представлялся. И это подтверждалось вначале, когда ему тяжелее многих давалось “вработывание”. Уставая, он готов был раздуть, и казалось с удовольствием, досадные для нас неурядицы, встречавшиеся на начальном этапе. Вместо спокойного анализа и поиска путей исправления ошибок готов был винить всех и каждого. А тут, в решительный период, когда надо было зажать себя и действовать, несмотря ни на что, он сработал отлично во всех отношениях. Молодец!

А в базовом лагере в эту ночь, после того как рация донесла неизвестно чей вызов, сон отступал под напором тревожных мыслей, вспоминались события прошедшего дня. Рано утром мы провожали на восхождение Лешу Москальцова и Юру Голодова. Назавтра должны уйти их напарники — В. Хомутов и В. Пучков — последняя связка восходителей. Остальные двойки уже в пути. Завтра почти весь спортивный состав экспедиции образует непрерывную цепочку групп,двигающихся к вершине и подстраховывающих друг друга.

Поеживаясь не то от холода, не то от раннего подъема (так уютно было в теплом спальном мешке), мы небольшой группой столпились около Леши и Юры. Без особого аппетита (утро, волнение) они позавтракали. Для уходящих на гору готовятся заказные блюда, и мы, провожающие, пытаемся угадать и выполнить мельчайшие их желания. Наша группа уже сработалась — провожаем на вершину шестую двойку. Стараемся не очень шуметь: большинство в лагере еще спит. Кто-то из шерпов, как всегда в торжественный момент выхода наверх, зажигает ритуальный огонь. Хвойные ветки горят в молитвенном очаге, сложенном рядом с “кают-компанией”. Сквозь легкий благовонный дымок виден ледопад — первое препятствие на пути уходящих. Кругом все сковано ночным морозом, только наш флаг на радиомачте бьется на ветру.

Последние рукопожатия, ненужные, но неизбежные слова напутствия, раздражающий в таких случаях микрофон киношников — все сразу становится показным. Ребята ушли. Наша стайка долго не расходится. Трудно оторвать взгляд от удаляющейся двойки. Но вот они скрылись за дальними сераками. Успеха вам!

Незадолго до утренней связи, во время которой проводился опрос групп, меня вызвал Голодов. Прошло менее двух часов после расставания. Такие группы обычно не включались в опрос до двухчасовой связи. Мы решили, что он хочет дать информацию о состоянии дороги через ледопад. Наверное, нужны ремонтные работы.

Вот что последовало за этим:

Голодов. Евгений Игоревич, здесь, при выхода на плато, Леша упал с лестницы в трещину. Подвернул ногу. Я сейчас его вытащил, он наверху. В общем, все нормально. Он не так сильно подвернул ногу. Вероятнее всего, мне сейчас надо с ним спускаться. Как поняли меня?

А ты волнуешься, Юра. Сильно волнуешься, до голоса слышно.

Тамм. Понял тебя. Навстречу выслать людей? Голодов просил прислать Трощиненко и врача Орловского, сказал, что Леша Москальцов из трещины вылез практически сам — он “его только подтягивал”. Упал Леша потому, что вырвались перила — перемерз и сломался фирновый крюк. Условились о дальнейшей связи.

Наверх вышли Трощиненко и Пучков. Готовились Орловский и Хомутов.

Тревожная ночь в базовом лагере.

После того как окончился опрос и мы узнали, что Мысловский с Балыбердиным идут к вершине, состоялся второй разговор.

Голодов. Ситуация несколько хуже, чем я ожидал.

Тамм. Хорошо, сейчас к вам выходят. Как ты думаешь, нужно что-нибудь, чтобы нести его, или нет?

Договорились, что наверх поднимутся четыре человека и там, где необходимо, будут транспортировать Лешу на спинах. Чтобы Орловский, наш врач, точнее представлял ситуацию, я попросил Юру описать состояние пострадавшего.

Голодов. Свет Петрович, общая картина такова. Я не прощупывал, мне это и не надо делать, но у него, наверное, подвернута лодыжка. И еще он очень здорово ударился переносицей. Сильное кровотечение. Я сделал два тампона, но это не помогло. Сейчас сделал холод. Думаю минут десять поддержать холод. Как меня понял?

Свет Петрович дал необходимые указания, велел уложить Лешу поудобнее, укрыть, не двигаться до его прихода. И ушел на ледопад.

Позже Орловский сообщил, что у Лешы, по-видимому, сотрясение мозга и его надо нести на носилках. На ледопад ушли все, кроме кухонных рабочих, офицеров связи и радиста. Я тоже был прикован к радиостанции: все на маршруте и на транспортировке пострадавшего, и в любой момент могла возникнуть необходимость скорректировать действия групп.

Спасательные работы на ледопаде.

В районе полудня Лешу принесли и уложили в палатке.

Вид у него был страшный. Переносица, весь левый глаз и часть лба — сплошная фиолетово-черная гематома. В единственном открытом глазу неимоверная тоска. Встречаться с ним взглядом мучительно. Страдал он не от боли. Так нелепо, по собственной оплошности рухнула великая мечта. Рухнула, когда кончились изнурительные выходы на обработку маршрута и когда было столько сил и уверенности в

себе. С каким воодушевлением и задором выходил он утром из лагеря! И вот — все. И ничего уже невозможно изменить. Время от времени слезы текли у него из правого глаза. Какими же они должны быть горькими!

Утешение, что главное — это жизнь, которую он сегодня, по счастливой случайности, сохранил, пролетев пятнадцать метров, было для него непонятным. Кто думает об этом, когда жизнь уже сохранена? А вершины, вершины-то не будет!

Неудобно, но приходится терпеть.

Начальный диагноз подтвердился — сотрясение мозга. Все остальное пустяки. Транспортировки в Катманду не требовалось. В таком состоянии главное — длительный покой.

Хомутов получил команду утром выходить на восхождение, но уже в тройке — он. Пучков и Голодов. Цепь атакующих должна сомкнуть ряды.

С того момента, как Свет разрешил общаться с Лешей, и до последнего дня существования базового лагеря его палатка стала самой посещаемой. Лешу не оставляли одного. К нему сразу же приходили все, спускавшиеся сверху. К нему несли все новости. Это было естественно: Леша, наш Леша оказался в такой беде. Всем хотелось отдать ему часть своей вершины, своей радости, которая была бы невозможной без его труда и лишений.

Вот таким необычным и тревожным было начало первого из шести дней. А конца у него не было — он слился для нас с началом следующего.

Утром Бершов вышел на связь, но слышимость была отвратительной. Пришлось Эрику Ильинскому из лагеря-2 вести ретрансляцию.

Ильинский. База! Туркевич и Бершов вчера совершили восхождение. Балыбердин и Мысловский в тяжелом состоянии спускаются вниз. Надо, чтобы третий лагерь был свободен.

Тамм. Спроси, пожалуйста, нужно выслать отсюда врача или достаточно того, что там будете вы?

Ильинский. Нужна консультация врача. А Мысловского и Балыбердина сопровождают Туркевич — Бершов.

Около часа длилась консультация, и все это время переговоры велись через Эрика. Стоило ему во время длительного диалога упустить какую-нибудь деталь, тут же вклинивался кто-то из участников других групп и вносил уточнения. Все, кто был сейчас на маршруте на высотах от 5300 до 8500 метров, напряженно слушали и готовы были в любой момент прийти на помощь.

Свет Петрович преобразился. Куда делась его внешняя беспечность! Скрупулезно и спокойно требовал он повторять указания. Хотел убедиться, что они правильно поняты там, наверху. Указания были четкими и конкретными.

Мы привыкли к Свету — балагуру и острослову. Он неистощим на шутки. Одного из наших шерпов, работника кухни, мучил больной зуб. Свет его удалил (для пациента это было первое в жизни знакомство с врачом) и сказал, чтобы отныне тот за столом подавал блюда сначала ему, Свет Петровичу, а уже потом — начальнику. Иначе больной зуб будет вставлен обратно. Это привело беднягу в страшное смятение: богатый опыт предыдущих экспедиций приучил его к строгой субординации.

Многие участники просили Орловского помочь избавиться от кашля. Сильный и сухой до крови, он мучил почти всех. Свет понимал, что ничего кардинального сделать невозможно — наверху морозный воздух и глубокое учащенное дыхание ртом. Когда просьбы становились излишне настойчивыми, он предлагал принять слабительное: "Будете бояться кашлять". Но как только дело принимало серьезный оборот, Свет Петрович проявлял твердость. Чувствовалось, что дело берет в руки человек, обладающий большим профессиональным опытом и мастерством.

Фрагменты радиоконсультаций:

Орловский. Сережа, можешь ли ты сделать укол?

Бершов ответил, что может. Орловский. Нужен жидкий гидрокортизон! Сначала флакон потрясите, чтобы на дне не было осадка. Абсолютно! Каждому ввести нужно по половине флакона в мышцу. В ягодичу или в дельтовидную мышцу, в плечо. Прямо сейчас это надо сделать. Как понял?

Ильинский. Понял! Сережа, надо гидрокортизон, прямо сейчас, ввести им в задницу по половине флакона. Как понял?

Валиев. Эрик, Эрик! Это Казбек. Ты не сказал ему, что надо разболтать гидрокортизон до конца, что бы он был без осадка. Слышишь?

Ильинский. Сережа, Сережа, ты слышал? Надо этот флакон трясти, пока там осадка не будет.

Орловский. Эрик, сейчас гидрокортизон нужно положить под мышку тому, кто будет делать укол. Прямо под мышку, за пазуху, чтобы он стал комнатной температуры. Теперь такой вопрос: если там шприц только один и игла только одна, то сделать укол одной и той же иглой обоим. Там в маленьком пузырьке из-под пенициллина — спирт. Если не окажется спирта — пролился или еще что, — то делать просто, без спирта. Если все понял, то я передаю Евгению Игоревичу.

Тамм. Эрик, передай сначала указания Света наверх, потом продолжим с тобой.

Ильинский долго вызывал лагерь-5. Потом передал на базу, что, по-видимому, наверху село питание рации.

Тамм. Казбек! Ты на приеме?

Валиев. Да, прием.

Тамм. Попробуй ретранслировать последние указания Орловского.

Валиев пытался вызвать лагерь-5. Даже Иванов с западного гребня делал попытку помочь. Но 5-й молчал.

Тамм. Казбек, у вас аптечка при себе?

Валиев. Да, и здесь еще аптечка четвертого лагеря.

Тамм. Да, правильно. Значит, так, берите все, что нужно, чтобы выполнить указания, которые давал Свет Петрович. Возьмите кислород — полную загрузку — и поднимайтесь двойкой в четвертый лагерь. Обязательно все аптечки с собой и постоянно связывайтесь с нами. Возьмите запасное питание для их рации — оно в вашем лагере. Как понял?

Валиев. Вас понял.

Тамм. Только не перегружайтесь! Аптечка, кислород — и поднимайтесь.

Валиев. Вас понял. Выходим в четвертый лагерь с аптечками и кислородом.

Тамм. И еще — время от времени вызывайте пятый лагерь и говорите, что вы идете им навстречу. Все понятно?

В лагере-5 Бершов выполнил все указания Орловского. Мысловский и Балыбердин получили необходимые инъекции, таблетки и начали спускаться. Одновременно в лагерь-4, не дожидаясь своих напарников, вышли с дополнительными медикаментами Казбек Валиев и Хрищатый. Валера Хрищатый считался у нас опытным врачом (он выполнял эту обязанность в группе алмаатинцев). Хотелось, чтобы он оценил состояние ребят. При этом, правда, сохранялся дневной разрыв между двойками группы Ильинского. Теперь, чтобы соединиться с товарищами, Хрищатый и Валиев должны будут ждать их в верхних лагерях и тратить драгоценный кислород.

Закончив переговоры с Валиевым, вызвал Иванова. Валя сообщил, что они вышли из лагеря-5 около шести часов утра. Двигаются уже по западному гребню. Продолжая связь, вновь прошу ответить лагерь-2.

Тамм. Эрик, как у тебя подопечные шерпы? Идут наверх?

Ильинский. Мы сейчас позавтракали. Собираемся идти. Но я теперь не знаю, как быть нам-то. В свете освобождения лагеря-три.

Тамм. Вам подниматься в третий, как предполагали. С полной загрузкой. Обязательно возьми запасное питание к рации. Вопрос, как быть с лагерьем-три, решим, когда будет ясно, как вы поднимаетесь и как будут развиваться события. Как понял?

Ильинский. Понял вас, понял. А как это предположительно? То есть мы поднимемся и назад вернемся?

Тамм. Может быть, и так, но, вероятнее, вы двое останетесь. В лагере-три можно и вшестером расположиться. Шерпы уйдут (если вообще дойдут). Вы двое останетесь, и еще четверо спустятся.

Ильинский. А Казбек как?

Эрик хотел понять, соединится их группа сегодня или нет.

Тамм. Казбек останется в четвертом. Сейчас важно было сохранить между двойками наверху минимальный интервал, чтобы подстраховка была действенной. И на этот раз шерпы не смогли подняться до лагеря-3 и ушли вниз.

Теперь оставалось ждать сведений от двойки Иванова с вершины. Эта двойка не вызвала сейчас опасений. Валя и Сергей Ефимов надежные, опытные альпинисты, побывавшие в горах во многих переделках. Правда, здесь, во время первых выходов, я ожидал от них большего. Сережа задержался с караваном, пришел в базовый лагерь позже других (вместе с Е. Ильинским), немного переболел, и его трудности были понятны. А почему медленнее, чем хотелось, входил в работу Валя — неясно. Ему бы чуть побольше физической силы, чуть побольше азарта! Но теперь оба после хорошего отдыха внизу работают нормально, как и подобает корифеям.

Валя человек обстоятельный и колючий. Ко всему подходит серьезно, его действия обдуманы и выверены. Вероятность сбоя в его работе мала. Сережа не менее обстоятелен. Привык готовить восхождения своими руками, каких бы мелочей это ни касалось. В его внешности — высокий, худой и рыжеволосый, — несмотря на ее несомненную привлекательность, нет ничего говорящего о мужестве, силе и воле этого человека. Но без этих качеств невозможно быть руководителем на таких маршрутах, которые пройдены им в наших горах. Наиболее характерная его черта — изобретательность, стремление к созиданию нового.

В 13.20 они были на вершине и вызвали базу.

Тамм. Валя, Валя, как слышишь?

Иванов. Отлично.

Тамм. Поздравляю вас, поздравляю. Сколько у тебя кислорода осталось?

Иванов. По целому баллону.

Тамм. Когда думаете начать спуск?

Иванов. Отснимем панораму и пойдем. Мы вышли на вершину минут пять, десять назад. Из лагеря вышли поздно. У нас все время развязывались кошки, поэтому шли медленно. Как поняли?

Тамм. Понял тебя, понял, Валя. Больше не задерживаю. Жду вас на связи днем и обязательно в восемнадцать часов. Потом Ю. Кононов попросил Иванова сказать несколько слов для печати. И тут, неожиданно для всех нас и, наверное, для себя. Валя сказал замечательные слова:

“С этой самой высокой трибуны мира мы хотели бы поздравить весь коллектив нашей экспедиции с большим успехом, с огромной проделанной работой. Такие маршруты ходятся нечасто и посильны только действительно хорошим спортсменам. Я хочу поздравить всех наших альпинистов всего Советского Союза, которые долгие годы упорно ждали этого успеха в Гималаях. Я хочу поздравить всех наших радиослушателей, всех, кто хотел нам успеха, помогал в проведении и подготовке этого огромного мероприятия. Всем им огромное спасибо! И еще я хочу подчеркнуть, что это восхождение мы посвящаем шестидесятилетию образования нашего великого государства”.

Сказать такие слова, стоя изнуренным на высоте 8848 метров, можно только, если они идут от сердца, если сами рождаются. В них выражено все, что чувствовали, даже не всегда сознавая это, все, кто был на стене Эвереста и в базовом лагере.

Они спустились в лагерь-5 к 18.00. Шли долго: у Сережи сломалась кошка, и пришлось двигаться с попеременной страховкой. Шли и удивлялись: как могли здесь спускаться ночью, без кошек Эдик и Володя? Крутые плиты занесены снегом. Скользко, а слева и справа, далеко под ногами, ледники Непала и Тибета.

День кончался. Все группы заняли свои места: Иванов — Ефимов в лагере-5; Валиев — Хрищатый в лагере-4; Мысловский — Балыбердин, Бершов — Туркевич, Ильинский — Чепчев в лагере-3; тропка Хомутова в лагере-1. Завтра рано утром все вновь должно прийти в движение. А пока, кажется, предстоит спокойная ночь и можно коротать вечер в “кают-компании” за “Эрудитом”.

6 мая выдалось спокойным (это не относится к погоде). Первая четверка восходителей и Валя Иванов спустились ночевать на ледник, в лагерь-1. Сережа: а Ефимов остался во втором, на высоте 7350, с поднявшейся сюда группой Хомутова. Сережа не хотел быстро терять высоту — привыкал к большим давлениям (это на семи-то тысячах!). Казбек и Валера Хрищатый вышли на старт — лагерь-5. Ждать свою вторую двойку им теперь не имело смысла: в лагерях-4 и 5 тратить для этого кислород нельзя. На завтра они готовились к штурму.

Немного настораживала только двойка Ильинский— Чепчев. Сегодня они поздно вышли наверх из лагеря-3. Очень поздно. Некоторую задержку можно объяснить большой толчеей в двух не очень удобно поставленных палатках лагеря-3: там ночевало сразу шесть человек! Высота 7850 метров, а надо и приготовить завтрак, и надеть все доспехи, и сложиться. Быстро это не сделать, когда негде повернуться да, кроме того, каждый привязан коротким репшнуром к общей страховочной веревке, чтобы ненароком не улететь. Из этой двойки первым вверх по перилам ушел Эрик Ильинский. Во время дневной связи он сообщил, что остановился и ждет Чепчева: “Я где-то на шестой веревке, но меня беспокоит, что я не вижу Сережи сзади себя. Мы договорились, что он выйдет попозже — на полчаса, час. Я иду уже два с половиной часа, и разрыв уже большой”. Потом Эрик сказал, что чуть раньше разминулсЯ с Ивановым и Ефимовым, которые ушли вниз, в лагерь-3. Я сразу же начал их вызывать. Иванов ответил: “Мы находимся уже в лагере-2. Чепчев очень долго собирался. Такое впечатление даже было, что у него горняшка. Он вышел примерно полчаса назад, может быть, меньше”.

Ильинский (он слышал Иванова) прокомментировал это так: “Меня это волнует. Я сам доберусь до лагеря уже затемно, а он и не знаю когда”. Через некоторое время он добавил: “Я его дождусь, увижу внизу. Если он плохо себя чувствует, то пойдет вниз. А мне как быть в этой ситуации?” Мы условились о дополнительной связи в 16.00.

Странно, Сережа до сих пор очень хорошо переносил высоту и отлично работал.

Эрик ждал долго, пока внизу на перилах появился Сережа. Тот постепенно разошелся, и в лагерь-4 они поднялись уже вместе. Но добрались до него поздно, заставив сильно поволноваться всех ожидавших с ними связи.

Вечером и ночью наверху шел снег, мело. Рано утром 7 мая Валиев и Хрищатый покинули палатку ла-геря-5. Кругом все серо, сильный ветер. Он моментально выдул накопленное за ночь тепло. Особенно неуютно Валере: он не надел пуховые брюки, побоялся, что будут излишне стеснять движения. Валера шел без кислорода. Он не пользовался им все эти дни и хотел попробовать свои силы и дальше.

Когда добрались до западного гребня и стена Эвереста перестала защищать их, ветер чуть не сдул обоих со скал. Чуть не увлек в полет на трехкилометровой высоте над угадывающейся внизу долиной Молчания (верхняя часть ледника Кхумбу). В грохоте и свисте ничего нельзя было разобрать. Потоки ветра не давали возможности дышать — либо забивали рот, либо, создавая разрежение, высасывали из легких все, что там было. Стужа вколачивалась ветром в тело, проникая даже сквозь пуховую амуницию Казбека.

У них хватило мудрости и мужества повернуть обратно. В 8.00 сообщили на базу, что вернулись в палатку. Мы договорились, что двойка повторит попытку штурма в любое время суток, как только уляжется ветер. Надеялись, что к вечеру он стихнет и будет луна. Сидеть же долго в лагере-5 нельзя — не хватит ни запаса кислорода, ни сил: на такой высоте они быстро тают даже в покое. Началось ожидание. В пуховых мешках ребята скоро отогрелись. Временами наваливалось забытие. Но даже при этом не переставали вслушиваться в гул ветра — не затихает ли?..

...А базовый лагерь ждал первых победителей. Бинокль не висел сегодня на месте. Кто-то пытался различить движущиеся точки в нагромождениях ледопада. Когда наконец их заметили, не выпускали из поля зрения до тех пор, пока фигурки идущих помещались в окуляре.

И вот четверка одолевает последние метры подъема к лагерю — подъема на длинном пути спуска к обычной жизни. У кого-то из них еще будут победы и в горах, и в жизни. Но те победы никогда не затмят этой. Она навсегда останется их главной победой.

Для встречи мы не смогли придумать ничего, кроме обычного ритуала. Но зато наши объятия, рукопожатия и взгляды должны были говорить (и говорили!) о многом. В них, с обеих сторон, было сказано здесь больше, чем на любом мыслимом торжестве.

Потом они, измученные, сидели за столом. Потрепанные рюкзаки загромождали вход в “кают-компанию”. Внутри толкались все, кто был в лагере,— наши и непальцы. Все!

Ребята рассказывали скупое. И пили, пили, пили. Их высушенные тела требовали влаги. Их осипшие голоса стали похожими, а лица сияли. Чуть опухшее, даже одутловатое лицо Сережи Бершова, — на нем выделяются и притягивают к себе смеющиеся, радостные глаза. Мишино лицо черно, как его шевелюра и борода, — он еще больше стал походить на цыгана. Только теперь не на молодого и задорного, а на очень уставшего и повзрослевшего. Эдик Мысловский осунулся больше других, или это так кажется: он был объемнее остальных до выхода. В сухом, заостренном лице Володи Балыбердина что-то от чертика, которого мы привыкли видеть на старых пепельницах. Но сколько в нем счастья! Оно просто струится, стекает, как заряд, с бороды, с носа, бровей над запавшими от усталости глазами. И заряжает нас.

Лагерь-1. Первая четверка восходителей спускается в базу.

Дело еще не завершено, многие наверху, но, стоя рядом с ними, мы ощущали только счастье победы. Это было как пророчество. Потом, в другие дни, мы встречали остальных. И каждый раз переживали все заново. Как будто мы снова и снова возвращались домой с ними вместе и это опять была единственная встреча победителей. Мы радовались, ждали новых успехов и не придали большого значения разговору, состоявшемуся 7 мая с Катманду.

Калимулин. Очень хорошо отозвались о вашем восхождении президент Международной федерации альпинизма господин Боссю, англичанин Хант — организатор многих экспедиций в Гималаях. Идут широкие отклики на ваши восхождения. Учитывая, что ожидается дальнейшее ухудшение погоды, будьте очень внимательны,

надо все очень хорошо закончить. Надо принять решительные меры, чтобы исключить всякую опасность.

Тамм. Что касается выхода новых групп — это ясно. Мы его отменили, тем более что речь шла только о двойке, которая должна была идти без хорошей подстраховки (имелась в виду двойка Коля Черный — Володя Шопин). Что же касается продолжения восхождения, то мы его будем продолжать. Продолжать будем. Группы на маршруте, и они завершат начатое дело. Завершат.

Калимулин. Понял. Запишите сводку погоды на завтра.

Сводка была тревожной. Предсказывалось ухудшение обстановки.

Калимулин. Улучшения погоды ждать нельзя.

По-видимому, ребятам придется тяжело. Поэтому подумайте еще раз, как быть с ними.

Тамм. Ясно, ясно. Придется тяжело, ничего не сделаешь — это альпинизм.

Во время вечерней связи Казбек сообщил, что прошел час, как они вторично покинули палатку лагеря-5. Погода немного успокоилась. Они уже на западном гребне.

Сначала наверху развиднелось, солнце осветило Гималаи. Горы были залиты охрой, и только долины и сравнительно низкие вершины пропали в сплошной облачности. Постепенно краски внизу темнели, стали синими. Потом совсем черными. Вскоре и большие вершины потухли, и только гребень Эвереста пламенел впереди, зазывая наверх.

Здесь, внизу, мы не сразу заметили, что Эверест скинул белые флаги. Да и гул наверху затих. Хотя недовольное ворчание еще продолжалось. Зная время, затраченное другими двойками на участке от лагеря-5 до вершины, мы ожидали, что не раньше 22.00, но никак не позже полуночи, ребята будут на вершине. Рации вновь работали на приеме.

В этот вечер группа Хомутова поднялась в лагерь-3, а двойка Ильинского — в пятый. На мой вопрос, как чувствует себя Сережа Чепчев, Эрик ответил, что у них все нормально. Возможно, вчерашний эпизод лишь случайность. Правда, рассказы Вали Иванова и особенно Ефимова, который видел Сережу последним, настораживали. Но так или иначе, Эрик с Сережей поднялись в лагерь-5. Учитывая тревожный прогноз, они даже запросили разрешение продолжить подъем к вершине. Разговор, состоявшийся уже после 18.00, ретранслировался через группу Валерия Хомутова.

Тамм. Завтра ожидается усиление ветра. Это подчеркивалось несколько раз. Учитывая состояние двойки Ильинского, вызывающее у меня опасение, не рекомендую им выходить даже завтра утром. Не рекомендую. Вам, группе Хомутова, предлагаю завтра подняться в четвертый лагерь.

Продолжая переговоры, мы условились с Ильинским, что до тех пор, пока утром мы не обсудим с ним ситуацию, они остаются в лагере-5.

...К 22 часам (в который уже раз!) в голове только мысли о ребятах, пробивающихся сейчас к вершине. Рация молчит, а вот Эверест не хочет ей подражать. Временами кажется, что наверху ветер стихает, но потом гул опять усиливается. Гребень все чаще и чаще закрывается облаками.

Странно: все это видишь и слышишь, фиксируешь сознанием, но большой тревоги не возникает. Быть может, потому, что двойка Валиев — Хрищатый всегда вызывала у меня чувство большого доверия и уважения.

Казбек Валиев не производит впечатления могучего, хотя в своей команде получил прозвище "Толстый", в отличие от постоянного напарника по связке Валерия Хрищатого — "Худого". Казбек, как правило, спокойный, немногословный и упрямый. Его неброская манера такова, что сразу заставляет верить ему. Поэтому он может быть лидером, тем более в альпинизме, где знает и умеет практически все. Качества лидера сочетаются у

него с умением воспринимать указания тех, кто в данный момент им руководит. Эта черта особенно ценна в сборных командах типа нашей экспедиции. Судьба удачно распорядилась, соединив вместе Казбека и Валеру Хрищатого. Внешне совершенно разные, они удивительно подходят друг другу и, по-видимому, испытывают большое удовлетворение, работая в одной связке. Вместе в горах они давно стали родными.

Валера действительно худой, даже тощий, и, на первый взгляд, застенчивый "слабак". Однако скоро становится ясно, какой это волевой, сильный и интересный человек. Он очень наблюдателен, умеет обобщать наблюдения и делает нетривиальные выводы. С ним полезно спорить и обсуждать возникающие проблемы. Я не раз пользовался этим, пытаясь опровергнуть или подтвердить ту или иную точку зрения. И всегда получал большое удовлетворение от такого общения. Такая пара, казалось мне, справится с серьезной и тяжелой задачей, которую сейчас они решали.

Время шло, а известий сверху не поступало. Ужа минуло 23 часа. Потом полночь. И какие бы надежды на них ни возлагались, тревога все же появилась. Уже не только моя, но и рация радиста включена на прием. Во всех палатках, где есть "воки-токи", их слушали и время от времени проверяли исправность аппаратуры. Постепенно в этих палатках начали собираться соседи. Разговоры шли, конечно, о посторонних вещах.

В час ночи я не выдержал — назначил ночное дежурство, просил разбудить меня, когда будут новости, и ушел спать. И действительно уснул. Правда, сразу же услышал, что кто-то идет в мою сторону. Окликнул. Оказалось, это Дима Коваленко (он дежурил с Шопиным). Было начало шестого. Только что Ильинский из лагеря-5 сообщил, что ребята не вернулись, я спрашивал, что делать. Пока мы с дежурными ждали повторной связи я узнал, что около двух часов ночи кто-то вызывал базу но слышимости не было. Когда начался разговор с Ильинским, я спросил, не он ли это был. Оказалось, что не он. Значит, Валиев и Хрищатый. По что они хотели передать?!

С Ильинским условились, что их двойка немедленно собирается и выходит наверх. Назначили следующую связь через час, в надежде, что она будет уже с маршрута.

Меня удивило, что Эрик с Сережей еще не собирались — ведь другой команды от нас нельзя было ожидать. Примерно в 6.30 связались опять. Они еще в палатке. Этому могло быть только одно объяснение - высота. Наверное, они не замечали своей медлительности. В 7.30 все то же, правда, на этот раз Эрик сказал, что они уже готовы выходить. Наконец в восемь с небольшим мы услышали:

Ильинский. Ну вот, ребята где-то рядом. Мы сейчас на голосовую связь вышли. Да вот они, уже около палатки. Сейчас с ними чай попьем и, наверное, наверх пойдем.

Тамм. Нет. Это вы подождите. Через полчаса, когда разберетесь, давайте связь. Или давайте так — как только поймете, в каком они состоянии. Не поморозились ли? Возможно, им нужна будет ваша помощь.

Ильинский. Ну конечно, если им надо помогать, то вопрос будет однозначно решен.

Тамм. Рация будет на приеме. Позже Эрик сообщил, что ребята шли так долго из-за тяжелых условий наверху. Вскоре после выхода на гребень ветер вновь усилился и уже не прекращался. Правда, он не был таким свирепым, как утром. Потом облака начало забрасывать и сюда, на гребень. Когда очередной раз туман сдуло, они заметили, что все яркие краски исчезли — солнце зашло даже здесь. В сумерках удавалось различать на скалах только снежные участки. Темп движения упал, и сразу стал ощутим мороз (днем по прогнозу было минус 37 градусов).

В вое ветра можно было объясняться только жестами, но для этого надо было хотя бы видеть друг друга. Потом, когда они поднялись выше, изредка начала пробиваться луна.

8 мая в 1.50 Валиев и Хрищатый достигли наконец вершины. Освещенная луной, она одиноко торчала над облаками, В снегу темнели баллоны, привязанные первыми группами к верхушке треноги. Алмаатинцы присоединили свой трофей к этой своеобразной гирлянде и попытались связаться с нами. Но это было бесполезно—сигнальная лампочка даже не мигнула при включении рации. Больше их ничто здесь не задерживало.

Ближе к утру стало еще холоднее. Облака спускались быстрее, чем они, но луна уже зашла — по-прежнему было темно. Валера просил не останавливаться — он сильно мерз. А Казбеку хотелось хоть чуть-чуть отдышаться: как только начался спуск, он почувствовал боль в подреберье. Она все время усиливалась, мешала двигаться и дышать.

Начало светать. Облачность совсем испарилась. На высоте 8700 метров им посчастливилось увидеть восход солнца. Это могут пересказать лишь очевидцы, которые не только видели, а и осязали все это. Ради таких минут, таких картин, красок, когда даже воздух меняет цвет, можно пережить ночь, которую уготовил им Эверест. Восхищаясь их стойкостью, он теперь одаривал чудом.

Кончился кислород. Вся их одежда звенела, покрытая ледяным панцирем. Маски на лице скрывались в сугробе инея, из которого торчали сосульки. Казбек двигался с трудом. Когда они уже подошли к палатке, боль согнула его, не давая вздохнуть (по-видимому, это была сильная межреберная невралгия).

И вот теперь Эрик передавал нам: Кислород кончился у них часа два-три назад.

Тамм. А обморожения есть?

Ильинский. Есть. Незначительные.

Тамм. Понял. Свет Петрович спрашивает, что именно обморожено. Пальцы, руки, ноги?

Ильинский. Ну, пальцы на руках. Незначительно. Ну, волдыри. В общем, изменения цвета нет.

Тамм. Понял, понял. Значит, так, Эрик! Задерживаться в пятом лагере не нужно. Спускайтесь все вместе. Вам двоим сопровождать ребят вниз, вниз сопровождать. Как понял?

Ильинский. Я думаю, что большой необходимости нет сопровождать ребят.

Тамм. Ну а я думаю, есть, Эрик. Давай так. Сейчас, после пятнадцати-шестнадцати часов такой работы, надо сразу сваливать их вниз. Если даже у них есть там волдыри и так далее, они сгоряча работать смогут, а потом? По веревкам ведь перецепляться надо, значит, начнется длинная история. Так что давайте, сваливайте вниз вместе. Вы их сопровождаете.

Ильинский. Понял вас. Но я вижу по их состоянию, что вообще надобности их спускать нет.

Тамм. Что ж, тем лучше. Значит, будете просто сопровождать, а не спускать. Но одних их отпускать сейчас вниз не стоит.

Ильинский. Ну, понял вас, понял. Одним словом, мы больше уже не лезем на гору. Так?

Тамм. Да, да! Вы сопровождаете ребят вниз — это распоряжение.

Ильинский. Понял.

Мы договорились связаться еще раз через полчаса, когда должен был включиться Хомутов. Надо, чтобы группы обсудили вопросы, связанные с состоянием и обеспеченностью лагерей. Во время этой связи Эрик еще раз поднял вопрос об их возвращении.

Тамм. Эрик! Это я все понимаю. Понимаю, что вы стремитесь наверх. Но ребят одних сейчас отпускать нельзя. Вы должны сопровождать их вниз. Обидно, жалко, но ничего не поделаешь. Решение принято, давайте исполнять. Как понял?

Я очень хорошо понимал Эрика и Сережу. Но никаких колебаний в принятии решения не было. Их желание еще и еще раз обсудить этот вопрос не вызывало раздражения. Им, здоровым и сильным, надо было уходить, когда вершина казалась рядом, а основные трудности позади. Им надо вот так, за десять минут навсегда распрощаться с мечтой, к которой стремились всю сознательную жизнь. Расстаться, когда нет внутренней убежденности, что это необходимо. Эрик не отказывался выполнить указание, но уходить было тяжело. Он спросил: “Шеф, это только ваше решение или тренерского совета?” Он был членом тренерского совета и мог задавать такой вопрос. Я ответил, что только мое, и предложил через двадцать минут дополнительную связь, чтобы передать ему мнение совета.

Через двадцать минут связь состоялась, и они начали спускаться все вместе. Так вчетвером они и вернулись в базовый лагерь.

Эрик с Сережей тяжело переживали вынужденное отступление. Ни у них, ни у меня нет и не было абсолютной уверенности, что оно было неизбежным. Но проверить это невозможно. Целый комплекс обстоятельств влиял на мое решение. Повторюсь все заново, я поступил бы так же. Главным было то, что после стольких часов пребывания выше 8500 метров, в условиях, которые выпали на долю двойки Валиев — Хрищатый, риск оставить их одних был бы неоправдан. Даже учитывая размеры ставки.

В глубине души это понимали, конечно, и Эрик с Сережей. Но им было тяжелее: уходить были должны они, а не я. Сами они оставили бы ребят и пошли наверх только в случае жесткого указания на этот счет. В этом не может быть сомнений.

Казбек избежал осложнений, а Валера после возвращения в Москву долго пролежал в больнице и все же лишился нескольких фаланг на пальцах ног.

Добавлю только, что обсуждался план, по которому сопровождать Валиева и Хрищатого вниз должен был один из двойки Ильинского, а второй ее участник подключался бы к тройке Хомутова. Но от этого отказались, считая, что просидеть до штурма почти трое суток в лагере-5 слишком рискованно.

Итак, 8 мая четверка Ерванда Ильинского спускалась в лагерь-3, а тройка Валерия Хомутова поднималась в четвертый. Тройка двигалась по маршруту в хорошем темпе, без сбоев, несмотря на большую загрузку: кислорода в верхних лагерях не оставалось, и они выносили туда необходимые им баллоны. По плану хомутовцы должны были достичь вершины 10 мая, но, выходя из базового лагеря, поделились мечтой — победить Эверест в День Победы. Во время утренней связи я попросил их не форсировать события и работать спокойно.

Днем, как обычно, мы разговаривали по радио с министерством туризма Непала. Присутствовавший там И. А. Калимулин сообщил, что Спорткомитет СССР присвоил звание заслуженного мастера спорта каждому, кто участвовал в обработке маршрута на Эверест и в самом восхождении. Это было так неожиданно и приятно, что, прервав передачу, я позвал всех к рации и попросил Ильдара Азисовича повторить сообщение. Обитатели лагеря толпились около радиопалатки и шумно обсуждали эту новость. В конце радиосвязи Калимулин сказал, что в связи с ухудшением погоды штурм горы надо прекратить, чтобы исключить неоправданный риск.

Попытка обсуждать целесообразность такого шага решительно пресекалась Калимулиным ссылками на то, что решение принято руководством и его надо исполнять.

Я был в полном недоумении: приятно, что так высоко оценили усилия ребят, но обидно кончать, не доведя дело до конца. Почему? В чем истинные причины? В Москве

еще задолго до нашего отъезда знали, что штурм будет осуществляться последовательно четырьмя группами. Так в чем же дело? Хотелось спокойно разобраться в ситуации, обдумать свои действия.

Как обычно в таких случаях, пошел побродить по леднику. В сотне метров от лагеря попадаешь в сплошной лабиринт многометровых, сверкающих голубым льдом сераков. Трещин здесь нет, только ручьи текут по дну своеобразных долин. Вечерело, свежий ледок потрескивал под ногами. Камней кругом мало, склоны, освещаемые днем солнцем, изрезаны гротами. Звуки от лагеря сюда не долетают, заметны лишь снующие там фигурки. За пятьдесят дней, проведенных в базовом лагере, все кругом стало знакомым до мельчайших деталей. Кажется, эта картина запомнится теперь на всю жизнь. Над палатками, оживляя пейзаж, кружатся галки. Они появились здесь недавно, и совместное проживание устраивает, по-видимому, обе стороны.

Ветер несильный, большой красный флаг не бьется, а спокойно парит в воздухе. С всячего ледника на склонах Пумори опять обвал. Каждый день там грохочет по нескольку раз, но ледник почему-то не уменьшается. С другой стороны, где скрывается от глаз Эверест, спокойно. Ребята могут сегодня хорошо поработать и рано подняться в лагерь-4. Они еще ничего не знают о телеграмме.

Пытаюсь разобраться, с чем может быть связано такое решение. Пожалуй, только с излишними опасениями, связанными с плохим прогнозом погоды, боязнью потерять достигнутое. Но как можно из Москвы оценить складывающуюся у нас обстановку? За эти месяцы мы уже привыкли к здешним условиям, и ничего — работаем. Погода все время преподносит сюрпризы, и если ее бояться, то не надо было и начинать штурм. Но лучшего ждать не приходилось — скоро должны начаться ветры. Такой уж год нам достался!

Надо ли возвращать тройку Хомутова? Несколько часов назад, когда я считал, что Эрику и Сереже необходимо сопровождать двойку вниз, не нужны были ничьи указания. Сейчас же я не вижу никаких оснований для крайних мер. Тройка работает спокойно, уверенно и надежно.

Еще раз восстанавливаю в памяти график движения последней группы, штурмующей вершину. Никаких опасений за них не возникает. Пожалуй, все ясно.

На обратном пути испытываю даже удовлетворение: в этой ситуации победил спортсмен, а не администратор.

Подходя к палаткам, встретил Ю. А. Сенкевича.

Несколько дней назад он добрался, наконец, до базового лагеря и догнал съемочную группу телевидения. Послезавтра собирается возвращаться вниз. Что же, здесь, конечно, тяжело—такие условия только для альпинистов. На его вопрос ответил, что группу возвращать с маршрута не буду.

В лагере зашел к А. Г. Овчинникову и Б. Т. Романову — они живут вместе. Анатолий Георгиевич согласился с моим решением и сказал, что тройке имеет смысл сегодня подняться в лагерь-5. Как обычно, наши точки зрения совпали. Борис Тимофеевич был против. Он твердо считал, что надо выполнять указания, даже если с ними не согласен.

Все мы, руководящий состав экспедиции, относимся к одному поколению альпинистов. В прошлом наши команды не раз соперничали на чемпионатах страны, но совершать совместные восхождения нам не приходилось. Мои товарищи более маститые спортсмены — оба давно заслуженные мастера спорта, что большая редкость в альпинизме.

С самого начала работы экспедиции мы понимали, что окончательные решения здесь может принимать только один из нас. И никаких сложностей не возникало. Лишь однажды, когда я не отстранил Э. Мысловского от работы на высоте, Борис Тимофеевич

был не согласен и высказал особое мнение. Ему свойственна исключительная предусмотрительность.

Когда наступило время вечерней связи, я пошел в радиопалатку. Как всегда, Валера Хомутов был точен. Слышимость — отличная. Вся тройка уже собралась.

Поздравил ребят с присвоением звания заслуженного мастера спорта. Хомутов передал, что они сегодня же могут попытаться выйти в лагерь 5. Договорились, что группа спокойно все обсудит, взвесит и мы повторно свяжемся через полтора часа.

Закончив переговоры, увидал, что А. Г. Овчинников и Б. Т. Романов не усидели дома и тоже здесь. Борис, в связи с моим решением не возвращать тройку Хомутова, попросил обсудить это более широким составом. Чтобы закончить обсуждение до связи с группой, начали немедленно сходиться в палатку к Эдику Мысловскому.

Смеркалось, в палатке было мрачновато. Во внутренней ее части (спальне) нас было немного: в центре Ю. В. Кононов, за ним, поверх спального мешка, лежал Эдик. Он большую часть времени проводил теперь в палатке — руки не давали покоя. По другую сторону устроился, полулежа, Володя Шопин, а рядом, сгорбившись, сидел Овчинников. Я и Слава Онищенко вабились в передние углы, по обе стороны от входа в спальное помещение. Чтобы поместиться, мы сложились, как перочинные ножи — подбородки вплотную к коленям. В передней части палатки сидел Б. Т. Романов, остальные стояли. Здесь были М. Туркевич, В. Воскобойников и наши гости — Ю. Родионов, Ю. Сенкевич, В. Венделовский, кто-то еще. По крайней мере половина из присутствующих не были альпинистами, а многие вообще не имели прямого отношения к экспедиции и представляли здесь печать, кино и телевидение.

Излишне сухим и напряженным голосом (сразу вспомнились заседания президиума Федерации альпинизма в период подготовки экспедиции) я сказал: "Как вы все слышали сегодня утром, я получил указание прекратить восхождение спортсменов на вершину и вернуть группы. Это может относиться только к группе Хомутова. Какая инстанция подразумевается под руководством, я не знаю. Группу с маршрута я не вернул, и они продолжают восхождение".

Все напряжены и еще не определили своего отношения к необычному, не свойственному нашей жизни здесь событию. Романов излагает свою точку зрения. Ее суть: мы не можем не исполнить указание. Сначала воцарилась тишина. Я, кажется, перестаю злиться. Все это начинает меня увлекать: как поведут себя остальные?

Потом началось: "Что же мы должны решать? Зачем?"; "Руководитель решение принял, мы не можем обязать его изменить решение. И правильно ли это будет?" Шумели долго.

Наконец договорились — дело руководителя принимать решения, но свое мнение собрание формулирует.

Все гости (им-то что!) — за возвращение! Так спокойнее — вдруг потом скажут, что не были принципиальными. Нет, лучше уж так.

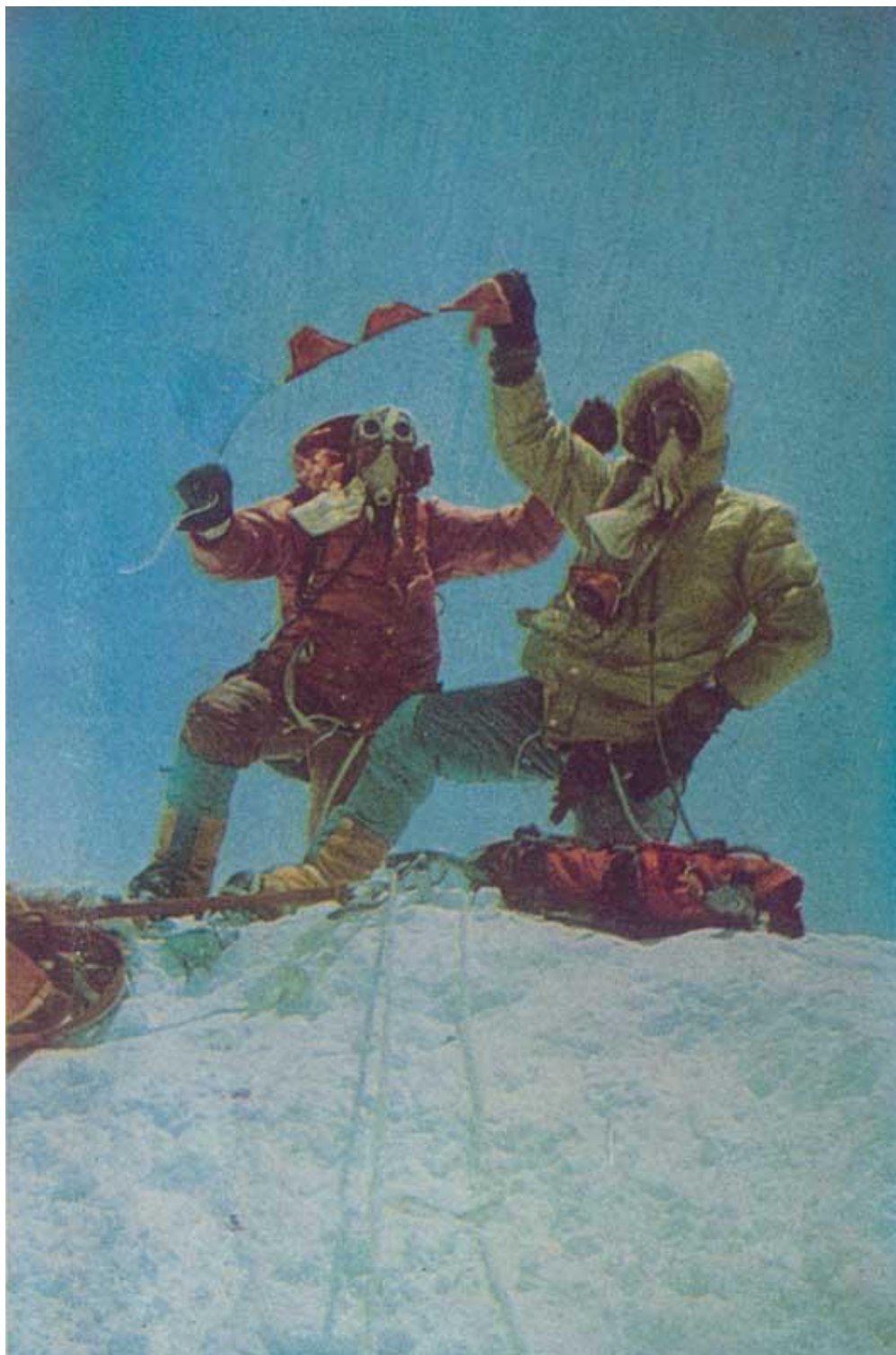
От Миши Туркевича я не ждал и не дождался ничего хорошего. Не понимаю я его. Володя Шопин говорил длинно и сбивчиво. Смысл такой: надо возвращать, хотя и жалко, но "если я был бы там, наверху, то не вернулся бы".

Последним говорил Анатолии Георгиевич. Он боец, принципиальный боец. Вот такими должны быть настоящие руководители! Нам поручено ответственное дело, мы должны его делать наилучшим образом и отстаивать его интересы. Нельзя браться за дело, боясь за него отвечать.

Потом голосовали. Восемь — за возвращение (в том числе все гости), четверо — за продолжение подъема. Все молчат, смотрят на меня. Ждут. А мне кажется, что главное для них (большинства) уже сделано — все зафиксировано в протоколе. Становится

обидно за них. Хорошие люди, зачем же они так? Я ведь знаю, что любой из них, альпинистов, — остальные здесь не в счет — не раз рисковал жизнью ради товарищей и своего дела. И здесь, случись что на маршруте, они поступят так же.

Чтобы завершить паузу, благодарю за высказывания, обещаю довести до сведения группы их точку зрения и подтверждаю свое прежнее решение. В 20.00 узнаем, что ребята уже в пути к лагерю-5. Завтра 9 мая.

В День Победы на вершине. Ю. Голодов и В. Пучков. Фото В. Хомутова.

Утром у всех приподнятое настроение, все рады происходящему и чувствуют, что последний аккорд прозвучит мажорно. Второй раз за время экспедиции перед завтраком — общее праздничное настроение. У многих в руках красные маркировочные флажки. Кругом удивленные шерпы. Стрекочут кинокамеры. В 11.30 Хомутов вызвал базу.

Хомутов. База, база! Как слышите меня?

Тамм. Отлично слышим, Валера! Вы на вершине?

Хомутов. На вершине мы, Евгений Игоревич, на вершине!

Тамм. Поздравляем вас, ребята, дорогие, поздравляем! Я передал уже Калимулину, а он в Москву, что вы будете на вершине. Поздравляю.

Все. Порядок. Они добились своего. Победа!

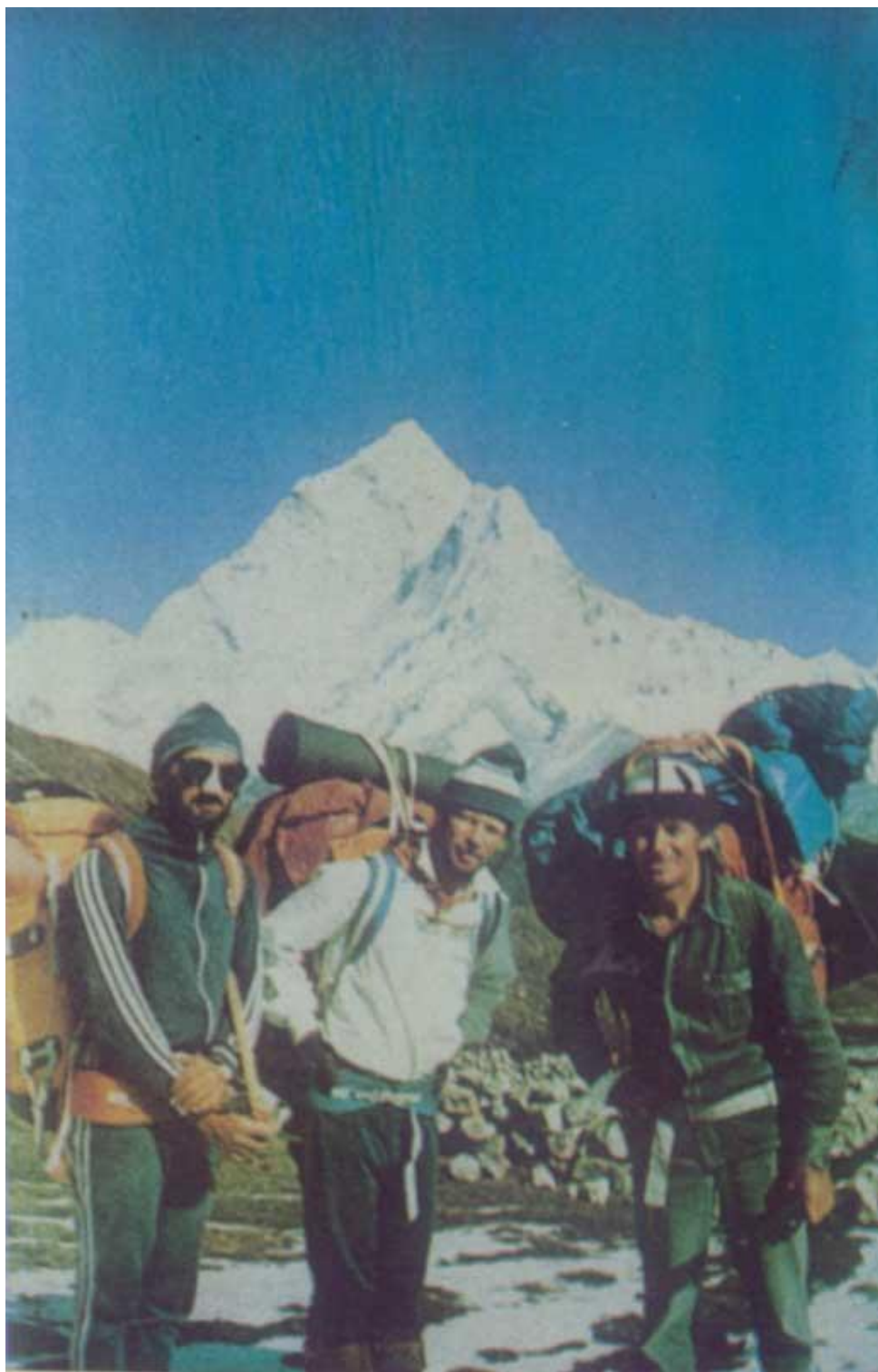

Последняя тройка — на вершине. База ликует и плачет.

Слышимость отличная, молодец Валера, даже на вершине его рация в хорошем состоянии. Никак не можем закончить разговор. Все хотят поздравить ребят, что-то сказать, о чем-то попросить. Но им надо еще все отснять, оставить сувениры, главный из которых — портрет нашего соотечественника, художника и знатока Гималайских гор Рериха, и убрать все лишнее с верхушки земли. В 12.00 они покинули вершину. Им предстоял еще длинный и сложный путь домой, в базовый лагерь.

Днем, когда я передал в Катманду сообщение об успехе последней группы, Ильдар Азисович, измученный нервотрепкой этих дней, воскликнул; “Ну, Тамм” погоди! Мы еще встретимся. Поздравляю. Поздравляю, Евгений Игоревич, от всей души. Я думаю, на этом конец, повара не пойдут на вершину?”

Вот и все. Потом были еще ожидания хомутовцев, сборы в обратный путь, долгая дорога домой и телеграммы. Мы не успевали их получать. Из всех стран, со всех концов земли, но больше всего — из дома, от всех вас.

Возвращение по знакомой тропе.

Кинокамера на Эвересте

Осень 1981 года. Полным ходом идет подготовка экспедиции. Завершаются медицинские исследования и проверки, готовится спортивное снаряжение, питание. Альпинисты загружены до предела.

У всех свои заботы, и, конечно, в эти напряженные дни восходителям не до нас. Кого же готовить к проведению высотных съемок? Из всех альпинистов только Леня Трощиненко на Памире снимал "Конвасом". Он поднял эту тяжелую 35-миллиметровую камеру на высоту 7400, и в отснятом материале были поэтические кадры — работа альпинистов... сверкающие солнечные лучи, сыпучие снега... почти отвесный скальный участок...

Есть один надежный помощник. Но этого мало. Хорошо бы, если бы руководство команды запланировало хоть десять — двенадцать часов для занятий со всеми участниками. Но начальник экспедиции Евгений Игоревич Тамм считает целесообразным отложить подготовку до... прихода в базовый лагерь. Идя навстречу просьбам студии, оргкомитет экспедиции предложил нам еще две кандидатуры — ленинградца Владимира Шопина и грузинского альпиниста Хуту Хергиани.

Итак, костяк высотных операторов киногоруппы начал формироваться. Ребята начали читать литературу по киносъемкам, смотреть отснятый материал за монтажным столом. Грузинские кинематографисты стали срочно обучать Хуту Хергиани основным приемам работы с кинокамерой.

В эти дни и на нас обрушилось множество вопросов, которые требовали скорейшего решения. Условия съемки по высотам самые разнообразные, и для разных условий надо выбирать свой формат. Например, при температуре в долине до плюс 40 и до минус 20 градусов в базовом лагере предполагаем использовать 35-миллиметровый негатив, а выше — до самой вершины - 16-миллиметровый негатив, а не диапозитивную (хотя ребята и научились держать камеру но ведь они кинолюбители и всех тонкостей экспонометрии не знают). На каких камерах снимать? Все имеющиеся в нашей кинематографии 16-миллиметровые кинокамеры рассчитаны на работу при нормальных комфортных условиях. Они сложны в обращении тяжелые, снабжены электрическими моторами. А ведь никакой зарядки аккумуляторов в течение трех месяцев не будет. Мы будем жить в базовом лагере в палатке, и камеру от вечного льда будет отделять миллиметровый слой полотна! Может случиться и так что альпинисты просто не сумеют доставить камеру на трудный участок маршрута или не смогут вытащить камеру из рюкзака. Ведь им предстоял самый сложный, неизведанный маршрут...

Необходимо было также предусмотреть дублирующую фотосъемку. На какую пленку снимать фото? Какие фильтры применять? Какие фотокамеры брать и сколько? И все это надо было ограничивать по весу: высотную камеру — до 2,5 килограмма, фотоаппарат — до 300 граммов.

Студия "Леннаучфильм", Госкино РСФСР и Госкино СССР подключили в те напряженные для нас дни многие организации — конструкторское бюро киноаппаратуры, заводы, фабрику кинопленки.

В сжатые сроки удалось подготовить уникальную аппаратуру и оптику, фотокамеры для восходителей и пленку, испытать все это в термобарокамерах при минус 40 градусах.

В январе 1982 года с Володией Шопиным съемочная группа выехала на Кавказ. Испытывали кинокамеры "Болекс" и "Красногорск", фото-, кинопленку и светофильтры.

Как только стал известен вес аппаратов, мы совместно с нашими высотными кинооператорами Л. Трощиненко, В. Шопиным и Х. Хергиани составили план распределения кинокамер по лагерям и ознакомили с ним Федерацию альпинизма СССР и оргкомитет эверестовской экспедиции. Вот выдержки из этого плана:

“...Базовый лагерь. Вес основного запаса кинокамер, оптики, пленки, магнитофонов и штативов, аккумуляторов и батарей — 250 килограммов; лагерь 6500 — 12 килограммов; лагерь 7200—8 килограммов; лагерь 7800—6 килограммов; лагерь 8200—4 килограмма, лагерь 8500—2 килограмма 990 граммов (16-миллиметровая камера с широкоугольным объективом, кассеты с пленкой).

...Просим предусмотреть в планах восхождения доставку этой аппаратуры в высотные лагерь”.

В конце 1981 года наш план был всеми одобрен. Но если бы он выполнялся!.. Да, если бы он выполнялся, тогда у некоторых наших альпинистов не было бы таких сложностей со съемками на маршруте, которые возникли впоследствии...

В феврале 1982 года подготовка киноэкспедиции завершилась. Камеры и оптика уложены с учетом распределения грузов по лагерям, упакованы так, чтобы ничто их не повредило ни во время перелетов, ни в тряском пути на грузовиках, ни во время транспортировки на спинах яков, ни во время многодневных переносок на спинах носильщиков по крутым заснеженным горным тропам.

Тем временем на завершающем заседании оргкомитета ветераны альпинизма В. Абалаков, К. Кузьмин и в особенности страстный Владимир Монагаров просят помнить, что миллионы людей здесь, на Родине, будут болеть за успех экспедиции, ждать наших репортажей для программы “Время” и “Клуба кинопутешествий”, и в особенности будут ждать нашего фильма.

Они поддержали наше предложение включить вес камер в планируемый полезный вес, переносимый восходителем, и особо помогать тем, кому предстояло снимать на высоте.

У кандидатов в сборную шла напряженная подготовка, а мы попали в цейтнот: кроме всех текущих дел нужно было срочно заканчивать и сдавать фильм “Гималайские сборы”. Он рассказывал о подготовке 3 экспедиции к предстоящему восхождению на Эверест. Причем съемки проходили порой в таких местах и условиях, о которых даже сами руководители экспедиции и не подозревали. Нам удалось снять Юрия Голодова, когда он установил своеобразный рекорд, поднявшись “на высоту” 11 000 метров без кислорода во время испытаний в барокамере. Мы снимали испытания палаток в аэродинамической трубе. Снимали кандидатов в сборную Сергея Ефимова и Валентина Божукова, когда они провели сутки в термобарокамере при температуре минус 40 градусов, при ураганном ветре. Нам удалось быть рядом с ними. Закрытые двумя стальными шлюзами среди инея и мороза, мы ужаснулись, когда через десять минут наши камеры замерзли.

Мы снимали заседания оргкомитета, которые про водил Анатолий Иванович Колесов, в прошлов выдающийся спортсмен, двукратный чемпион Олимпийских игр, великолепный организатор, ставивший все вопросы и решавший проблемы серьезно, по-государственному. Благодаря его усилиям были решены многие проблемы, открывшие путь нашим спортсменам в Гималаи, к Эвересту.

“Гималайские сборы” были закончены за два месяца до вылета экспедиции в Непал. Несколько позднее, после завершения восхождения, фильм был доставлен в советское посольство в Катманду и показан на торжественном приеме по случаю покорения величайшей вершины мира собравшимся гостям — дипломатам, журналистам, спортсменам, государственным и общественным деятелям Непала. Его демонстрация

неоднократно сопровождалась аплодисментами и восхищенными возгласами. Так оценивался неимоверно тяжелый, самоотверженный труд во имя науки, во имя изучения возможностей человека.

Нам запомнилось первое впечатление ребят, посмотревших на самих себя со стороны. Они, честно говоря, были потрясены тем, через что сами прошли. Казбек Валиев первым пошутил: “Это, ребята, фильм ужасов!..”

Порой нам казалось, что ужасной, жестокой была сама судьба экспедиции. Съёмки любого фильма требуют огромных взаимных усилий — тех, кого снимают, и тех, кто снимает...

Жаль, что руководство экспедиции не ставило альпинистам задачу снимать для истории. Этим занимались энтузиасты, которые успели почувствовать силу кинодокумента, которые взвалили на свои плечи незапланированные килограммы и далеко не почетные тогда обязанности.

Особенно трудными были первые дни работы на склонах Эвереста. Ребята приходили измотанные, нервничали. Погода была ужасной. Эверест гудел и гудел. Если стоял этот тяжелый гул, значит, сила ветра была такова, что работать на маршруте не всегда было под силу. Но ребята работали. В лагерь надо было забрасывать жизненно необходимое, только жизненно необходимое.

Помнится, однажды вечером при свечах — ребята берегли батарейки фонариков — к утреннему выходу на маршрут готовились алмаатинцы.

— Возьмите камеру, ребята... Надо ведь снять вам вашу работу.

В ответ раздаётся грустный глубокий вздох...

— Прихватите камеру. Цены не будет этим кадрам....

— Нет, ребята. Не до камеры нам сейчас.

— Мужики! Ну а как же другие альпинисты?! Диренфурт, руководитель экспедиции в семьдесят третьем году, до восьми пятисот лично нес камеру и кислород для того, кто пойдет на штурм вершины... Даже если не удавались экспедиции — оставался материал с горы. Людям оставалась память об экспедиции! Не для себя же просим, ребята! Не для себя! Вон сколько людей хотело пойти на Эверест — сами знаете. Что им покажем, когда вернемся?!

Подобных ночных встреч у нас было много, практически перед каждым выходом каждой четверки. Это были тихие разговоры, требующие большого такта и уважения к спортсменам. Мы понимали, что им тяжело, что часто они идут на грани возможного. Мы не обижались, когда нам отказывали, но... снова и снова упрашивали их взять камеру.

По смете кинокартины четыре высотных шерпа-носильщика должны были помогать в заброске киноаппаратуры в высотные лагерь. Но... Кинокамеры, которые, по нашему убеждению, должны были уже находиться в каждом лагере, чтобы любой из участников мог взять их и снимать то, что подсказываем мы, то, что считает нужным он сам, пока все еще лежали внизу, в нашей палатке в базовом лагере.

Мы были счастливы, когда на маршрут уходил Володя Шопин. Он отмахивался от наших слов благодарности, они казались ему назойливыми и лишними. Он просто брал кинокамеру и снимал. Причем ни разу кинокамера не была включена в полезный вес переносимых им грузов.

В нашем дневнике сохранилась такая запись; “Передовая четверка начинает работы на ледопаде Кхумбу. Володя Шопин взял с собой одну из камер — начал снимать обработку ледопада, прохождение первых метров над страшными трещинами. Ему удалось снять ту часть маршрута, от которого вскоре экспедиция отказалась. Ледяные глыбы по сорок — пятьдесят метров высотой стояли на маршруте, как молчаливо ждущие

изваяния. Через некоторое время они дождались - с грохотом упали. Но Володя успел их снять..."

Однажды ночью, кажется 23 марта, разразился необычайный ураган. Внизу, в базовом лагере вся команда в это время сидела в "кают-компании". Ребята любили эти вечерние часы, когда при свете бензиновой лампы, тихо шипевшей на гвозде под самым шелковым потолком, текли разговоры; иногда Сережа Ефимов или Леня Трощиненко заводили песни и все тут же подхватывали их. Кто-то затевал негромкие разговоры... Кто-то предавался воспоминаниям... А после того, как Володя Балыбердин смастерил шахматы, изобрел песочные часы, после того, как непальские офицеры связи мистер Висту и мистер Шрестха были научены пению и игре в "фулиш" (по-русски - "дурак"), у всех в "кают-компании" было постоянное дело и интересы.

В тот вечер неожиданно налетевший шквал стал рвать палатку. Эверест гудел все яростнее и громче. Команд не потребовалось: все сразу же выскочили наружу, кто ухватился за растяжки, удерживая палатку, кто потащил тяжелые камни, укрепляя полог. А рядом ветер срывал палатки, где жили альпинисты. Люди в темноте гонялись за разбросанными вещами. В это же время в верхнем лагере шторм с яростной силой трепал и разрывал палатку, в которой отдыхала первая четверка — Балыбердин, Мысловский, Шопни и Черный.

У Володи Шопина сквозь прорванную о выступ камня палатку ветер как в трубу вытащил пуховку, и она исчезла в ночи. То же грозило и кинокамере, но Володя успел ее задержать.

У зрителей часто сдавливают горло в тот момент, когда он видит альпиниста, который бредет, опираясь на лыжные палки. Это мы сняли возвращающегося с Эвереста Володю Шопина. Вот он зашел в лагерь. Бросились к нему товарищи. Доктор Орловский, наш любимый Свет Петрович Орловский, дута и свет экспедиции, помогает снять рюкзак. Тут же Юра Кононов. Тут же шерпы и офицеры связи.

В тот выход Володя Шопин пробыл на склонах Эвереста неделю. Камера и пленка были при нем. Но условия были такими, что он смог отснять только... два кадра... Вот какова цена любого буквально кадра, которые приносили альпинисты с горы.

Запомнилось нам 6 апреля 1982 года. На высоте 7350 заболел Слава Онищенко. Ему становилось все хуже и хуже. Дело принимало катастрофический оборот. Товарищи начали эвакуацию Вячеслава, однако с большим запозданием.

На рассвете 9 апреля из базового лагеря, чтобы помочь в спуске Онищенко через ледопад Кхумбу, вышли Тамм, Романов, Трощиненко. Спускали его всей группой, страховка спереди и сзади. Около одиннадцати утра на подмогу вышли из базового лагеря Сергей Бершов и Миша Туркевич. В лагере остались Овчинников, Иванов, Ефимов — вглядываются с биноклем в ледопад, ждут появления ребят.

Чувствуем настоятельную необходимость снять спуск Онищенко. Тамм категорически запретил оператору выходить из базового лагеря. Когда ему пытались объяснить, как важно снять эту помощь пострадавшему, Тамм ответил: "Этого ведь нет в сценарии фильма, поэтому снимать незапланированное (!) запрещаю". Почему-то вспомнился день, когда на отзыв Тамму был представлен сценарий фильма (Евгений Игоревич был нашим консультантом). В том месте сценария, где описывался предполагаемый эпизод оказания помощи — без чего, собственно, не обходилась ни одна эверестская экспедиция, — на полях четким почерком стояла резолюция: "В экспедиции заболевших не будет!"

И вот Онищенко спускают вниз, а мы ждем, как парализованные. После ухода Тамма Дима Коваленко стал упрашивать Овчинникова. Анатолий Георгиевич тоже сопротивлялся, но как-то нетвердо. В 16.00 заглянул в палатку: "Дима, Хута! Вам пора

выходить, а то не успеете снять". Собрались с Хергиани быстро, схватили только "Конвас" с трансфокатором и широкоугольным объективом без штатива — и бегом к ледопаду Кхумбу. Легко сказать "бегом"... После полуторачасового подъема вдруг разглядели среди сераков темные фигурки ребят. Дышим тяжело. Пришлось лечь, чтобы не дрожала камера. Снимаем наезд, поставив камеру на глыбу льда. Появляется в кадре Евгений Игоревич, машет руками: "Не снимайте! Слышите? Не снимайте!!" Минут через пятнадцать ребята спустились к нам. Вячеслав Онищенко выглядит ужасно. Но невероятным напряжением воли он еще держится. Во всяком случае, сам передвигает ноги, поддерживаемый товарищами под руки.

Снимаем с Хутой широкоугольником Бершова, Онищенко и Туркевича. Щадим Славу, не показывая гримасы лица, за которыми боль... Правда, теперь об этом жалеем...

Свет Петрович измерил в базовом лагере давление у Онищенко. Пятьдесят на ноль. Вячеслава укладывают в "кают-компанию". Капельница под потолком. Вливания. Шипит подаваемый кислород.

На ночное дежурство у Онищенко назначены Голодов и Коваленко. Долгая, беспокойная, страшная ночь. К утру Онищенко стало легче. Через два дня он стал приподниматься.

Вниз, к зелени, прочь с высоты, понес его на своих могучих плечах Леонид Трощиненко. Провожали Славу Онищенко все, кто был в базовом лагере. Коваленко снимал. Володя Шопин писал фонограмму.

Позднее, когда сам Онищенко увидел эти кадры, они потрясли его простотой и одновременно драматизмом происходящего.

Помнится, кто-то из зрителей в Обнинске прислал Евгению Игоревичу Тамму записку: "Есть ли в фильме подтасовка событий?"

— Это казалось нам кощунством — снимать Вячеслава Онищенко в таком состоянии, — скажет в ответ Евгений Игоревич. — Но как хорошо, что ребята сняли эти кадры. Теперь мы им благодарны!

Кто-то спросил:

— Правда ли в кинокадрах, когда Леонид Трощиненко уносит на своих плечах Онищенко? Евгений Игоревич ответил:

— Да. Это правда. В ту минуту, когда Вячеслава Онкщенко уносили из лагеря, это было именно так... И должен сказать, — добавил Евгений Игоревич, — наши экспедиционные кинематографисты. Валя Венделовский и Дима Коваленко, проводившие с нами экспедицию с первого и до последнего дня, не занимались восстановлением фактов. Они снимали то, как было на самом деле.

29 апреля 1982 года — один из самых счастливых дней пребывания в Гималаях: в базовый лагерь принесли долгожданные вести с Родины. Альпинисты счастливы, читая письма. Ленинградцы слушают "коллективную" кассету с записями голосов детей, жен. Слезы стоят в глазах Володи Шопина. Леня Трощиненко тоже подозрительно отвернулся. Нам же повезло больше всех; кроме родных нам написали коллеги со студии. Их послание было, пожалуй, самым радостным: кроме добрых слов они сообщали, что первая партия присланного из Непала материала проявлена без брака!

Накануне предстоящей установки последнего перед вершиной, пятого лагеря, а возможно, и штурма вершины в базовом лагере мы снимали торжественную церемонию: Евгений Игоревич Тамм вручал выпелы — флаги Непала, СССР и Организации Объединенных Наций Мысловскому и Балыбердину, Ильинскому и его группе (Чепчев, Валиев, Хрищатый). Вручает всем вместе, так как неизвестно, кто все же пойдет первым на вершину. Многие сомневаются, что Мысловский и Балыбердин осият маршрут от

лагеря-4 до лагеря-5, на котором еще пусто — нет ни одной веревки, нет ни одного крюка, где еще никто никогда не бывал.

Тем не менее Володя Балыбердин накануне выхода научал в нашей палатке кинокамеру. Мы написали ему четкую и простую инструкцию в крохотной тетрадочке: "Пункт 1: снять крышку с объектива; пункт 2: взвести пружину (ручка справа на корпусе), пункт 3: выбрать наиболее важную деталь, навести резкость и снимать без панорам 5—7 секунд". И такие же простые напоминания еще на нескольких листках. Эти советы позволяли альпинистам на большой высоте, где "трудно соображает голова", снимать с минимальными усилиями. Мы говорим "минимальными", но часто они, эти усилия, выше человеческих сил. Когда перед альпинистами стоит выбор — или один кислородный баллон или кинокамера,— тут есть о чем задуматься. Вот что было поставлено на весы!

Итак, в конце апреля Владимир Балыбердин в лагере 7800 взял кинокамеру, принесенную туда Владимиром Шопиным, и понес ее в верхний лагерь, которого еще не было... Подъем кинокамеры на 7800 стоил Шопину невероятных усилий, а быть может, и вершины.

Наступило 4 мая 1982 года. Мы на Калапате. Это единственное место вблизи базового лагеря, откуда хорошо видна вершина Эвереста. Ветер рвет полог нашей высотной палатки. И без того она тесна, сегодня в ней вовсе не шелохнуться: всю ночь вместе с нами отогреваются кино- и фотоаппаратура, громоздкие, угловатые, холодные кофры и ящики, которые мы упрятали сюда от снегопада.

В эту ночь вдали от базового лагеря мы почти не спали. Наконец в пять утра мы говорили друг другу: "Ну что?... Пора?!" - и молчим. Молчим, понимая, что пришел самый главный день экспедиции.

До вершины от нас совсем недалеко, по карте всего лишь восемь километров, и мы слышим, как опять начинает гудеть Эверест. Жуткое ощущение: в морозной предутренней мгле звук мчащегося по мосту тяжелого состава. Только мост этот кажется сотканным из голубых хрупких ледяных глыб. И время от времени Эверест и окрестные вершины, будто при вздохе, сбрасывают с себя лавины. Совсем недавно на рассвете, когда шерпы уходили с заброской кислорода через ледопад Кхумбу, рядом с ними прогремела лавина и скрыла людей в белой снежной пелене. Если бы они вышли на три минуты раньше... Мы боимся вслух думать, что же могло произойти...

Выползаем на пронизывающий ветреный холод, долго возимся с заледеневшими за ночь "голибьерами", ноги никак не хотят всунуться в эти замерзшие ботинки, потом воюем с примусом. В нем уже почти нет бензина, его хватает только на то, чтобы куски плотного льда и снега растаяли. Вот и весь сегодняшний чай. На весь день.

Сквозь объектив — огромную, почти полутораметровой длины трубу, которую мы чудом донесли сюда без единой встряски, а несли пешком в течение семнадцати дней,— перед нами чернела на контровом свете увеличенная в сорок раз вершина великого Эвереста.

Поначалу нам казалось, что мы видим на гребне горы два силуэта. Но сколько потом мы ни вглядывались, они оставались на своих местах.

Тем временем окончательно рассвело. С утра день был солнечным, морозным. Величественная панорама Гималаев простиралась перед нами. Настроение было торжественным и высоким. Но к нашим пожиткам опять и опять пикировало черное воронье, как будто бы напоминая о мрачных предчувствиях. Они были у нас, что скрывать, и мы, не сговариваясь, об этом подумали вслух.

У самой стены ледопада Кхумбу в эти минуты уже разыгрывалась первая часть драмы. Шедший за Юрием Голодовым Алексей Москальцов сорвался с лестницы в пятнадцатиметровую трещину и, может быть, именно в эти минуты теряя сознание,

пытался дотянуться до отлетевшего от него ледоруба, как до надежды, которую ему никогда не удастся осуществить.

Юрий Голодов, вытащив все же Лешу из трещины, будет на радиосвязи с лагерем, сам еще не до конца сознавая трагичность случившегося, убеждать Евгения Игоревича Тамма, что с Лешей все хорошо, что травмы совсем пустяковые. А через час доктор Свет Петрович Орловский передаст свой первый диагноз Евгению Тамму по радио. "Юрий Голодов, — скажет он, — чтобы не смущать восходителей (то есть Владимира Балыбердина и Эдуарда Мысловского), не стал говорить всей правды".

Эверест продолжал тревожно гудеть. Ветер гулял по Западному цирку, как в огромных органных трубах, напоминая о себе мощным голосом. Под грохот лавин, раздававшихся то слева, то справа, Леонид Трощиненко на спине протащил залитого кровью Москальцова через самые опасные места, и уже там, где путь по ледопаду упрощался, Лешу уложили на специальные носилки.

Уже позднее, когда проявят этот материал, отснятый Хутой Хергиани и самим Леонидом Трощиненко, и пленка будет на монтажном столе, мы бесконечное число раз будем рассматривать эти кадры... Сыпал мелкий снег. Ярко на фоне льда выделялись фигуры людей. Перебросив через плечи лямки, как постромки, они удерживали почти на весу брезентовое ложе с человеком, два часа назад вышедшим на штурм высочайшей горы мира... Они шли медленно, оберегая своими осторожными шагами чужую боль, которая входила в их сознание как своя собственная, как еще один жестокий удар Эвереста по планам экспедиции, членами которой они себя особенно остро почувствовали сейчас.

Сейчас, когда все уже позади, можно о многом вспоминать и рассказывать. Но если еще и сесть перед экраном, включить его и перед собой прогнать кадры, отснятые в невероятных условиях там, на склонах великой горы, — рука сама потянется к выключателю скорости. И на экране тогда замрет изображение. И можно его рассматривать как угодно долго... Увы! Как это необъяснимо теперь далеко: как передать ощущения? Как передать чувство кислородного голодания? Огромных ветров? Нестерпимо палящего солнца, которое прожигает твоё тело насквозь, даже через ветрозащитную одежду? Как передать ту слабость, которая валит тебя с ног, сбивает с дыхания?

В тот яркий, солнечный день, разгоревшийся под бирюзовым небом Гималаев, гора каждым сантиметром своей высоты сбивала дыхание Балыбердина и Мысловского. Это мы знали. И хотели для них только победы.

Володя Балыбердин нес с собой кинокамеру. В те дни люди еще не понимали цены кадров, принесенных с маршрута. Тогда им важна была только победа. Мы жили тогда без зеркала, если можно так будет сказать: в каждом лице мы узнавали себя — такой же восторженный блеск глаз, такая же синева под глазами, такие же лоскуты кожи, которые солнце сдирало с носа, щек и со лба.

Но сегодня, когда на сцены дворцов и актовых залов выходят герои экспедиции, они уже другие, неузнаваемые люди. То гималайское время отошло от них. Но оно осталось в кино- и фотографических документах.

У подножия ледопада Кхумбу мы задыхались и горячились, когда Евгений Игоревич Тамм принял решение — кинооператора высотных съемок Хуту Хергиани отправить наверх, но без кинокамеры, а как носильщика с грузом... Конечно, это вызвало у Хуты ярость, особенно в конце экспедиции, когда альпинисты приходили вниз и сообщали, что на склонах осталась половина занесенных туда продуктов и кислорода!.. А сколько мог бы отснять тот же Хута Хергиани, если бы он снимал, а не был бы простым носильщиком. Его, по существу, превратили в пятого шерпа киногруппы: четырех финансировала студия, но

работу для киногруппы мы увидели только однажды, когда все главное было уже позади и шерпы-высотники отдыхали в лагере, ходили в гости в соседние селения...

И в то же время Хута Хергиани не был обеспечен многим: не было пригнанного и проверенного снаряжения, одежды, кислородного оборудования. Об этом не стоило бы говорить, если бы за всем этим не стояла судьба прекрасного альпиниста, своеобразного, непреклонного и гордого. И очень беззащитного человека.

Хута снял блестящие кадры. Незабываем Эрик Ильинский на маршруте. Крупные планы выдающегося альпиниста, на наших глазах отдающего последние силы вершине. Не хватает воздуха. Широко открыт рот. Ветер рвет рукавицы, привязанные на страховочных веревках. Еле хватает сил поднимать ноги — но Ильинский устремлен вперед. И вот он перед нами — во всем своем бессилии и величии.

Хута снял шерпов, которых остановила стена Эвереста. Он снимал на ледопаде во время пурги, на острых гребнях скал. Он только-только вошел в дело... Работал Хута спокойно, выверенно, и благодаря его огромным моральным и физическим усилиям мы видим многие уникальные кадры. И всегда будем горько сожалеть о том, что решение Евгения Игоревича Тамма было роковым для судьбы Хуты на Эвересте.

Экспедиция сдружила нас на всю жизнь. У всех ее участников сложились хорошие, добрые отношения.

Но экспедиция на Эверест никогда не была только увлекательным путешествием в Непал, в Гималаи. Это был жуткий труд, опасности, неизвестность.

Вся ответственность лежала на Евгении Игоревиче Тамме... Человек он своеобразный, волевой и, да простит нас, порой был упрямый. Как мы ни бились, но ни пленку, ни киноаппаратуру — ничего он не включал в полезный вес, переносимый альпинистом: "Ребята, съемки — это ваше личное дело".

Очень тяжело приходилось тем, кто нам помогал. Сопровождая караван по тропе, как здесь говорили — по "треккингу", Леонид Трощиненко встретил Эдмунда Хиллари, который первым вместе с шерпом Тенцингом покорил Эверест 29 мая 1953 года.

У Трощиненко была с собой кинокамера, которую мы оставили ему "на всякий случай", для особого события, и он снял Эдмунда Хиллари. Режиссировал эти съемки Юрий Кононов, наш переводчик, сам прекрасный кинолюбитель.

Позднее Леня снял эпизод спасательных работ по эвакуации из ледопада Алексея Москальцова.

И опять мы у постели нашего пострадавшего товарища. Ему очень повезло. Через десять дней вертолетом он был вывезен в Луклу. А по пути... снял сверху лагерь и Эверест!

По утрам нас будили молитвы шерпов: "Ом мани падмэ хум..." В трех метрах от палатки на рассвете обычно Самоду разжигал жертвенный огонь. Хоть мы и жили в одном лагере, но шерпы жили по своим законам. Мы сняли этот эпизод. Вспышкой снято много фотокадров — приход с вершины Валентина Иванова и Сергея Ефимова, эпизоды в палатке, "кают-компания", портреты...

Когда наступили дни штурма, когда к нам уже привыкли и не замечали, сняты крупным планом переживающие люди. И особенно получились Евгений Игоревич, Володя Балыбердин, Володя Шопин, Эдик Мысловский.

...Так вот, в тот день, 4 мая, медленно, очень медленно ползли стрелки часов. После полудня наконец мы заметили на склоне две крохотные фигурки. Они карабкались к вершине горы.

К этому времени солнце уже нагрело склоны окрестных скал и воздух колебался. Все нам виделось как в дрожащем мареве.

...Перевалило за полдень... Крохотные голубовато-синие точки (Балыбердин и Мысловский были в синих пуховках) двигались к вершине Эвереста очень медленно. Мы смотрели на ребят в свой объектив. Мы были единственными, кто их видел в этот момент.

К этому времени из долины Катманду начали надвигаться отдельные белые тучи. Причем они разрастались как-то внезапно: видимо, теплые потоки тропического воздуха сталкивались с холодным горным — и чистый участок голубого неба вдруг буквально на глазах набухал белой тучей. Их становилось все больше, и вот они длинной чередой потянулись вдоль горной цепи, приближаясь к вершине Эвереста.

Синие точки — силуэты Владимира Балыбердина и Эдуарда Мысловского — то ли исчезли за гребнем, то ли растворились в зыбких колебаниях воздушных масс.

К часу дня, как и обещали, подошли шерпы. Это были Акпаци и Дорджи, спускавшиеся вниз к своим родственникам. Увы, их уже нет в живых. Они погибли на Эвересте. И сейчас мы вспоминаем эту ночь, проведенную на склонах Калапаты накануне штурма вершины Владимиром Балыбердиным и Эдуардом Мысловским. Мы с шерпами спали в одной палатке. Они, оказавшись людьми деликатными, заняли места с краю, согревая нас своими телами. Ночь была ветреной и холодной. Акпаци было уже за сорок, у него побаливало сердце; он мечтал сходить еще раз-другой в экспедицию и потом уйти на покой. Дорджи был молод, силен и тщеславен. Он мечтал покорить Эверест. Это открыло б ему возможность стать сирдаром — руководителем шерпов-высотников. Мы расспрашивали друг друга о семьях, о жизни, рассказывали о нашей стране. Ветер усиливался. Шерпы помогли нам натянуть экран — лавсановое полотно, которое защищало камеру от ветра, вызывающего вибрацию штатива. Шерпы стояли с полотнищем, как с парусом, высоко подняв руки, и такими нам и запомнились навсегда — устремленными в сверкающие миры.

Поздно вечером мы пришли в базовый лагерь и увидели здесь возбужденных, чем-то встревоженных товарищей. Мы и без слов поняли, что Эверест взят. Но положение, видимо, оставалось сложным. К этому времени Володя Балыбердин на вопрос Евгения Игоревича Тамма: "Как там Эдик?" — ответил: "У него кончается кислород".

Если это и был сигнал "SOS", то выразил его Балыбердин с достоинством, вызывавшим уважение.

Наступила морозная ночь. К счастью, снегопад прекратился, тучи, как внезапно пришли, так же неожиданно быстро растворились в сине-фиолетовом небе. Снежные склоны гор настороженно и таинственно высвечивались мертвящим светом, ветер срывал с них снежные флаги.

То тут, то там раздавался хруст снега под ботинками людей. То тут, то там вышагивали двойки, слышались тихие встревоженные голоса. Радиостанции работали на прием, но Эверест пока молчал. Все уже знали, что Сергей Бершов и Миша Туркевич отправились из последнего лагеря на поиски Балыбердина и Мысловского. Это была настоящая "спасаловка", но на небывалой для наших альпинистов высоте — 8800 метров.

Прошло полчаса. Еще полчаса. Нервничал Евгений Игоревич. Не то слово — нервничал. Неподалеку от палатки, где работала рация, чувствовался едва уловимый запах какого-то сердечного лекарства... Всем было в этот момент не по себе. А ему — в особенности.

Однако в палатке, где обедали шерпы, почему-то раздавалось веселое пение, слышались возбужденные, громкие голоса. Кто-то из нас спросил мистера Говарда, офицера связи, что все это значит. Он спокойно ответил: "Сегодня праздник Будды. Сегодня он прощает людям все их ошибки. С теми, кто сегодня на Эвересте, все будет в порядке. Вы удачно выбрали день первого восхождения!" И веселье в палатке продолжалось с новой силой.

Когда с горы пришла весть о том, что альпинисты разыскали Балыбердина и Мысловского, что Туркевич и Бершов принесли им спасительный кислород настал, пожалуй, самый сильный момент этого дня. Все мы, кто был там, в те часы были охвачены мрачной тревогой и жили в предчувствии непоправимой беды. И вот она миновала! И мало того. Туркевич стал требовать права на восхождение, и его поддержал Балыбердин. Евгении Игоревич Тамм едва не был сражен окончательно таким поворотом дела, но не это ли доказывало, что все в здравии и есть еще возможности и силы у ребят?! Все благоприятствовало их варианту: вершина была рядом, кислорода было достаточно, товарищи были спасены. И кроме того, совершенно резонно было попробовать пойти на вершину Эвереста, потому что ночевать всем шестерым в двухместной палатке было невозможно.

Тамм дал “добро”. Радиостанции опять замолчали. Откуда-то снизу наплывала тяжелая черная туча. Казалось, она вот-вот закроет вершину, и тогда там, в сплошной темноте на вершине горы, может случиться беда.

Лагерь не спал.

И вдруг уже поздней ночью опять в тишине раздался хрип вызова... Туркевич и Бершов сообщали о том, что они взяли вершину. Но этот день, 4 мая, еще продолжался. И впереди у тех, кто был ниже, и у тех, кто только что покорил Эверест, был еще спуск...

Радиозаписи сохранили тревогу той ночи. Советы доктора Света Петровича Орловского. Сюда, к нам, в базовый лагерь, при словах “компламин”, “обезболивающие”, “стимулирующие” будто по невидимым проводам приносило боль, которую терпели ребята там, наверху.

Через три дня, когда альпинисты спустились с вершины и все мы праздновали победу первых покорителей, мы увидели вдруг руки Эдуарда Мысловского. Есть ли документ сильнее, чем эти кинокадры? Руки с обмороженными, черными пальцами, а на ладони — долька мандарина. Это были страдающие, обреченные руки мужественного человека, сделавшего все, на что он был способен, чтобы одолеть в конце концов Эверест...

Рядом лицо Владимира Балыбердина — неузнаваемо похудевшего, пережившего самые высокие и самые острые чувства. Человека, на наш взгляд, ставшего лидером всей экспедиции. Когда однажды спросили: “А кто же был самым сильным спортсменом экспедиции?” — Тамм ответил: “На тот момент им был Владимир Балыбердин”. Нет, не умаляя ничьего достоинства, не обижая никого — да никто и не обижался,— это было именно так! Тактическая обстановка складывалась так, что Балыбердин и Мысловский могли и не взойти на вершину. Но Владимир Балыбердин принес кинокамеру на вершину, снял панораму с высочайшей точки планеты, снял подход Эдуарда Мысловского. Потом они снимали друг друга фотоаппаратом. Кислород у Мысловского кончился, стало трудно обоим. Пленку в кинокамере Балыбердин оставил. Эту пленку поднявший на следующий день на Эверест Сергей Ефимов возьмет, но — увы! — потеряет при спуске...

Но сам Ефимов снимет Валентина Иванова. Это случится 5 мая. Вершина голосом капитана команды вызвала Дмитрия Коваленко срочно на рацию: “Дима, срочно объясни нам, как пользоваться камерой, как ее заряжать...”

Слышно ребятам нас плохо. Валера Хомутов, находившийся в этот день в лагере-2, ретранслирует наши инструкции. Именно в этом разговоре, таком необычном для нас, мы узнаем, что Владимир Балыбердин занес на вершину не легкий стограммовый широко угольный объектив к камере, а тяжелый, полуторакилограммовый трансфокатор. Это радость: он снимала не только общие, но и крупные, и средние планы. Но горечь в том, что нам “предоставила слово” не экспедиция, а сама вершина.

Пролежав ночь с 4 на 5 мая на вершине, в снегу, замерзшая камера долго не работала, и мы попросили ребят согреть ее под пуховкой. Наконец через пятнадцать минут она заработала.

Но из того, что было снято Ивановым и Ефимовым, получилось всего несколько кадров. И только один из них был качественным — вот цена этим огромным усилиям...

Однако счастье наше в том, что все четверки имели надежные, легкие фотоаппараты, заряженные негативной цветной киноплёнкой. Это были плёнки средней чувствительности, высокой разрешающей способности, и, что оказалось особенно важным, они обладали большой фотографической широтой. Это качество сыграло свою роль: ведь альпинисты не могли постоянно пользоваться экспонометром, допускали передержки и недодержки, но почти все, что они сняли, было спасено от брака. Мы благодарим Владимира Балыбердина и Эдуарда Мысловского, Мишу Туркевича и Сергея Бершова, Валентина Иванова и Сергея Ефимова, Валерия Хрищатого и Казбека Валиева, Ерванда Ильинского и Сергея Чепчева, Валерия Хомутова, Юрия Голодова и Владимира Пучкова — они снимали друг друга, а тем самым — историю экспедиции. Спасибо Леониду Трощиненко, Хуте Хергиани, Владимиру Шопину за киносъёмки. Спасибо Николаю Черному, Владимиру Воскобойникову, Юрию Кононову, Анатолию Овчинникову, Евгению Игоревичу Тамму, председателю Федерации альпинизма Борису Романову, Свету Петровичу Орловскому — всему коллективу экспедиции на Эверест...

Наступило время сдачи картины. Материал высотных съёмок Евгений Игоревич Тамм увидел впервые только на просмотре фильма. Просмотр произвел на него настолько сильное эмоциональное впечатление, что сидевшие рядом увидели нашего “железного шефа”... плачущим...

Мы видели наших ребят, впервые смотревших картину, и не помним, кто из них не повторил пример Евгения Игоревича. Потому, наверное, что сами они вкладывали всю страсть и всю душу в дело, которое так триумфально завершили.

А там, на вершине, навсегда осталась кинокамера “Красногорск”, которую поднял наверх Владимир Балыбердин. Осталась, как доказательство наших усилий, как память о самых великих днях нашей жизни.

9 мая 1982 года, стоя на вершине Эвереста, Валерий Хомутов спросил базу, что делать с кинокамерой.

“Венделовский дарит ее вершине!” — этими словами Евгения Игоревича Тамма и была решена ее судьба.

Впрочем, это не совсем точно. Кинокамеру подарили вершине сами восходители — Владимир Шопин, Леонид Трощиненко, Хута Хергиани, Валерий Хрищатый и, наконец, Владимир Балыбердин! Они подарили советскому спорту свой замечательный успех, по праву принадлежащий всему нашему народу.

Мы уверены, что еще состоятся восхождения на великие Гималаи. Но это восхождение на Эверест, совершенное 4—9 мая 1982 года, было в будет неповторимым.

Катманду. На приеме в Сити-холле.

В Сити-холле.

Дели. Советская экспедиция на приеме у премьер-министра Индии Индиры Ганди.

Москва. Тройка ленинградцев у гостиницы "Космос".